

МОЛОДОЙ

УЧЁНЫЙ

Международная научная конференция

ПРАВО: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА(II)

Санкт-Петербург

УДК 340(082)

ББК 67

П68

Редакционная коллегия сборника:

*М.Н. Ахметова, Ю.В. Иванова, К.С. Лактионов, М.Г. Комогорцев,
В.В. Ахметова, В.С. Брезгин, А.В. Котляров, А.С. Яхина, М.О. Насимов*

Ответственный редактор: *Г.А. Кайнова*

Право: история, теория, практика (II): материалы междунар. науч.
П68 конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2013 г.). — СПб: Реноме, 2013. —
vi, 142 с.

ISBN

В сборнике представлены материалы международной заочной научной конференции «Право: история, теория, практика (II)».

Рассматривается широкий круг вопросов в сфере юриспруденции: теория и история государства и права, государственное право, гражданское право, уголовное право и пр.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 340(082)

ББК 67

СОДЕРЖАНИЕ

1. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Кочкаров Р.М.Ценностный анализ интегральности справедливости и равенства
в праве. 1**Шаганенко В.П.**

Структура системы права. 9

2. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Воронина И.О.Государственно-правовое регулирование оборота алкоголя
на постсоветском пространстве 20**Забзалюк Д.Е.**Орден тамплиеров в крестоносном движении:
историко-правовой аспект 24**Ланцева В.Ю.**Юридическая природа договора морской перевозки груза
в праве Российской империи 29**Никитин А.А.**Нормативно-правовое обеспечение деятельности общей полиции
в борьбе с уголовной преступностью в 60–80-е гг. XIX века. 333. КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ)
ПРАВО**Акулова Ю.А.**

Взаимодействие бывших союзных республик по вопросу гражданства. ... 39

Турбало И.А.

Виды нарушений в ходе предвыборной кампании. 42

5. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Федорова А.Ю.

Некоторые вопросы усовершенствования нормотворческой деятельности центральных органов исполнительной власти Украины. 52

7. ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Белова Т.А.

Правовое регулирование налоговой амнистии в Российской Федерации. 62

9. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Бредихина Е.А.

Предоставление правовой помощи малоимущим в странах Центральной и Восточной Европы. 68

Давыдова Е.И.

Сравнительная характеристика залога земельных участков, как формы обеспечения кредитных обязательств в России и зарубежных странах ... 72

Кнороз А.И.

Вопросы классификации оснований прекращения опеки и попечительства. 76

15. ТРУДОВОЕ ПРАВО

Миннибаев Б.И.

Особенности регулирования трудовых отношений в Российской Федерации на основании трудового договора. 90

17. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Насонов С.А.

Модель производства в суде присяжных по Уставу уголовного судопроизводства России 1864 года. 96

Плахотнюк Ю.И.

Проблемы, возникающие при обеспечении безопасности потерпевших и свидетелей в уголовном процессе, рекомендации и пути решения. 109

Середнев В.А.

О сходстве правовых характеристик результатов оперативно-розыскной деятельности и получения доказательств в уголовном процессе. 115

Стрелкова Ю.В.

Сравнительная характеристика процессуальных средств обеспечения объективности судей и присяжных заседателей. 119

19. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Новикова Ю.В.

Воспитательные колонии и концептуальное развитие их
в будущем России 125

20. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Долженкова О.А.

К вопросу о применении силы в международном праве..... 131

21. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Джанибекова Н.А., Зарипов Ш.А.

Место социального самоопределения в жизненной позиции
молодого поколения..... 137

1. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Ценностный анализ интегральности справедливости и равенства в праве

Кочкаров Руслан Махарович, кандидат юридических наук, доцент, ректор Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия (г. Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика)

Актуальность темы исследования определяется тем, что вопросы, связанные с реализацией демократических принципов государственного строительства, достижением оптимального для демократического государства уровнем взаимоотношений между властью и обществом имеет для современной России важное значение. В данной статье выявляется единство справедливости и равенства с ценностями права на основе принципа дополнительности.

Ключевые слова: мораль, право, справедливость, равенства, единство, взаимосвязь, ценности, принцип дополнительности.

Уримлян понятия «право» и «справедливость» согласовывались так, что термины, выражающие эти категории, производились от одного корня: *jus* — право, *iustitia* — справедливость. Это свидетельствует о том, что право неразрывно связано со справедливостью. Поэтому право не может ни производиться, ни модифицироваться, ни использоваться без опоры на справедливость. Вследствии этого многие исследователи отмечают, что справедливость фундаментальная основа, которая несет в себе юридическую истину. В этой связи Л. П. Карсавин пишет: «...Право, следовательно, обосновано абсолютно, истекая из идеи справедливости, правды» [1].

В концепциях многих ученых-правоведов сущность право нередко исследуется неоднозначно. Это порождает неопределенность при его употреблении, трудности в понимании этого понятия. Так, например, Р. З. Лившиц в своих

трудах указывает на правовую природу справедливости. По его мнению, идея справедливости с самого начала воплощена в праве [2].

Согласно же Р. Иеринга справедливость «основано на принципе равенства в праве» [3]. А некоторые авторы понятия «правовая справедливость» и «социальная справедливость» [4] считают синонимами. С нашей точки зрения нельзя их отождествлять. Дело в том, что справедливость в праве представляет собой необходимый минимум, в силу чего она ограничена соответствующей сферой. В этой связи стоит указать и на то, что позитивное право не всегда является справедливым. Так, например, нельзя считать справедливым единые ставки налога для юридических лиц, активно реализующих коммерческую деятельность и получающих прибыль и сверхприбыль и для убыточных «умирающих» предприятий. Представляется, что невозможно считать справедливым и взимание налогов по единым ставкам с физических лиц, извлекающих свои доходы от коммерческой деятельности и от педагогической, лечебной практики и т.д. Таких примеров можно привести сколько угодно, но и этого достаточно, чтобы показать, что справедливость в праве шире по объему и глубже, чем олицетворенная в действующем законодательстве официально признанная мера. В силу этого можно согласиться с Р. З. Лившиц, который полагает, что справедливость шире права [5]. Он исходит из того факта, что олицетворение ценности вначале получает в нравственности, а затем нисходит на уровень обычаев и права.

Л. Т. Карсавин и некоторые другие ученые утверждают, что право и мораль связаны лишь через идею справедливости. При этом по его мнению справедливость является низшей сферой нравственности [6]. В этой связи заметим, что правовая (или юридическая, но это понятие не совпадает с понятием правовой справедливости, оно идет от разделения понятий право и закон) справедливость представляет собой одну из форм проявления справедливости. Представляется, что наряду с правовой справедливостью существуют и такие ее формы как социальная, этическая, политическая и т.д.

С нашей точки зрения, право формально устанавливает условия самоутверждения личности (справедливость в праве), но не обуславливает самое действие, ее сущность. Поэтому в формах правовой справедливости возможна аморальная (нравственно несправедливая) деятельность. Вместе с тем право не обладает творческими силами норм морали, не способен сделать людей внутренне более развитыми. Данный факт связан с тем, что правовая форма обусловлена нормативностью, а общие нормы должного появились как соблюдение конкретно — индивидуальных актов, с отвлечением от полноты и определенности.

Однако существуют взгляды, которые справедливость противопоставляют праву. Так, например, С. А. Мурамцев пишет: «Право — противовес справедливости мыслится как нечто непреклонно строгое: напротив, справедливость дает нам правило снисходительное, тягучее: право решает по форме, справедливость вникает в дело по существу; право довольствуется логичностью своих рассуждений. Справедливость стремится удовлетворить требованиям нравственного чувства, хотя и не всегда способна вылиться в определенные словесные формулы; право остается в согласии с основными требованиями данного государственного и общественного строя, справедливость внимает человеческим слабостям и судит по-человечески; право есть выражение стремлений и требований государства, власти, закона, справедливость — выражение чувств всего народа; право подчас охраняет требования эгоистичные справедливость проникнута тенденцией альтруизма; право, в конце концов — творчество человеческого разума, справедливость — голос разума, природы откровение разума божественного» [7].

С этих позиций право выступает как порядок реальный, а справедливость — порядок желательный; право все знают и испытывают как реальный факт, а к справедливости стремятся как к идеалу. Однако стоит заметить, что в жизни социума наступают такие моменты, когда стремление к справедливости увенчивается успехом и идеальное становится реальным. Здесь не имеется в виду идеальное воплощение справедливости как идеала, ибо скоро понимания справедливости разовьются и право вновь окажется «несправедливым».

Представляется, что справедливость воплощается в правовой реальности и находит проявление на следующих уровнях: правосознания, правовых норм, правоотношения [8], правовом поведении всех субъектов права. Указанные понятия нельзя полностью включать в правовую справедливость или отождествлять с ней, ибо они соотносятся со справедливостью в конкретных аспектах.

Некоторые авторы считают, что справедливость в праве проявляется через равенство, гуманизм, законность, ответственность [9]. Исследователи И. М. Гальперин, А. Р. Райтов утверждают: «Равенство и гуманизм, по существу являются выражением уравнивающей и распределяющей ее сторон (форм) справедливости [10]. Ряд авторов включают в понятие «справедливость» целесообразность, соразмерность, обоснованность [11]. Стоит отметить, что указанные понятия, на наш взгляд, соотносятся с правовой справедливостью в определенных аспектах. Поэтому данные понятия полностью нельзя включать в справедливость или отождествлять с ней.

Следует также отметить, что понятия «равенство» и «гуманизм» являются автономными ценностными началами в праве, а следовательно, не могут полностью включаться в понятие справедливости. В этой связи заметим, что понятия «законность» и «юридическая ответственность» производны от справедливости и призваны претворять ее в своих требованиях. Это обусловлено тем, что целесообразность, соразмерность, обоснованность — не являются особыми началами правовой справедливости, это более определенные ценностные начала, через которые проявляется правовая справедливость.

С позиции права справедливость есть уравниловка, наилучшая совокупность условий, при которых своеволие одного лица совместимо с своеволием другого. Это выражает следующее: развитие прав и свобод индивида, признание их высшей ценности соответственно осознанию личности как основного субъекта всемирной истории, ценности личности как цели, а не как средства в праве; адекватность масштаба объема/прав и свобод человека социально — культурной, морально — правовой ступени совершенства социума в целом и определенно исторической ситуации; общность прав и свобод автономно от каких бы то ни было различий и их неотчуждаемость; наличие действительных возможностей для свободы выбора в пределах всего объема прав и свобод; осуществимость автономных действий в соответствии со свободно выраженным вариантом поведения; соответствие прав и свобод функциям человека и воспрещением (наибольшая мера свободы, введенная запретами, не может быть меньше минимальной неотъемлемой свободы); отличие прав и свобод от обязанностей и общность обязанностей; недопустимость злоупотребления правами и свободами в ходе их осуществления; соответствие меры свободы (правам и свободам) мере положительной юридической ответственности; соответствие отрицательной юридической ответственности правонарушению; недопустимость незаконных привилегий (не основанных на предметной качественности); обеспеченность прав и свобод положительными способами стимулирования, поощрения, рекомендациями; обеспеченность прав и свобод граждан государственным принуждением; обеспеченность прав и свобод использованием норм международного права внутригосударственными судами и т.д. Отступление от указанных условий приводит к несоблюдению справедливости, искомая ценность не олицетворяется в законе, он не является правовым. Это обусловлено тем, что правовые законы те, которые воплощают общечеловеческие ценности.

Все вышеприведенные компоненты справедливости в праве указывают об охваченности права справедливостью в виде идей, идеалов, целей, принципов,

формул. В этой связи отметим, что Г.В. Мальцев, указывая на ценностную природу справедливости в праве, под ценностями понимает их социальное (групповое) выражение [12]. Представляется, что справедливость должна выражаться в виде норм, особых предписаний, реальных действий всех людей в правовом поле.

Говоря о том, каким образом закон может стать правовым проявлением справедливости большая часть ученых полагает, что необходимо раскрытие интересов и воли большинства народа, при учете всех мнений другой его части [13]. В этой связи заметим, что воля большинства еще не есть гарантия разумного и справедливого решения. С этих позиций современная демократия нуждается в понимании своей собственной роли и цели: не демократия как самоцель, а демократия как средство к установлению проявления лучших, т.е. наиболее подготовленных профессионалов, обладающих творческим потенциалом, осознающих свою миссию как служение людям, социуму, справедливости, праву, а не как средство удовлетворения личных амбиций, потребностей и жажды власти. Представляется, что такая работа в интересах общества возможна, если доминантой их правосознания и деятельности будут базовые общечеловеческие ценности. Это относится и законодателям, и управленцам, и судьям. Аналогичная работа касается всех управлений работников юридического труда, служение которых справедливости в правовом и нравственном ее понимании должна создать в социуме нравственно — психологическую атмосферу, способствующую распространению добра, милосердия, возвышению цивилизованности и культуры, определять гуманистический камертон, каковым является право в его аксиологическом наполнении.

В правоведении многие исследователи справедливость в праве нередко рассматривают как равенство, которое выражает юридическое равенство прав, а не фактическое равенство. Так, например, некоторые авторы считают, что право составляет юридическое равенство и эквивалент [14]. Безусловно, право, с одной стороны, есть мера формального равенства, а с другой право есть и мера неравенства. Заметим, что формальное равенство дает нам уравнивающий аспект справедливости. Но с нашей точки зрения, чтобы в рамках права функционировала справедливость необходим юридический эквивалент т.е. распределяющая справедливость, воздающая каждому по делам. В этом моменте проявляется вполне определенная связь справедливости (и равенства) с иерархичностью бытия и правового пространства. «Один и тот же понесенный ущерб, — пишет А. Бергсон, — одна и та же ис-

пытанная обида потребуют большей компенсации или более серьезного наказания, если жертва принадлежит к более высокому классу. Таким образом, равенство может основываться на определенном отношении и становится пропорцией» [15]. В том случае, когда равенство становится соразмерной необходимо установить верную, точную формулу для этой соразмерности и здесь также проявляется связь равенство со справедливостью.

В этой связи следует подчеркнуть, что действия законодателя неразрывно связана с дефиницией ценностной иерархии в человеческом бытии и соответственно определением соразмерных отношений деяния и наказания, доходов и налогов, прав и обязанностей. Об этом, например, свидетельствует факт о том, что если в прежнем УК РФ на первом месте стояли преступления против государства, государственной собственности то последовательность расположения глав Особенной части современного Уголовного кодекса РФ является результатом определения такой иерархии. В современном УК РФ совершенно иная иерархия ценностей. Представляется, что определение законодателем ценностной шкалы обуславливает определение первенство в государственной политике, курс на образование и воспитание, построение и деятельность системы государственных органов. Стоит подчеркнуть, что Конституция РФ определяет иерархию ценностей, закрепляя высшую ценность прав и свобод личности.

Говоря о справедливости, следует подчеркнуть, что превалирование равенства над справедливостью приводит к негативным последствиям в сфере законности и правопорядка. В этом отношении значительный интерес вызывает работа В.С. Нерсисянца «Философия права», в которой дается трактовка равенства [16]. Однако представленная здесь интерпретация выявляет лишь один аспект равенства в праве. В данной работе равенство в праве трактуется как всеобщая форма. По мнению этого ученого право всеобщая универсальная форма социальных отношений и как любая другая заключается в абстрагировании от определенных индивидуально неповторимых сущностно-содержательных признаков индивидов. При этом форма представляет собой определенный уровень отчуждения от содержания. Согласно автора право выступает как форма, а индивид в ней представляет собой субъекта права, обладающего конкретный юридический статус — общий, специальный. Он подчеркивает, что индивиды равны как субъекты права. Однако, продолжает автор, действительное равенство статусов — равноправие имеет место лишь в части основных, конституционных прав, свобод и принципов правового статуса. При этом, своеобразные статусы т.е. такие компоненты право-

вого статуса личности как субъективные права и субъективные юридические обязанности вносят правовым статусам несходство, расхождение поскольку опосредуют фактическое неравенство. Своеобразные положения, идеальные права и субъективные юридические обязанности, есть дань распределяющей справедливости в праве, это то, что дает возможность учесть не только общую (равную) природу людей, но и их общественные, имущественные, половые и иные различия.

Однако, равенство индивидов и их свободы недопустимо, доводить до глупости, удовлетворяясь одним формальным свойством правовых статусов. Суживание прав одних индивидов может быть связано с правомерной защитой других лиц, а справедливые льготы отдельным группам граждан исправляют моральные пороки формального равенства между всеми гражданами [17]. Следовательно, можно заключить, что правовой статус личности, это юридическая категория, в которой выражаются общечеловеческие ценности свободы, равенства и справедливости.

В действительности люди никогда не могут быть равными, а поэтому правовая форма есть универсальная фикция, которая объявляет неравное — равным. И граждане, находящиеся в данном правовом поле, должны действовать, исходя из указанной выше фикции. Но стоит отметить, что в этом один из посылов исследования права как игры, формирования игровой модели права. Заметим, что без этой игры человечество не может реализовать свободу каждого, равную меру, общий ее масштаб. Представляется, что равенство в праве есть равные притязания каждого индивида на определенный объем свободы, защищаемые социумом и государством. Разумеется, что такой объем одному индивиду слишком велик, он ему и не нужен, другой даже не в состоянии понять и увидеть пределы данного объема, третий хорошо чувствует себя в защищенном правовыми способами пространстве свободы, четвертый же не вмещается в границы, они ему тесны, не позволяют реализовать свои экзистенциальные смыслы. В этой связи В. С. Нерсесянц пишет: «Право — лишь равный для различных людей формализованный путь к приобретению прав на различные вещи, предметы, блага, а не раздача этих вещей и благ поровну каждому [18]. По нашему мнению к этому можно добавить, что право есть равный для различных людей путь к освоению, реализации в жизни вечных общечеловеческих ценностей. Следует особо подчеркнуть, что именно в этом ценность права. Представляется, что право утверждает свободу, справедливость, равенство в необходимой (минимальной) и достаточной степени. В этом состоит та цель, которого добивается право.

Заметим, что это не удастся совершить в идеальной полноте, но достигаются цели, стоящие по иерархии ниже: утверждается равнодоступный механизм приобретения благ, вещей, предметов.

Литература:

1. Карсавин Л.П. Основы политики. Евразийский временник. Кн. 5, — Париж, 1927; Цит.по: Хрестоматия по истории политических и правовых учений. — Уфа. 1993. — с. 125.
2. Лившиц Р.З. Теория права. — М., 1994. — с. 66.
3. Иеринг Р. Цель в праве. — СПб. 1991. — Т.1. — с. 176–177.
4. Традиции и обновление в праве: проблемы ценностного подхода // Государства и право. 1996. № 4. — с. 106.
5. Лившиц Р.З. Теория права. — М., 1994. — с. 68.
6. Карсавин Л.П. Основы политики. Евразийский временник. Кн. 5. — Париж, 1927.
7. Мурамцев с. А. Право и справедливость// Вестник Московского института. Серия 12. 1999. № 14. — с. 75–76.
8. Вопленко Н.Н. Социальная справедливость и формы ее выражения в праве.// Сов. Гос. и право, 1979. 3.10. — С. 43.
9. Правовая система социализма. Кн. I. — М., 1986. — С. 48.
10. Гальперин И. М., Ратинов А. Р. Социальная справедливость и наказание. //Советского государства. 1986. № 10. — С. 28.
11. Сергейко П. Н. Законность, обоснованность и справедливость судебных актов. — Краснодар. 1974. — С. 147.
12. Мальцев Г.В Социальная справедливость и право. — М., 1977. — с. 76.
13. См. например: Малейн Н.С. О справедливости, праве и ответственности./Теория права. Новые идеи. Вып.2. — М. 1991. — С. 71.
14. Право. Свобода. Демократия (Материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. 1990. № 6. — С. 21,23.
15. Бергсон А. Два источника морали и религии. — М., 1994. — С. 74.
16. Нерсесянц В.С. Философия права. — М., 1994. — С. 17–23.
17. См.: Конституционное право РФ. Сборник судебных решений. — Екатеринбург. 1997. — С. 306.
18. Нерсесянц В.С. Философия права. — М., 1994. — С. 21.

Структура системы права

Шаганенко Владимир Петрович, аспирант

Институт государства и права имени В.М. Корецкого НАН Украины

В статье рассматриваются основные аспекты анализа структуры системы права. Первичным структурным элементом системы права является правовая норма. Норма права как структурный элемент системы права отражает основные свойства права: нормативность, формальную определенность, государственную принудительность. Содержанием норм права являются субъективные права и юридические обязанности, которые предоставляются и возлагаются на субъекты общественных отношений с целью их урегулирования.

Ключевые слова: структура системы права, правовая норма, предмет, метод правового регулирования, правовой режим, правовой институт.

This article discusses the main aspects of the analysis of the structure of law. The primary structural element of the law is the legal norm. Rule of law as a structural element of the law reflects the basic properties of the law: normative, formal certainty, compelling state. The content of the law is subjective rights and legal responsibilities granted and imposed on the subjects of public relations for the purpose of settlement.

Key words: structure of the legal system, the legal norm, object, method regulation, legal status, legal institution.

Система всех действующих норм права каждой страны создает ее право (объективное право, систему права). Необходимо отметить, право — не простая совокупность правовых норм, а их система. Это означает, что все нормы права, создающие право, связаны между собой. Поэтому изменения или недостатки содержания одной нормы влияют на содержание и процесс реализации других норм права. Право является системным образованием. Оно состоит из большого количества разно уровневых структур, первичную клеточку которых составляет правовая норма. Правовые нормы одинакового целевого характера объединяются в институты, а институты в зависимости от сферы их применения и выполняемых функций, — в большие правовые сообщества.

Системность общественных отношений придает праву системные свойства и обуславливает его структуру, являющуюся целостным объединением элементов — норм права, основным назначением которых является регулирование общественных отношений. Учитывая, что в основе любой системы лежит, прежде всего, структура ее элементов, необходимо не только их обозначать, но и выявлять связи между этими элементами, сформулировать общие принципы построения системы и познания закономерностей ее развития.

Структура системы права — это ее внутренний уклад. Раскрыть структуру права можно через: определение первичного элемента системы — правовой нормы и учет предмета правового регулирования как объективного фактора, объединившего эти нормы в определенные группы. Структура системы права, подчеркивает П. Рабинович, — это объективно обусловленная внутренняя организация права определенного государства, которая заключается в единстве и согласованности всех юридических норм и в их распределении по отраслям и институтам права. Основными структурными элементами, «блоками» этой системы являются: норма права; институты права; отрасли права. Первичным структурным элементом системы права является правовая норма. Понятие нормы права, утверждает С. Бобровник, принадлежит к числу самых важных категорий теории права [1, с. 365]. Любое правовое явление раскрывается лишь во взаимосвязи с нормами права. Именно через нормы права государство оказывает влияние на общество, на их основе определяются полномочия государственных структур, благодаря нормам конкретизируются и реализуются субъективные права. Норма права является первичной клеточкой права и исходным структурным элементом системы права. Норма права как структурный элемент системы права отражает основные свойства права: нормативность, формальную определенность, государственную принудительность. Содержанием норм права являются субъективные права и юридические обязанности, предоставляемые и возлагаемые на субъекты общественных отношений с целью их урегулирования. Одним из ключевых вопросов в проблеме системы права является определение условий ее дифференциации, к которым юридическая наука относит предмет и метод правового регулирования. В юридической науке указанная проблема не нова. Научные дискуссии начались еще во времена Римской империи. Обособленность отрасли права и степень ее развития определяются мерой развития и автономности соответствующих отношений и потребностью в их правовом урегулировании. На сегодня устойчивым является положение о том, что сферы права классифицируются по некоторым критериям, основными из которых являются предмет

и метод правового регулирования. Т. Тарахонич указывает, что есть основания утверждать, что правовое регулирование осуществляется при помощи динамичных структур, систем, механизмов, направленных на достижение правового результата в пределах определенной системы юридического влияния на общественные отношения [2, с. 131–176].

В юридической науке под предметом правового регулирования понимают то, что регулирует право, т. е. определенные виды общественных отношений, или соответствующую сферу общественных отношений. По мнению П. Рабиновича, учитывая то, что общественные отношения — это отношения между людьми, можно говорить, что предметом правового регулирования выступают однородные отношения между людьми в обществе. Понятие предмета правового регулирования, указывает автор, дает знания о том, что именно регулируется правом, а понятие метода правового регулирования дает ответ на вопрос (как, каким образом, средством, способом), государство оказывает нормативное влияние на общественные отношения [3, с. 119].

Предмету правового урегулирования, отмечает Н. Пархоменко, присущи следующие характерные признаки: это однородный вид общественных отношений, на который влияют нормы определенной отрасли права; главным фактором, обуславливающим отличие между отраслями права, является специфичность регулируемых общественных отношений, которые, соответственно, отличаются по своему содержанию, цели и задачам; каждой отрасли права соответствует определенная сфера однородных общественных отношений, т. е. определенный предмет правового регулирования [4, с. 390]. Предмет выступает основным критерием разграничения норм права на отрасли, поскольку он имеет объективное содержание, предусмотренное самим характером общественных отношений, и не зависит в принципе от воли законодателя. Именно предмет диктует выделение той или иной отрасли, а когда это происходит, появляется и соответствующий метод регулирования, который в значительной степени зависит от воли законодателя. Последний при необходимости и учитывая характер регулируемых отношений, может выбрать способ правового воздействия на них. Он может варьировать эти способы, используя их в различных комбинациях. В этом заключается субъективность метода, которая отличает его от предмета. Но они оба играют важную роль в построении системы права, тесно взаимодействуют друг с другом. Наряду с предметом правового регулирования важным фактором, влияющим на дифференциацию права, является метод правового регулирования. В энциклопедической литературе под методом правового регулирования понимают способ влияния юридических

норм на общественные отношения. П. Рабинович понимает под методом правового регулирования специфический способ властного влияния государства на общественные отношения, осуществляемый при помощи правовых норм и других юридических средств. Исходя из того, что право — это правила поведения людей, т. е., прежде всего, право действует на поведение людей, которое является сущностью общественных отношений, метод правового регулирования можно определить как средство воздействия права на поведение людей как субъектов общественных отношений. Категория метода правового регулирования применяется для характеристики регулирующего действия на общественные отношения различных правовых образований. В зависимости от вида последних следует различать: общий (общеправовой) метод регулирования, характеризующий регулирующее действие права в целом; отраслевой (общеправовой) метод, раскрывающий специфику регулирования отдельной отрасли права соответствующего рода общественных отношений; метод регулирования определенного вида или комплекса отношений правовым институтом и методом регулирования, свойственный отдельной юридической норме.

Содержание методов правового регулирования составляют следующие способы воздействия на поведение субъектов: императивный (метод властного приказа), направленный на обеспечение приказанного государством строго обязательного поведения субъекта; автономный, оставляющий субъектам значительный пересмотр для свободного волеизъявления; поощрительный, стимулирующий желаемое для государства и общества правомерное и социально активное поведение; рекомендационный, предлагающий адресату самостоятельно определять желаемый для государства вариант поведения с учетом местных условий и реальных возможностей.

Отраслевой метод правового регулирования — это установленный нормами права специфический способ воздействия на поведение участников отношений в данной области общественной жизни, особенность самого правового регулирования, сочетание юридических средств влияния. По мнению В. Яковлева, метод концентрирует основные юридические свойства отрасли и является способом ее воздействия на поведение людей, способ организации правовой связи участников регулируемых отношений [5, с. 65]. В литературе также подчеркивается, что понятие метода не надо связывать только с одной юридической особенностью: это всегда совокупность юридических приемов, средств, способов, комплексно отражающих своеобразие воздействия отрасли права на общественные отношения. Однако, по общему правилу, в перечень элементов структуры метода не включаются обусловленные

по различным критериям особенности юридических норм, из которых должна начинаться характеристика любого метода правового регулирования. В связи с этим принято выделять согласно характеру соответствующих норм лишь такие основные методы правового регулирования, как императивный (метод властного приказа), диспозитивный (метод правовой автономии), поощрительный, рекомендационный. Даная классификация методов, отмечает М. Байтин, с одной стороны является правильной и представляет определенную ценность, с другой — является недостаточной и отражает упрощенный подход относительно нее. В частности, с учетом новых данных о юридической норме последующая разработка вопроса об отраслевых методах правового регулирования должна связываться с использованием классификации норм права и на других основаниях, в частности, по характеру их целевой направленности, по которому можно выделить, например, компенсационные, коллизионные и другие нормы. Специфические признаки и функции той или иной разновидности юридических норм, обуславливающих особенности возникающих на их основе правоотношений, позволяют более конкретно выяснить сущность не только отдельных отраслей права, но и таких элементов (нормативных образований) в системе права, как правовые институты и подотрасли права.

Предмет и метод правового регулирования, общие принципы и положения, юридические средства регулирования в совокупности создают особый юридический режим регулирования для каждой отрасли права. По мнению А. Шебанова, «строить систему права означает, прежде всего, определить основные принципы, на основе которых возможно деление права на отрасли и институты, определить место и предмет каждой отрасли права, их связь и взаимоотношения» [6, с. 9].

По мнению С. Алексеева, правовой режим — это порядок регулирования, выраженный в комплексе правовых средств, характеризующих взаимодействие между собой разрешений, запретов и обязательств.

Выделение критериев классификации особенностей правового режима усложняет строение системы права. Действительно, как определить расхождения правового режима, существующие в отраслях права, в частности все они используют одинаковые способы воздействия — разрешения, запреты и обязательства. О. Скакун отмечает, что правовой режим отрасли права — это особый социальный порядок, закрепленный нормами права данной отрасли и обусловленный сочетанием правовых средств, обеспечивающих его. Первичными тут являются определенные общественные отношения, составля-

ющие предмет правового регулирования. От их специфики зависит сочетание применения методов и правовых средств, обеспечивающих их динамику.

Каждая отрасль права, утверждает автор, функционирует в своем правовом режиме. Все вместе они определяют режим функционирования системы права, что, в свою очередь, влияет на режим функционирования правовой системы. Н. Пискотин подчеркивает, что первичной отраслью права является государственное (конституционное) право, имеющее основное значение для всех отраслей. Однако относительно процесса дифференциации и интеграции общественных отношений происходит дифференциация, а в некоторых случаях и интеграция отрасли права. Таким образом, от основных, первичных отраслей отмежевываются новые. Происходит второе распределение права, которое отличается от первого тем, что в его основе находится не предмет и метод, а только предмет и его дополнительные критерии: единство регулирующих отношений и заинтересованность государства в их упорядочении. В последние годы наметилось третье распределение права, а в будущем возможны четвертое и другие распределения, осуществленные на тех же основаниях, что и второе. В результате автор приходит к выводу о многоуровневом характере и иерархичности системы права.

В последнее время предлагается ввести в общую теорию права понятие «дублирующая отрасль права». Это обосновывается тем, что появляются отрасли права, предметом дублирования в которых являются правоотношения одной из основных отраслей права. Автор данной концепции Д. Фурсов считает хозяйственное (арбитражное) процессуальное право «дублером гражданского процессуального права» [7, с. 14]. В. Хропанюк выделяет одиннадцать основных отраслей: государственное, административное, финансовое, земельное, гражданское, трудовое, семейное, гражданско-процессуальное, уголовное, уголовно-процессуальное и исправительно-трудовое [8, с. 291–293]. В 1999 г. выходит монография С. Алексеева, посвященная комплексному исследованию права, где в системе права выделяется шестнадцать отраслей: конституционное, гражданское, административное, уголовное, гражданско-процессуальное, административно-процессуальное, уголовно-процессуальное, трудовое, земельное, финансовое, право социального обеспечения, семейное, уголовно-исполнительное, торговое, морское и право прокурорского надзора [9, с. 373]. С. Лысенков выделяет десять самых важных отраслей права, в частности: конституционное (государственное), административное, гражданское, финансовое, семейное, трудовое, земельное, гражданско-процессуальное, уголовное, международное право [10, с. 174]. Авторы учеб-

ника «Теория государства и права. Академический курс» выделяют двенадцать основных отраслей современного права, в частности: конституционное, административное, гражданское, уголовное, трудовое, семейное, финансовое, земельное, экологическое, гражданско-процессуальное, уголовно-процессуальное, исправительно-трудовое [11, с. 395]. По мнению Н. Крестовской и Л. Матвеевой к основным отраслям права Украины следует отнести: конституционное, административное, финансовое, уголовное, уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное, земельное, экологическое, трудовое, гражданское, семейное право [12, с. 221–223].

В научной литературе существуют другие перечни основных отраслей современного отечественного права, в частности: конституционное, административное, аграрное, финансовое, земельное, гражданское, трудовое, семейное, жилищное, уголовное, гражданско-процессуальное, уголовно-процессуальное, экологическое, исправительно-трудовое, кооперативное, сельскохозяйственное, социально-обеспечительное право, хозяйственное, культурное, информационное. А. Селиванов отмечает, что есть возможность объединить взгляды ученых-юристов и практиков относительно предмета новой доктрины — судебного права, составляющего содержание учения о судебной сфере профессиональной деятельности [13, с. 6]. Следовательно, это свидетельствует о выделении новой отрасли права. Возникновение новых отраслей права (энергетического, медицинского, космического) на базе уже созданных происходит в результате объективной дифференциации общественных отношений, ее государственно-правовой оценки, а также в зависимости от степени развития соответствующих правовых норм. Указанные три группы факторов (объективные, оценочные и нормативные) должны учитываться во время оценки отраслевой структуры права. Упомянутые отрасли права, отмечает А. Олейник, имеют свою внутреннюю и внешнюю формы. Внутренняя форма включает в себя нормы права, институты права, под отрасли и отрасли права, что создает систему права. Внешняя форма включает в себя законы и подзаконные нормативно-правовые акты, другие источники и характеризуется как система законодательства [14, с. 68–69]. С. Алексеев отмечает, что система права имеет объективный и субъективный характер. Объективный характер — это результат объединения правовых норм. Субъективный характер — это, во-первых, продукт систематизирующей деятельности людей; во-вторых, систематизирует право, которое в свою очередь, является явлением субъективным и включает в себя действие или бездействие человека и гражданина [15, с. 218].

В частности, большинство авторов указывают на свойства системы права, характеризующие ее как явление, которое динамично и исторически развивается и имеет объективный характер. Таким образом, актуальность отдельных общественных отношений требует развития системы права в сторону увеличения структурных элементов, появления новых отраслей права. Как отметила Р. Халфина, «новые процессы и явления определяют необходимость формирования новых отраслей права, применения других классификационных принципов при построении системы права» [16, с. 199]. Как справедливо отмечают О. Иоффе и М. Шаргородский «придумать можно любую отрасль права» [17, с. 214]., необходимо, чтобы усовершенствование системы права было научно обоснованным, отвечало объективным критериям развития общественных отношений на данном этапе и предусматривало совокупность классификационных оснований (системообразующих факторов), каждый из которых находился бы во взаимосвязи. В рамках определенных отраслей права создаются под отрасли. Под отрасли права являются составляющим элементом системы права и представляют собой совокупность правовых институтов, регулирующих взаимосвязанные однородные отношения в пределах одной отрасли. В рамках наиболее крупных правовых отраслей выделяются под отрасли, объединяющие несколько институтов одной и той же отрасли (в гражданском праве — авторское право, в государственном — выборное, в трудовом — пенсионное и т. п.).

Наряду с отраслями и под отраслями права в систему права входят институты права. В частности, под отрасль не является обязательным элементом структуры отрасли права (под отрасли выделяют в наиболее крупных отраслях), однако, правовой институт — неизменная составляющая любой отрасли. Правовая норма, подчеркивает С. Алексеев, — «исходный элемент, «живая» клеточка правовой материи, а правовой институт представляет собой первичную правовую общность».

Правовой институт содержит не только регулятивные нормы права (правила поведения), но и отправные нормы, которые через него могут быть совместно задействованы в процессе правового регулирования. Объективной материальной предпосылкой интеграции правовых норм в институты является наличие соответствующей разновидности общественных отношений. В зависимости от элементного состава в системе права можно выделить простые и сложные правовые институты. Простой правовой институт прямо (вне любых других нормативных образований) соединяет похожие, близкие нормы права внутри какой-либо одной, определенной отрасли права.

Сложный правовой институт также состоит из похожих, близких норм права, которые он объединяет посредством входящих в него нескольких простых институтов, более конкретных и меньших по объему, но которые имеют самостоятельное значение. В зависимости от отраслевой принадлежности норм, создающих правовой институт, различаются отраслевые и комплексные (межотраслевые) правовые институты. Отраслевой правовой институт состоит из норм одной отрасли права, и бывает, как указывалось, простым или сложным, когда объединяет несколько простых правовых институтов. В другом случае в пределах одной отрасли права появляется сложное правовое образование.

П. Богуцкий отмечает, что комплексность характеризует материально-правовые отрасли права, которые внутри содержат процессуально-процедурные институты [18, с. 7]. К комплексным отраслям принадлежат те отрасли права, которые объединяют институты, имеющие различные по определению предметы правового регулирования, но общую цель правового регулирования, а, следовательно — однородные функциональные характеристики. Комплексные отрасли права занимают отдельное место в национальной системе права, имеют в своей структуре несколько основных (генеральных) институтов права или под отраслей права и испытывают постоянное влияние как фундаментальных, так и профилирующих отраслей права. К комплексным отраслям права в системе права Украины отнесено военное право. По мнению М. Байтина, комплексный (межотраслевой) правовой институт соединяет похожие, близкие нормы, относящиеся к любым отраслям права. Сложная взаимосвязь общественных отношений объективно обуславливает наличие в системе права подобных нормативных образований. Наиболее крупные межотраслевые (комплексные) правовые институты находят свое выражение в соответствующей комплексной отрасли законодательства. В комплексной отрасли законодательства «нет ничего, что не могло бы быть поглощено отраслями законодательства, выделенными по отрасли права». Несмотря на это, единые основы правового регулирования отношений определенного рода, возникающих в различных сферах деятельности, всегда устанавливаются в отрасли законодательства, отвечающего определенной отрасли права.

Обзор и анализ научного наследия отечественных и зарубежных исследователей структуры системы права позволяет сделать вывод, что в современной украинской науке данная проблема остается малоисследованной. Однако, положительная основа ее исследования, формировавшаяся десятилетиями, не должна отбрасываться, и нуждается в дальнейшей разработке с учетом новых

данных и условий формирования в Украине цивилизованного гражданского общества и правового государства.

Литература:

1. Бобровник С.В. Нормы права // Теория государства и права. Академический курс: Учебник / Под ред. О.В. Зайчука, Н.Н. Онищенко. — К.: Юринком Интер, 2006.
2. Тарахонич Т.И. Методологические принципы правового регулирования и правового влияния и их взаимосвязь со смежными правовыми категориями // Действие права: интегративный аспект: Монография / Кол. авторов; Отв. ред. Н.Н. Онищенко. — К.: Изд-во «Юридическая мысль», 2010.
3. Рабинович П.М. Основы общей теории права и государства: Учебн. пособие. — К.: Атика, 2001.
4. Пархоменко Н.М. Понятие и общая характеристика системы права // Теория государства и права. Академический курс: Учебник / Под ред. О.В. Зайчука, Н.Н. Онищенко. — К.: Юринком Интер, 2006.
5. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. — Свердловск, 1972.
6. Шебанов А.Ф. Система советского социалистического права. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1961.
7. Фурсов Д. Соотношение и перспективы развития норм гражданского процессуального и арбитражного процессуального права // Юрист. — 1998. — № 7.
8. Хропанюк В.Н. Теория государства и права / Под ред. В.Г. Стрекозова. — М.: ДТД, 1995.
9. Алексеев С.С. Право: азбука — теория — философия: опыт комплексного исследования. — М.: Статут, 1999.
10. Лысенков С.Л. Общая теория государства и права. Учебн. пособие. — К.: Юрисконсульт, 2006.
11. Теория государства и права. Академический курс: Учебник / Под ред. О.В. Зайчука, Н.Н. Онищенко. — К.: Юринком Интер, 2008.
12. Крестовская Н.Н., Матвеева Л.Г. Теория государства и права: Элементарный курс. — Х.: ООО «Одиссей», 2007.

13. Селиванов А.А. Судебное право: новая отрасль права или теоретическая мысль? / Селиванов А.А. // Вестник Верховного суда Украины. — 2008. — № 6 (94).
14. Олийнык А.Ю. Конституционно-правовой механизм обеспечения основных свобод человека и гражданина в Украине: Монография. — К.: Алерта, КНТ, Центр учебной литературы, 2008.
15. Давид Р. Основные правовые системы современности / Пер. с фр. и вступ. ст. В.А. Туманова. — М.: Прогресс, 1988.
16. Халфина Р.О. Право как средство социального управления. — М.: Наука, 1988.
17. Иоффе О.С. Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. — М.: Юрид. лит., 1961.
18. Богуцкий П.П. Военное право в системе права Украины: Автореф. дис. ... к.ю.н. / Одесская национальная юридическая академия. — Одесса, 2009.

2. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Государственно-правовое регулирование оборота алкоголя на постсоветском пространстве

Воронина Ирина Олеговна, аспирант

Институт государства и права Тюменского государственного университета

Проблема регулирования производства и оборота алкогольной продукции была и остается одной из самых обсуждаемых тем общественности. На протяжении многих столетий общество пыталось решить данный вопрос.

В период существования советского государства правительством неоднократно делались попытки выработать наиболее эффективные методы регулирования в исследуемой сфере. На протяжении десятилетий в СССР существовала монополия государства на производство и оборот алкогольной продукции, а борьба с самогонованием и алкоголизацией общества рассматривалась как политическая задача [1, с. 74].

Для новых государств, возникших на основе республик бывшего СССР, на развитие рынка алкогольной продукции огромное влияние оказал распад страны. Это повлекло за собой переход экономики на рыночные отношения, разрыв хозяйственных и торговых межреспубликанских связей между его бывшими субъектами, разгосударствление и приватизация предприятий алкогольной промышленности. Впервые за 500-летнюю историю государственно-правового регулирования оборота алкоголя в начале 90-х годов XX столетия государства СНГ ликвидировали свою монополию на производство и продажу алкогольной продукции и резко ослабили регулирование и контроль за этими процессами.

Негативные последствия от полного отказа и недостаточности и регулирования государством рынка алкогольной продукции проявились во всех странах СНГ. Они выразились в резком увеличении теневого производства, оборота и криминализации рынка алкогольной продукции, а также в снижении поступлений денег от ее реализации в бюджет.

Особо показательным для нынешней ситуации на алкогольном рынке стран СНГ выглядит опыт Украины: при монополии на производство спирта (монополист «Укрспирт» принадлежит государству) в 2003 г. введена единая ставка акциза на спирт. В первый же год поступление акцизов и налогов увеличилось на 60 %, а за два года удвоилось. Рост отрасли позволил украинским производителям начать успешную международную экспансию, в том числе на рынок России.

Монополии на производство алкоголя также имеются в следующих государствах на территории постсоветского пространства: — Белоруссия (государственная монополия на производство); Латвия и Литва (монополия на производство вин и крепких спиртных напитков); Туркмения (государственная монополия на производство всех типов алкогольных напитков); Украина (государственная монополия на спирт).

Таким образом, существующий режим государственно-правового регулирования обязывает производителей алкогольной продукции использовать в своей деятельности этиловый спирт, полученный исключительно от государства или от лицензированных импортеров [2].

К существенным факторам, оказывающим влияние на государственно-правовое регулирование производства и оборота алкогольной продукции всех стран после распада СССР, относится то, что такая продукция, с одной стороны, не представляет собой товар первой необходимости, а с другой — является вредной в общественном потреблении, поскольку вызывает быстрое привыкание и зависимость у людей им злоупотребляющих. В связи с этим, механизм правового регулирования производства и оборота алкогольной продукции во многом носит ограничительный характер — выполняя социальную функцию, государство посредством правовых методов стремится ограничить потребление алкоголя населением. Например, за годы госмонополии в Туркмении доля потребления крепкого спиртного снизилась с 65 % до 26 %.

Отметим также, что, несмотря на существующие различия, все страны объединены единой целью — борьбой с нелегальным производством алкоголя. Так, в Украине количество граждан, которые ежегодно умирают от отравления некачественным спиртным и других причин, связанных с алкоголем, выросло с 30 тыс. до 40 тыс. человек в год. В Российской Федерации этот показатель составляет более 72 тыс. человек.

В прошлом году в России было официально продано 1,5 млрд. литров водки и ликероводочных изделий, а выпито 2,3 млрд. литров, в том числе само-

гона и спиртосодержащих жидкостей. То есть треть потребляемого алкоголя в стране продается нелегально. Сегодня власти абсолютного числа регионов, как России, так и многих стран СНГ готовы монополизировать розничную продажу крепких спиртных напитков [3, с. 70].

Опыт введения монополии на постсоветском пространстве имеется. В Беларуси, которая с 2003 года идет по этому пути, катализатором принятия решения о монополизации рынка алкоголя и табака послужили выводы комитета госконтроля Беларуси по результатам проверки предприятий, которые производили и продавали данные группы товаров. К примеру, из проверенных 169 предприятий, которые в 2002 г. производили алкогольные напитки, 132 (77,6%) нарушали налоговое законодательство. Итогом реформы явились высокие поступления денежных средств в бюджет и высочайшее качество продукции на территории СНГ [4, с. 88].

Меры, предпринятые в последние годы органами законодательной и исполнительной власти государств-участников СНГ, позволили достигнуть определенных положительных результатов на алкогольном рынке стран Содружества. Возрастают легальные объемы производства этилового спирта и алкогольной продукции. Повышается доля высокосортного водочного продукта в общем объеме, следовательно, позитивно меняется структура потребления алкоголя. Растет производство и импорт виноградных вин, продолжается рост объема производства пива. Увеличивается объем налоговых поступлений в бюджетную систему.

Вместе с тем, на потребительский рынок продолжает поступать большое количество нелегальной, контрафактной и фальсифицированной алкогольной продукции. Отсутствуют эффективные механизмы противодействия потреблению населением алкогольных суррогатов.

Основная причина устойчивости негативных явлений на алкогольном рынке заключается в том, что законодательные и исполнительные органы власти не имеют четких концепций совершенствования нормативной правовой базы и механизмов государственного регулирования производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Существующий порядок лицензирования деятельности в сфере производства этилового спирта из пищевого сырья, алкогольной и спиртосодержащей продукции не учитывает уровень использования уже имеющихся производственных мощностей, наличие прогрессивных технологий производства продукции и переработки его отходов.

Изменения налогового законодательства в алкогольной сфере производятся без достаточного обоснования и имеют выраженную фискальную направленность, что недопустимо при производстве социально значимой продукции, существенно влияющей на состояние здоровья населения.

Отсутствуют современные единые государственные системы учета и статистической отчетности об объемах производства, внешнеторгового оборота и реализации алкогольной продукции и пива, что препятствует легализации алкогольного рынка [5, с. 41].

Законодательные нормы, предусматривающие ответственность за производство и реализацию нелегальной, контрафактной или фальсифицированной алкогольной продукции, не соответствуют ущербу, который наносится при этом государству и населению.

С целью снижения спроса на алкоголь эффективная алкогольная политика должна предусматривать систему образовательных мероприятий, а также пропаганду здорового образа жизни. Под неформальным социальным контролем подразумевается совокупность общепринятых норм и обычаев, регламентирующих отношение к алкоголю. На сегодняшний день, такие меры с России не реализуются в полном объеме и необходимых масштабах. Критерием эффективности любой политики, в том числе алкогольной, является практика. Высокий уровень связанных с алкоголем проблем в странах СНГ свидетельствует о необходимости совершенствования алкогольной политики с учетом международного, а также собственного исторического опыта.

На наш взгляд, построение оптимальной системы контроля в сфере производства и оборота алкогольной продукции возможно и без введения государственной монополии. Полагаем, что в условиях свободного рынка развитие алкогольной отрасли должно сопровождаться снижением дополнительных сборов, взимаемых с производителей. При разработке нормативных актов, регулирующих производство и оборот алкогольной продукции, необходимо учитывать накопленный производителями опыт, а также практику правового регулирования алкогольной отрасли иных государств [6, с. 74].

Таким образом, в настоящее время в России и других странах СНГ, нужно предпринимать более действенные шаги по преобразованию механизма финансово-правового регулирования производства и оборота алкогольной продукции, с тем, чтобы обеспечить стабильность и конкретику правовых норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в данной сфере.

Литература:

1. Садыров У. М. Развитие рынка алкогольной продукции: на примере стран СНГ // Экономика и право. — 2009. — № 6. — с. 74.
2. Алкогольная катастрофа и возможности государственной политики в преодолении алкогольной сверхсмертности в России / Отв.ред. Д. А. Халтурина. — М.: ЛЕНАНД, 2008. — 376 с.
3. Берзин В. А. Вопросы нормативно-правового регулирования винодельческого виноградарства. — СПб.: Питер, 2010. — с. 70.
4. Бакулина Ю. С. Лицензирование и акцизное налогообложение алкогольной продукции // Гражданин и право. — 2012. — № 7. — с. 88.
5. Блинов М. В. Статья: международный опыт регулирования, контроля и налогообложения алкогольного рынка // Налоги и налогообложение. — 2008. — № 9. — с. 41.
6. Гулка Л. В. Система обязательных платежей на алкогольную продукцию в России, Молдове и Румынии // Государство и право. — 2010. — № 2. — с. 74.

**Орден тамплиеров в крестоносном движении:
историко-правовой аспект**

Забзалаук Дмитрий Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент
Львовский государственный университет внутренних дел (Украина)

Адекватно оценивая ситуацию, которая сложилась в Европе в конце XI века и, опираясь на свой колоссальный авторитет, Католическая Церковь выступила с идеей организации движения европейцев на Восток с целью освобождения от мусульман главной христианской святыни — города Иерусалим. Следует отметить, что эта идея нашла свою реализацию в эпоху крестовых походов, которые продолжались почти двести лет.

В эпоху крестовых походов Церковь вырабатывает новую форму организации, которая должна была обеспечить успех крестоносного движения и утвердить личный авторитет и господство в Новом мире — духовно-рыцарские ордена.

Без сомнения, среди духовно-рыцарских орденов, что участвовали в крестоносном движении на Восток, одним из самых влиятельных был Орден

бедных рыцарей Христа и Храма Соломона, который более широкому кругу знаком под именем «Орден Тамплиеров».

Главной силой армии крестоносцев было рыцарство, расцвет которого припадает XI–XIII века, то есть на период крестовых походов. По нашему мнению, именно рыцарство должно было, за замыслом Папы Римского, стать той главной основополагающей силой, которая должна была сыграть решающую роль в реализации идеи крестоносного движения на Восток, а в случае необходимости стать на защиту и самой Церкви.

Следует отметить тот факт, что «во время крестовых походов западное рыцарство объединилось.... Начали вырабатываться правила общественного поведения... Идеалы рыцарства широко распространились по всей Западной Европе, стали служить предметом наследования для всех западноевропейских народностей, и, таким образом, объединили все рыцарство в одну общую семью, с одинаковыми понятиями и стремлениями» [1, с. 90].

Именно такой рыцарский отряд с собственным «кодексом чести» создали девять французских рыцарей во главе с Гуго де Пэйном в 1118 году. Своим главным заданием рыцари-монахи считали защиту и охрану паломников по пути в Иерусалим.

Если вести разговор про качественный состав Ордена Тамплиеров, то необходимо констатировать тот факт, что членами этих братств были в большинстве богатые и знатные феодалы, а также глубоко верующие люди, которые жертвовали всеми мирскими благами ради защиты паломников, христиан, Церкви и служению Господу и не допускали, чтобы недостойные поступки братьев-рыцарей «замалчивались и не карались» [2, с. 21]. На фоне большинства представителей рыцарства, которая участвовала в крестовых походах, и, которая, в большинстве, отличалась цинизмом, жестокостью и жадной наживой, Орден Тамплиеров, по нашему мнению, были воплощением всех рыцарских идеалов.

Устав Ордена был утвержден на соборе в Труа 1128 года. Принятие данного Устава сопровождалось многочисленными дискуссиями, которые велись в среде папского окружения. И в этом нет ничего удивительного, ведь само словосочетание «духовно-рыцарский орден», да еще в контексте исполнения монашеских функций, вызывало неоднозначные мысли. С одной стороны Церковь всегда выступала против применения силы и насилия, что являлось главными постулатами канонического права. С другой стороны, Крестоносное движение, которое завладело Европой в конце XI — в начале XII веков, предусматривало борьбу с оружием в руках. И данное противоречие могло не

только существенно подорвать авторитет самой Церкви, но и поставить под удар саму идею крестовых походов в «Святую землю».

Устав предусматривал четкую и тщательную административную иерархию и строго определенный свод законов: от экипировки и использования ценностей, отданных в распоряжение тамплиеров, до их поведения на поле боя [3, с. 65].

Данный документ имел колоссальное значение с точки зрения его инновационного содержания (что не было характерным для Уставов других орденов и церковных институций), поскольку он давал Великому Магистру Ордена право изменять некоторые правила в силу тех или иных обстоятельств, что делало его достаточно революционным для той эпохи и повлияло на развитие церковного и канонического права, а также позволило говорить о появлении специфического и уникального в своем роде орденского права.

Это был так называемый Латинский устав Ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона, который состоял из 72 статей, и который со временем несколько видоизменился, и в конечном счете был существенно дополнен и известен, как Французский текст Устава Ордена. Он состоял из семи разделов и совершенствовался на протяжении 170 лет. Текст Французского Устава Ордена ярко иллюстрирует, как Тамплиеры приспосабливались к политическим изменениям и формировали свой собственный нормативно-правовой кодекс.

Монашеско-рыцарские ордена и Орден Тамплиеров, в частности, имел четкую иерархическую структуру: «члены ордена, как правило, делились на три группы — братьев-воинов, капелланов (священников), братьев-служителей. Во главе ордена стоял великий магистр (гроссмейстер), который избирался пожизненно и утверждался папой, владевшим верховной властью над орденами. В подчинении великого магистра (гроссмейстера) находились определенные должностные особы: начальник провинции (приор), маршал, командоры, коннетабли и т. п. Периодически созывался генеральный капитул (собрание должностных лиц ордена), который имел законодательную власть» [1, с. 27].

Если говорить более детально об организационной структуре Ордена, то следует отметить, что главными должностными лицами Ордена Тамплиеров были: магистр — глава Ордена, власть которого ограничивалась и контролировалась генеральным капитулом; братья-капелланы Ордена, которые отвечали за проведение служений, исповедей и т. д.; сенешаль, который заведовал снабжением и бытом Дома; Маршал Конвента Храма, который отвечал за военную подготовку и дисциплину в монастыре. Конвент состоял из

братья, которые составляли военную силу Ордена, то есть братьев-рыцарей и сержантов. Кроме того, были Командоры трех провинций Востока — Иерусалима, Триполи и Антиохи, которые были подчинены Великому Магистру Ордена и генеральному капитулу; хранитель одежд, который занимался экипировкой братьев-рыцарей. За командорами провинций шли шателены (управляющие замками), командоры Домов, командоры рыцарей; братья-рыцари, братья-сержанты (пехотинцы и легкая кавалерия, которая набиралась из представителей низшего, чем рыцари, социального класса) и братья-казальеры (отвечающие за сохранение казалий — ферм Ордена), которые подчинялись маршалу своего монастыря; туркопольеры — командиры туркополов — наемников из местных жителей; подмаршалы — ответственные за мелкий инвентарь и его погрузку, доставку и ремонт; оруженосцы, знаменосцы, инфирмарий — управляющий лазаретом.

Результатом деятельности Ордена в «Святой земле» в первые двадцать лет своего существования стала булла папы Иннокентия II «*Omne Datum Optimum*» («Всякий дар совершенен» — лат.) 1139 года, которая давала Ордену огромные привилегии и подчиняла его непосредственно Папе Римскому. Орден де-юре выходил из-под юрисдикции епископальной власти, тем самым становился фактически автономной организацией.

И это было не случайным. С самого начала главный понтифик и его окружение понимали, насколько мощное орудие власти оказалось в их руках. Орден постепенно превращался, по сути, в церковную полицию в форме регулярного военизированного формирования, первую профессиональную армию, которая была готова без лишних колебаний выступить на защиту Церкви.

Таким образом, Орден стал важным элементом государственной доктрины Католической Церкви, что пыталась объединить весь христианский мир под своим началом.

Невозможно не отметить ту роль, которую сыграл Орден Тамплиеров в духовном, политическом, экономическом, культурном и правовом развитии средневековой Европы.

Так, например, благодаря деятельности Ордена Тамплиеров в Европе сформировалась мощная банковская и финансово-кредитная система. Используя опыт мусульманских стран во время пребывания в «Святой земле», тамплиеры внедряли новые технологии в сельском хозяйстве, медицине, архитектуре, топографии, мореплавании и судостроительстве, литературе. Благодаря стараниям Ордена «Античная мудрость, которую сохраняли арабские ученые, наконец-то дошла до христианского мира» [4, с. 364]

Существенное влияние имела деятельность Ордена на становление, развитие и реформирование церковного и канонического права, которые без сомнения, в значительной мере начали приспосабливаться не только к потребностям самой Церкви, но и к более эффективному регулированию отношений со светской властью, что однозначно позитивно повлияло на развитие Европы в целом.

Конечно же, духовно-рыцарский Орден Тамплиеров сыграл одну из ключевых ролей в крестоносном движении XI — XIII веков, а его значительное влияние на политическую и социально-экономическую жизнь средневековой Европы не подлежит сомнению. Эта уникальная по своей сути организация стала оплотом христианства в Святой земле, а со временем и во всей Европе, активно влияя на церковные и канонические нормы путем их имплементации и реформирования на основе внедрения собственных правовых норм. Такое влияние дает основания говорить о формировании уникального в своей сущности орденского права.

Литература:

1. Рыцарские ордена: с крестом и мечом. — М.: Изд-во Эксмо, изд-во Алгоритм, 2004. — 384 с.
2. Мельвиль М., История ордена тамплиеров. / Пер. с фр. к.и.н. Г.Ф. Цыбулько. Науч. редактор М.Ю. Медведев. / И. Мельвиль — СПб: «Евразия», 2000—416 с.
3. Бейджент М., Ли Р., Линкольн Г. Святая Кровь и Святой Грааль. / М. Бейджент, Р. Ли, Г. Линкольн — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 496 с.
4. Норман Дейвіс. Європа. Історія. /переклад з англ. П. Тарещук /Дейвіс Норман — Київ: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2008. — 1463 с.
5. Бордонов Ж. Повседневная жизнь тамплиеров в XIII веке / Пер. с фр., предисл. и науч. ред. В.Д. Балакина / Ж. Бордонов — М.: Молодая гвардия, 2004. — 243 с.

Юридическая природа договора морской перевозки груза в праве Российской империи

Ланцева Вероника Юрьевна, ассистент

Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
(г. Новороссийск)

Реализация внешней торговли и международных экономических связей Российской Федерации в прошлом и в настоящее время осуществляется с помощью морского транспорта. Объем морских перевозок грузов составляет более половины объема внешнеторгового грузооборота страны и продолжает расти. Увеличение числа морских перевозок грузов обуславливает необходимость подробного исследования их правового регулирования, рассмотрения и истолкования особенностей такого регулирования. Выявление особенностей правового регулирования договора морской перевозки груза целесообразно начать с ретроспективного анализа законодательства России.

Впервые договор морской перевозки груза был закреплён в российском законодательстве в Уставе купеческого водоходства 1781 г. [1, с. 157] Раздел, посвященный морской перевозке груза, носил название «О найме кораблей и судов под груз». Устав купеческого водоходства не подразделял договор морской перевозки груза на виды, хотя В.В. Тюпа утверждал, что в Уставе был затронут вопрос найма судов как с экипажем, так и без [2, с. 107]. Однако, анализ статей Устава, посвященных договору найма корабля, позволяет утверждать, что договор найма судна без экипажа законодателю известен не был. По договору найма судно отдавалось судовладельцу или корабельщиком (капитаном) для погрузки товара от одного или разных отправителей.

Книга III «О договорах и обязательствах особенных по торговому судостроению и мореплаванию» Устава торгового [3, с. 326], вошедшего в XI том Свода законов Российской империи, большей частью восприняла нормы Устава купеческого водоходства. Однако, в ст. 728 Устава торгового уже проводилось разграничение двух видов договора морской перевозки груза. В одном случае грузоотправителю за определенную плату (фрахт) представлялось под груз все судно, либо его часть, либо определенное место на судне для доставки в определенное место (места) или сроки. В другом случае грузоотправитель за определенную плату вверял груз судовладельцу или капитану судна для доставки в место назначения.

Дореволюционные теоретики права, за исключением Г. Ф. Шершеневича, не уделяли внимания вопросу о юридической природе договора морской перевозки груза. Г. Ф. Шершеневич в сочинении «Курс торгового права» проводил сравнение взглядов юристов России, Германии и Франции на правовую природу договора морской перевозки [4, с. 283–287]. Так, германские юристы были «склонны объединять обе формы перевозки в один фрахтовый договор, понимая под ним обязательство за вознаграждение доставить вещи в условленное место назначения» [4, с. 285], несмотря на различную законодательную регламентацию двух видов отношений по перевозке. Французское же законодательство относило оба вида договора к договору имущественного найма.

Г. Ф. Шершеневич не склонялся ни к одной из приведенных точек зрения. Первый вид договора Г. Ф. Шершеневич относил к имущественному найму. По его мнению, сущность второго договора состояла в том, что судовладелец обязывался доставить вверенные ему товары в место назначения, а не в том, чтобы предоставить судно для перевозки (т.е. второй вид договора не мог быть отнесен к имущественному найму, он подводился под договор подряда). П. И. Числов фрахтовый договор, представляющий собой по его мнению «личную деятельность перевозчика (судовладельца), принимающего чужие грузы», считал частным случаем договора перевозки («особым видом транспортирования кладей вообще»)[5, с. 186].

Первый законодательный опыт закрепления договора морской перевозки груза объединил оба вида договора в договор найма судна. Однако, уже Устав торговый 1833 г. говорил о двух случаях договора найма судов, именуя первый непосредственно «наймом одним или многими хозяевами товаров целого корабля, или только известной части оного в один путь или в оба, или во многие пути, определенные местом или временем» (ст. 728 Устава торгового), а второй — «отдачей корабля хозяевами оного или корабельщиком для погрузки от разных хозяев товара, в таком количестве, в каком корабельщик или хозяева корабля принять могут или пожелают» (там же), не называя его наймом.

Дореволюционные теоретики права также расходились в наименовании как договора морской перевозки вообще, так и его видов. Например, В. Г. Струков считал тождественными понятия «договор найма», «фрахтовый договор», «цертепартия» [6, с. 49]. П. П. Цитович именовал договор морской перевозки «зафрахтовкой морских судов», а его виды соответственно, «цертепартией» и «доставкой» [7, с. 222]. Н. О. Нерсесов, вслед за законом, оба

случая договора обозначал понятием «цертепартия» [8, с. 13]. Е. А. Нефедьев, Г. Ф. Шершеневич, П. И. Числов именовали первый вид договора морской перевозки наймом судна, а второй — фрахтовым договором [4, 5, 9, 10]. Название «цертепартия» (от лат. «charta partita» — «разделенный документ») произошло от обычая разрывать акт договора морской перевозки груза сверху вниз на две половины, по половине для каждой из сторон [7, 8, 10]. Первое упоминание термина «цертепартия» впервые появилось в российском законодательстве в Морском Торговом Регламенте и Уставе от 31 января 1724 г. [11, с. 233].

В Проекте Уложения о торговом мореплавании 1912 г. была предложена следующая формулировка понятия договора морской перевозки груза: «по договору морской перевозки грузов отдается под груз все судно или определенная его часть, или принимается груз без определения места погрузки его на судне с обязательством за вознаграждение (фрахт) доставить поступивший на судно груз в условленное место и сдать его получателю» (ст. 204). При этом при обсуждении указанной статьи Особое Собрание заметило, что при найме под груз всего судна или определенной его части, договор морской перевозки следует квалифицировать как договор имущественного найма; если же груз принимался на судно без определения места погрузки, то правовая природа договора морской перевозки сближалась с договором подряда [12, с. 414].

Современная теория российского права знает рассматриваемые виды договора морской перевозки груза под названиями «договор фрахтования (чартер)» и «договор морской перевозки груза по коносаменту» [13, 14, 15, 16].

Начиная с последней четверти XVIII в. вплоть до 1917 г. правила, регулирующие правоотношения сторон из договора морской перевозки груза, в российском законодательстве пересмотру не подвергались. Устав торговый 1833 г. воспринял положения Устава купеческого водохозяйства 1781 г., лишь более детально структурировав их. Новеллой Устава торгового было разграничение двух видов договора морской перевозки груза. В 1887 г. Устав торговый был подвержен переработке, однако норм о договоре морской перевозки грузов она не коснулась. К 1909 г. был подготовлен Проект Уложения о торговом мореплавании, при составлении которого были учтены потребности правоприменителей, многие статьи Проекта разъяснялись на основании существующей судебной практики. Однако Уложение о торговом мореплавании так и не было принято. Вплоть до установления в России советской власти морская перевозка грузов подчинялась положениям Устава торгового, возможно и отвечающего условиям торгового мореплавания начала XIX в., но

для XX в. совершенно устаревшего. Однако, несмотря на ряд изменений, продиктованных усовершенствованием флота, техники управления судами и судовыми механизмами и другими факторами, Устав купеческого водохозяйства заложил основные принципы регулирования правоотношений перевозчиков и фрахтователей или отправителей груза, воплотившиеся, в том числе, в действующем Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации. Что позволяет более емко и последовательно оптимизировать современные механизмы регулирования и реализации внешнеторговых операций посредством морских перевозок.

Литература:

1. Первое Полное собрание законов Российской империи (далее 1-ПСЗРИ). Том 21. № 15176; 1-ПСЗРИ. Том 21. № 15285.
2. Тюпа В.В. Договор перевозки в дореволюционной России // Закон. 2008. № 7.
3. Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 2. Устав торговый. 1833 г.
4. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. III: Вексельное право. Морское право. Изд. 4. — СПб., 1909.
5. Числов П.И. Пособие к лекциям по гражданскому праву, торговому праву и торговому судопроизводству. 1900.
6. Стругов В.Г. Курс морского торгового законодательства для мореходных классов. 1893.
7. Цитович П.П. Очерки по теории торгового права. Выпуск III. Морское Право. — СПб., 1902.
8. Нерсесов Н.О. Морское право. 1917.
9. Нефедьев Е.А. Вексельное право. Банковые сделки. Морское право. — М.: 1907.
10. Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права. — СПб., 1908.
11. 1-ПСЗРИ. Том 7. № 4451.
12. Добровольский А.А. Цыпкин П.С. Устав Торговый (т. XI, ч. 2 Св. Зак., изд. 1903 г., по Свод. Прод. 1912 г.). — Изд. 4-ое, испр. и доп. — СПб., 1914 г.
13. Гражданское право. Том IV: Обязательственное право. Учебник / Отв. ред. Е.А. Суханов. — М., 2008.

14. Договорное право. Книга IV. Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта / Отв. ред. М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — М., 2000.
15. Егиазаров В. А. Транспортное право. Учебник / 6-е изд., доп. и перераб. — М., 2008.
16. Кокин А. С. Международная морская перевозка груза: право и практика. — М., 2007.

Нормативно-правовое обеспечение деятельности общей полиции в борьбе с уголовной преступностью в 60–80-е гг. XIX века

Никитин Александр Александрович, аспирант

Ульяновский государственный педагогический университет

Отмена крепостного права и получение населением Российской империи гражданских прав способствовали определенному росту уголовной преступности. В результате, возникла острая необходимость в реформировании полицейских органов и правовом обеспечении их деятельности. С этой целью законодателями были разработаны новые положения функционирования полицейских структур, которое нашли свое отражение во «Временных правилах об устройстве полиции в губерниях, по общему учреждению управляемых» от 25 декабря 1862 г.

Реформирование привело к объединению городской и уездной полиции в единое полицейское управление во главе с исправником, который назначался губернатором. Отдельная городская полиция сохранялась лишь в губернских и крупных уездных городах, возглавляемая полицмейстером. Полицейские управления состояли из начальников (исправника, полицмейстера), его помощников, секретарей, рассыльных. Подведомственными управлениям полиции в уездах являлись становые приставы, а непосредственно на местах находились сотские и десятские, кадровый состав которых формировался путем выборов лиц из крестьянской среды селений. В городах, посадах и местечках полиция состояла из участковых приставов, городских приставов их помощников и полицейских надзирателей [1].

Таким образом, введение «Временных правил» привело к реорганизации структуры органов МВД в России и увеличило в некоторой степени штат полиции, не внося при этом существенных изменений в правовую базу обеспечения деятельности по борьбе с уголовной преступностью.

С введения устава уголовного судопроизводства в 1864 г. происходит формальное сокращение функций общей полиции, проведение предварительного следствия окончательно передается судебным следователям. Сотрудники внутренних дел фиксировали происшествия, содержащие в себе признаки преступления или проступка, после чего сообщали об этом участковому судебному следователю и прокурору или его товарищу (ст. 250 УУС).

Полиция занималась производством дознаний о различных происшествиях только в двух случаях. Во-первых, если признаки преступления были сомнительны или информация была получена из недостоверных источников, при таких обстоятельствах, полицейские органы должны были удостовериться посредством дознания «действительно ли происшествие то случилось и точно ли в нем заключаются признаки преступления» (ст. 253). Во-вторых, когда «ни судебного следователя, ни прокурора или его товарища нет на месте» (ст. 252).

Анализ архивных источников позволяет нам с уверенностью говорить о том, что в подавляющем большинстве случаев именно сотрудники полиции осуществляли первоначальное расследование противоправных деяний. Так как у судебных следователей не было возможности своевременно реагировать на донесения полицейских служащих, ввиду интенсивной работы по расследованию преступлений. К примеру, у каждого судебного следователя Симбирского окружного суда в делопроизводстве в течение 1871 г. находилось от 91 до 247 дел [2].

Дознание осуществлялось с некоторыми процессуальными особенностями, сведения собирались посредством розысков, расспросов и негласным наблюдением, при этом не производилось «ни обысков, ни выемок в домах» (ст. 254).

Устав уголовного судопроизводства вменял в обязанность полиции исполнение функций судебного следователя только в тех случаях, когда «следы преступления могли бы изгладиться» (ст. 258) и применение мер к пресечению уклонения от следствия подозреваемых (ст. 257). В итоге, полицейские органы получали право на проведение процессуальных действий: осмотр, обыск, выемку и т.д. Принятая «Инструкция околоточным надзирателям» в 1867 г. увеличивала контроль со стороны общей исполнительной полицией за город-

скими обывателями, в частности предписывала надзирателям производство дознаний (п. 8.), задержание подозреваемых в совершении преступления (п. 10.), при этом надзиратели в ходе поимки виновных имели право проникновения в жилище, помещение (п. 11.). Инструкция обязывала назначение двух надзирателей на каждый околоток (участок), в результате на одного возлагалось, главным образом, наблюдение за наружным порядком, благоустройством, на другого — внутренний надзор за населением, предупреждение правонарушений и преследование преступников (п. 12.). В целях предупреждения преступности на околоточных надзирателей возлагался обход вверенных территорий в дневное и ночное время, присутствие на собраниях народа на улицах и площадях для пресечения возможных противоправных действий. В ходе осуществления надзора за населением полицейские должны были ознакомиться с особенностями населения каждого дома, знать хозяев и управляющих домами, швейцаров, дворников [3].

Таким образом, на сотрудников городской полиции ведавших околотком было возложено большое количество дел по обеспечению правопорядка, что естественно способствовало бы уменьшению преступности. Однако именно многочисленность функций и отсутствие физических возможностей не позволяли эффективно исполнять должностные обязанности.

10 октября 1879 года утверждается закон «О правилах употребления полицейскими и жандармскими чинами в дело оружия». Он представлял собой первый нормативно-правовой акт, который непосредственно относился к такой крайней мере государственного принуждения как применение оружия. В правилах регламентировались случаи применения оружия:

- для отражения от нападения на полицейских;
- для обороны других лиц, которым угрожает опасность;
- при задержании преступников и преследовании арестантов;
- использование во время народных беспорядков или волнений в крайней необходимости [4].

Между тем государственная власть обращала свое внимание не только на вопросы, касающиеся правового обеспечения деятельности по выявлению и раскрытию совершающихся преступных деяний, но также проводило правовое регулирование мер направленных на предупреждение преступных проявлений. Так, в 1876 г. вступает в законную силу новый Устав о пресечении и предупреждении преступлений. В соответствии, с которым, губернаторам, местной полиции, а также всем имеющим начальство по гражданской или военной части вменялось в обязанность предупреждать и пресекать различные

действия «клоняющиеся к нарушению должного уважения к вере, или же общественного спокойствия, порядка, благочиния, безопасности личной и безопасности имуществ» [5].

К мерам предупреждения и пресечения преступлений относились: отдача под надзор полиции, воспрещение жительства в столицах или иных местах, высылка иностранцев за границу, а также кратковременный арест. Данные меры могли быть определены, в некоторых особенных случаях, без формального производства суда.

При анализе отдельных глав и статей нам предстает картина, при которой жизнь и поведение подданных Российской империи до мельчайших подробностей регламентировалось положениями Устава. Что естественно не могло контролироваться полицейскими органами в полной мере. Однако некоторые статьи имели вполне здравый смысл и предписывали решительные меры по пресечению пьянства, нищенства и других девиантных форм поведения. Например, ст. 186 обязывала полицию «смотреть, чтобы по улицам и переулкам пьяных не было, и чтобы те, которые по улицам и переулкам кричат и песни поют, ночью в неуказанные часы ходят и в пьяном виде шатаются, были забираемы и отсылаемы под стражу». Так как, именно алкогольное опьянение в нередких инцидентах служило катализатором противоправного поведения и причиной совершения преступлений, в том числе и тяжкого характера [6, с. 42–43]. Но правоприменение указанных норм фактически на практике не осуществлялось. Профессор М. Н. Гернет отмечал, что неизвестно, для какой цели устанавливались эти запреты при повсеместном распространении пьянства и при массовом распространении нищенства. Оба эти явления были так привычны для русского глаза, что на них не обращалось никакого внимания, и меньше всего внимания обращала сама полиция. При желании она могла бы заполнить пьяными и нищими все места лишения свободы в империи [7, с. 43–44].

9 июля 1878 г. с утверждения «временного положения» в 46 губерниях России вводится институт полицейских урядников в помощь становым приставами и для надзора за действиями сотских и десятских на местах, а также для их руководства [8]. Свою деятельность они должны были осуществлять на основе Инструкции полицейским урядникам [9]. В широкий список функциональных обязанностей входили действия по предупреждению и пресечению преступлений. Урядники обязаны были сами или через наиболее благонадежных сотских и десятских — тайно следить за людьми, занимающимися совершением преступлений или состоящими под надзором полиции, предпри-

сывалось собирать «необходимые сведения негласно пользуясь близким знанием жителей своего участка и местности, стараясь не возбудить никакого подозрения или недоверия» [10, с. 55]. В случае появления в участке преступной группы воров, грабителей или разбойников, полицейские урядники должны были донести об этом становому приставу, выяснить месторасположение притона шайки и при содействии сотских и десятских, местных обывателей, а в некоторых случаях и лесной стражи произвести задержку членов преступной группы.

Когда в подведомственном участке происходило преступление, то полицейский урядник, не позже суток с момента получения сведений, обязан был донести о произошедшем судебному следователю, товарищу прокурора и становому приставу. Полицейский урядник также приступал к производству формального дознания и иным оперативно-розыскным мероприятиям в соответствии с нормами отраженными в УУС, рассмотренными нами выше.

С воцарения Александра III происходит смена вектора внутривластного развития на усиление государственной власти. В итоге данная политика приводит к разработке положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» [11], в рамках которой какая-либо местность могла быть объявлена в положении усиленной или чрезвычайной охраны. А это в свою очередь приводило к увеличению функциональных обязанностей полицейских, направленных главным образом на предупреждение преступности.

Для предупреждения противоправных деяний в начале 1882 г. вступает в законную силу «Положение о полицейском надзоре» [12], установившее гласный полицейский надзор за некоторыми подданными российской империи. Исполнительная полиция при реализации надзора имела право входить в жилища поднадзорных «во всякое время», производить обыски и выемки, просматривать корреспонденцию и выдавать свидетельства на временные отъезды («отлучки»).

Таким образом, в исследуемый нами период, правовая регламентация деятельности полицейских органов имела разностороннюю направленность, с одной стороны это способствовало, в достаточной степени, продуктивному функционированию государственного института, но в тоже время излишняя загруженность обязанностями не позволяла сосредотачиваться на основных направлениях деятельности по борьбе с преступностью.

Литература:

1. Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых // ПСЗ. — Собр. II. — Т. 37. — № 39087.
2. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 454. Оп. 2. Д. 7. Л. 12–38.
3. Инструкция околоточным надзирателям. СПб., 1867.
4. О правилах употребления полицейскими и жандармскими чинами в дело оружия // ПСЗ. — Собр. II. — Т. 54. — № 60066.
5. Устав о пресечении и предупреждении преступлений. СПб., 1876.
6. Никитин А. А. Особенности сельской преступности в пореформенный период XIX века (По материалам Симбирской губернии) // Симбирский научный вестник. — 2011. — № 1 (3).
7. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. В 5-ти т. М.: Госюриздат, 1961. — Т. 3.
8. ГАУО. Ф. 76. Оп. 8. Д. 652. Л. 1.
9. Инструкция полицейским урядникам от 19 июля 1878 г. // Сборник циркуляров и инструкций МВД за 1878 г. СПб., 1880. № 130.
10. Цит. по: Мулукаев Р. С., Малыгин А. Я., Елифанов А. Е. История отечественных органов внутренних дел: учеб. для вузов. — М.: NOTA BENE Медиа Трейд Компания, 2005.
11. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия // ПСЗ. — Собр. III. — Т. 1. — № 350.
12. Положение о полицейском надзоре // ПСЗ. — Собр. III. — Т. 2. — № 730.

3. КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Взаимодействие бывших союзных республик по вопросу гражданства

Акулова Юлия Александровна, студент

Тобольская государственная социально-педагогическая академия
имени Д.И. Менделеева

Гражданство — это устойчивая правовая связь лица с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав, обязанностей, а также взаимной ответственности государства и гражданина.

Вопросы гражданства в основном относятся к внутренней компетенции каждого государства и регулируются его внутренним законодательством. Вместе с тем в отношении отдельных вопросов применяется международно-правовая регламентация в форме двусторонних и многосторонних соглашений между государствами.

Законодательное урегулирование вопросов гражданства стало необходимым в связи с принятием в республиках деклараций о государственном суверенитете и существенным изменением их правового статуса. Они воплотили в себе те перемены, которые произошли в обществе.

В 1990–1991 гг. во многих республиках, входивших в состав Союза ССР, были приняты законы о гражданстве [1, с. 57].

Эти законы, явились значительным шагом в деле становления суверенных государств. Они, в отличие от ранее закрепленных положений в конституциях республик, четко определили понятие республиканского гражданства, установили круг граждан, регламентировали иные институты гражданства [2, с. 124].

Законы о гражданстве большинства стран СНГ (России, Украины, Грузии, Республики Молдова, Республики Беларусь) допускают наличие другого гражданства у своих граждан и предусматривают, что приобретение гражда-

нами этих стран второго гражданства не влечет утраты первого гражданства, т. е. гражданин России, Украины, Грузии, Республики Молдова и при определенных условиях Республики Беларусь, приобретая иное гражданство, остается во взаимоотношениях с государственными органами своей страны как ее гражданин.

Например, гражданин Украины репатриировался в Израиль и приобрел гражданство Израиля по «Закону о возвращении» (в соответствии с которым Израиль не требует от нас отказываться от предыдущего гражданства). Таким образом, Вы становитесь гражданином двух государств: для Украины Вы гражданин Украины, со всеми правами и обязанностями, а для Израиля Вы гражданин Израиля. И это означает, что Вы имеете два гражданства: украинское и израильское. Гражданство сохраняется у того, кто, на момент приобретения гражданства Израиля, уже является гражданином вышеперечисленных стран СНГ.

Однако, если у Вас нет гражданства одной из стран СНГ, то для приема в гражданство других стран СНГ, установлены требования возраста, дееспособности, постоянного проживания на территории государства и отказ от гражданства других государств. То есть, гражданин Израиля для того, чтобы приобрести гражданство России, Украины и др. стран, должен отказаться от израильского гражданства.

Но есть и исключение из этого правила: Молдова — единственная страна СНГ, где нормы предоставления гражданства изменились — от запрета к разрешению, но на это были свои причины. Оказалось, что в республике огромное количество жителей приняло российское и румынское гражданство. Молдавии грозило получить ситуацию, когда полстраны — граждане РФ, а другая половина имеет гражданство Румынии. Положение усугубляло то, что около миллиона человек (четвертая часть населения) стали гастарбайтерами в РФ и странах Евросоюза. И все эти люди, чтобы не потерять работу, могли с легкостью отказаться от гражданства своей страны в пользу иностранного. Понимая это, молдавский парламент принял закон о многократном гражданстве и этим сохранил свой собственный народ [3, с. 121].

В настоящее время у России действуют два международных Договора об урегулировании вопросов двойного гражданства:

1) Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства (Москва, 7 сентября 1995 г.). Во исполнение этого Договора был принят Федеральный закон от 15 декабря 1996 года № 152-ФЗ «О ратификации договора между Российской Феде-

рацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства».

2) Соглашение между Российской Федерацией и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства (Ашхабад, 23 декабря 1993 г.), на основании которого был принят Федеральный закон от 25 ноября 1994 года № 41-ФЗ «О ратификации соглашения между Российской Федерацией и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства». Несмотря на то, что 10 апреля 2003 г. Российской Федерацией и Туркменистаном был подписан Протокол о прекращении действия этого Соглашения, оно по-прежнему продолжает действовать, так как этот протокол до сих пор не вступил в силу [4, с. 78].

Также действует Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Российской Федерацией и Республикой Армения от 29 декабря 1991 года. Около 90 % граждан Абхазии имеют российское гражданство.

Также Россия совместно со странами СНГ осуществляет программу переселения соотечественников.

Соотечественнику для участия в Госпрограмме необходимо пройти следующие административные процедуры:

1. Подготовка регистрации соотечественников в качестве участников Государственной программы путем подачи анкеты.
2. Оформление участия в Государственной программе путем подачи заявления о выдаче свидетельства участника Государственной программы.
3. Получение документов, определяющих правовое положение соотечественника и членов его семьи на территории Российской Федерации: для иностранных граждан и лиц без гражданства — разрешение на временное проживание; для граждан Российской Федерации — действительный паспорт гражданина РФ.
4. Регистрация в качестве участника Государственной программы на территории вселения (на территории Российской Федерации)

Участники Госпрограммы и члены семей освобождаются от уплаты таможенных платежей за товары для личного пользования (включая автомобили), приобретенные ими до въезда в Российскую Федерацию, при их ввозе в течение 18 месяцев после регистрации участника Госпрограммы в территориальном органе ФМС России на территории Российской Федерации.

С 2007 года — начала ее реализации — в Россию прибыло 62590 участников программы. В Тюменскую область за первое полугодие 2012 года прибыло 669 человек, из них 294 участника программы и 375 членов их семей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что страны СНГ ведут активное взаимодействие друг с другом в вопросах гражданства, осуществляют различного рода программы, заключают взаимные договоры, в некоторых вопросах идут на уступки. Данная тема ежегодно совершенствуется и дорабатывается, пополняясь новыми программами и законами.

Литература:

1. Варлен М. В. Гражданство: Россия и СНГ. \ М. В. Варлен — М, 2010. — 328 с.
2. Басик В. П. Правовой статус граждан и иностранцев на территории Российской Федерации: социально-правовые основы и сравнительный анализ \ В. П. Барсик — М., 2005. — с. 311.
3. Кулматов Т. Ш., Сластунина О. А. Нормативное регулирование института гражданства в правовой системе СНГ // Журнал российского права. М.: Норма, 2004. N 4. С. 118—131.
4. Кучин М. В. Вопросы гражданства: Соотношение договорного и законодательного регулирования в рамках Содружества Независимых Государств /М. В. Кучин. //Правоведение. — 1992. — № 5. — С. 76—80

Виды нарушений в ходе предвыборной кампании

Турбало Инна Александровна, студент

Тобольская государственная социально-педагогическая академия
имени Д. И. Менделеева

В последнее десятилетие возросло количество нарушений на разных стадиях предвыборной кампании. Законодателем не предусмотрено понятие «предвыборная кампания», его значение тождественно понятию «избирательная кампания», когда подразумевается деятельность по подготовке и проведению выборов, осуществляемая в период со дня официального опубликования (публикации) решения уполномоченного на то должностного лица, государственного органа, органа местного самоуправления о назначении выборов до дня представления избирательной комиссией, организу-

ющей выборы, отчета о расходовании средств соответствующего бюджета, выделенных на подготовку и проведение выборов. [4] При проведении выборов в Единый день голосования 14 октября 2012 года в Тюменской области было зафиксировано 20 нарушений. [6] При проведении выборов Президента РФ 4 марта 2012 года в ЦИК РФ поступило 28 обращений граждан, из них 7 подтвердились. [8] Что говорит о наличии пробелов в избирательном законодательстве.

Объектом данного исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере проведения предвыборной кампании.

Предметом — федеральное и региональное законодательство, а также корпоративные нормы политических общественных объединений.

Целью работы является рассмотрение видов нарушений в процессе проведения предвыборной кампании.

Основные стадии избирательного процесса жестко регулируются законодательством и другими нормативными правовыми актами. Это объясняется необходимостью исключить волюнтаризм, способный порождать конфликты и задержки в развитии процесса. Демократические выборы проходят под пристальным наблюдением общественности.

Несоблюдение правовых норм при выдвижении и регистрации кандидата, а также проведении предвыборной агитации в законодательстве:

- Конституции РФ (25 декабря 1993 года);
- N 67-ФЗ (ред. от 03.12.2012) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»;
- N 51-ФЗ от 18 мая 2005 г. «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 10.01.2003 N 19-ФЗ (ред. от 02.05.2012) «О выборах Президента Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 26 ноября 1996 г. N 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан РФ избирать и быть избранными в органы местного самоуправления»;
- Законы субъектов Российской Федерации;
- Иные нормативные правовые акты о выборах, принимаемые в Российской Федерации — относятся к правонарушениям в сфере соблюдения правил проведения выборов в Российской Федерации. Данные правонарушения возникают на всех стадиях предвыборной кампании и в процессе голосования.

Законодательство Российской Федерации выделяет следующие виды нарушений предвыборной кампании:

1. Подкуп избирателей. В соответствии с Федеральным законом от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» кандидатам и их уполномоченным представителям запрещено:

- а) производить вознаграждение избирателей в зависимости от итогов голосования;
- б) проводить льготную распродажу товаров или распространять товары, за исключением продукции изготовленной для избирательной кампании либо референдума;
- в) безвозмездно предоставлять услуги или на льготных условиях;
- г) воздействовать на электорат путём выдачи денежных средств, ценных бумаг и прочих материальных благ;
- д) заниматься благотворительной деятельностью (в период от начала регистрации и до окончания выборов).

Например, 27 февраля 2012 года в селе Ижма Республики Коми был осужден гражданин РФ, который 04 декабря 2011 года, в период проведения голосования за Депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, с целью подкупа избирателей выплачивал деньги жителям села Ижма, чтобы последние проголосовали в пользу партии «Единая Россия». Он был признан виновным в совершении административного правонарушения предусмотренного ст.5.16 Кодекса об административных правонарушениях РФ, а также ему было назначено административное наказание в виде штрафа в размере 2000 рублей. [7]

2. Нарушение принципа равноправия кандидатов. Так, в п. 1 ст. 39 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» установлено, что все кандидаты обладают равными правами и обязанностями, за исключением случаев установленных законом.

Для реализации равноправия законодательство установило одинаковую для всех процедуру регистрации, порядок финансирования и сроки проведения агитации.

5 марта 2011 года Пограничным районным судом Приморского края рассматривалось гражданское дело о защите избирательных прав. Решением Территориальной избирательной комиссией (ТИК) ФИО2 было отказано в регистрации в качестве кандидата на должность Главы Пограничного муниципального района ПК, т. к. из проверенных подписей недействительными были признаны 31 подпись, что составляет 17%, при этом Решением ТИК Погра-

ничного района в качестве кандидата на должность Главы Пограничного МР ПК был зарегистрирован ФИО1. ТИК Пограничного района ПК не объективно подошла к оценке действительности подписей в подписных листах кандидатов на должность Главы Пограничного района и нарушила равенство кандидатов, в т.ч.и права заявителя как кандидата, отдав предпочтение самовыдвиженцу ФИО1 Решением суда, в связи с тем, что заявителем ФИО2 не было представлено достаточных доказательств того, что его активное избирательное право нарушено в результате действий/ бездействий/ ТИК Пограничного района ПК явился отказ в исковых требованиях. [7]

3. Выдвижение подставных кандидатов. Его выражение зачастую проявляется в следующем:

1) выдвижении кандидата для последующего снятия его кандидатуры с целью впоследствии выдвинуть обвинение против избирательной комиссии;

2) использовании подставного кандидата для привлечения к нему внимания общественности с целью раскола потенциального электората наиболее популярного кандидата;

3) поддержании основного кандидата и последующего перевода ему части голосов;

4) привлечении внимания избирателей к какой-либо посторонней проблеме для отвлечения от политического соперника.

Использование служебного положения. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» определяет перечень действий, которые расцениваются как использование должностного или служебного положения.

1) привлечение лиц, находящихся в служебной зависимости, государственных и муниципальных служащих к осуществлению в служебное время деятельности, способствующей выдвижению кандидатов, списков кандидатов и (или) избранию кандидатов, выдвижению и поддержке инициативы проведения референдума, получению того или иного ответа на вопрос референдума;

2) использование помещений, занимаемых государственными органами или органами МСУ, организациями независимо от формы собственности, за исключением помещений, занимаемых политическими партиями;

3) использование различных связи, оргтехники и информационных услуг, обеспечивающих функционирование государственных органов, органов МСУ, государственных и муниципальных учреждений, организаций независимо от формы собственности, за исключением случаев предусмотренных законом;

4) использование на безвозмездной основе или на льготных условиях транспортных средств, находящихся в государственной или муниципальной собственности, собственности организаций, за исключением транспортных средств, находящихся в собственности политических партий. Исключения — лица, пользующиеся указанными транспортными средствами в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной охране;

5) сбор подписей избирателей, участников референдума, ведение предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума лицами, замещающими государственные или выборные муниципальные должности, либо находящимися на государственной или муниципальной службе и т. д. в ходе служебных командировок;

6) доступ (обеспечение доступа) к государственным и муниципальным средствам массовой информации в целях сбора подписей избирателей, участников референдума, ведения предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума, если иным кандидатам, избирательным объединениям, группам участников референдума для этих целей не будет гарантирован такой же доступ в соответствии с настоящим Федеральным законом, иным законом;

7) агитационное выступление в период избирательной кампании, кампании референдума при проведении публичного мероприятия, организуемого государственными и (или) муниципальными органами, организациями независимо от формы собственности, за исключением политических партий;

8) обнародование в период избирательной кампании, кампании референдума в средствах массовой информации, в агитационных печатных материалах отчетов о проделанной работе, распространение от имени гражданина, являющегося кандидатом, поздравлений и иных материалов, не оплаченных из средств соответствующего избирательного фонда. [4]

29 февраля 2012 года в Энгельском районном суде Саратовской области было рассмотрено уголовное дело в отношении Ручкина А. Н., который совершил вмешательство с использованием должностного положения в осуществление избирательной комиссией ее полномочий, установленных законодательством о выборах и референдумах, с целью повлиять на ее решения, а именно требование и указание должностного лица по вопросам подсчета голосов избирателей и по иным вопросам, относящимся к исключительной компетенции избирательной комиссии. Суд приговорил Ручкина А. Н. к штрафу в размере 150000 рублей в доход государства. [7]

5. Ненадлежащее оформление подписных листов. К данному виду нарушений относится:

- 1) изготовление подписного листа не по установленной законом форме;
- 2) сведения о кандидате неполные или неточные;
- 3) отсутствие на подписном листе данных о сборщике подписей избирателей или его подписи; [5, с. 179]

14 февраля 2011 года Собинский городской суд Владимирской области рассмотрел заявление кандидата М. о защите избирательных прав. Нарушения выразились, со стороны кандидата Ш., в ненадлежащем оформлении подписных листов, отсутствии даты внесения ею своей подписи в подписной лист для сбора подписей в поддержку кандидата на должность депутата Совета народных депутатов г. Лакинска, а со стороны избирательной комиссии не были проверены подписи на предмет их действительности. Решением суда была отменена регистрация в кандидаты гражданки Ш., а также возврат государственной пошлины в пользу кандидата М. 200 рублей. [7]

6. Предоставление в окружную избирательную комиссию недостоверных подписей избирателей. Как указано в ч. 8 ст. 41 Избирательного Кодекса Тюменской области, недействительными считаются:

а) на выборах в органы местного самоуправления подписи избирателей, внесенные в подписной лист до дня, следующего за днем заверения, копии списка кандидатов соответствующей избирательной комиссией или уведомления соответствующей избирательной комиссией о выдвижении кандидата;

б) подписи лиц, не обладающих активным избирательным правом;

в) подписи избирателей, указавших в подписном листе сведения, не соответствующие действительности;

г) подписи избирателей без указания каких-либо из сведений, требуемых в соответствии с настоящим Кодексом, либо без указания даты собственноручного внесения избирателем своей подписи в подписной лист;

д) подписи избирателей, сведения о которых внесены в подписной лист не рукописным способом или карандашом;

е) подписи избирателей с исправлениями в датах их внесения в подписной лист, если эти исправления специально не оговорены избирателями, а также подписи избирателей, даты внесения которых проставлены избирателями не собственноручно;

ж) подписи избирателей с исправлениями в соответствующих этим подписям сведениях об избирателях, если эти исправления специально не оговорены избирателями или лицами, заверяющими подписные листы;

з) все подписи избирателей в подписном листе в случае, если подписной лист не заверен собственноручно подписью лица, осуществлявшего сбор под-

писей избирателей, и (или) подписью кандидата, уполномоченного представителя избирательного объединения, выдвинувшего список кандидатов, либо если хотя бы одна из этих подписей недостоверна, либо если не указана или не внесена собственноручно хотя бы одна из дат заверения подписного листа и т.д.

и) подписи избирателей, собранные с участием органов государственной власти, органов местного самоуправления, органов управления организаций всех форм собственности, учреждений, членов избирательных комиссий с правом решающего голоса, либо с принуждением избирателей в процессе сбора представленных подписей, либо с вознаграждением избирателей за внесение представленных подписей, либо на рабочих местах, либо в процессе и местах выдачи заработной платы, пенсий, пособий, иных социальных выплат;

к) подписи избирателей, если сведения о них внесены в подписной лист не самими избирателями, ставящими подписи, и не лицом, осуществлявшим сбор подписей избирателей, внесенных в этот подписной лист, — на основании письменного заключения эксперта, привлеченного к работе по проверке их достоверности в соответствии с пунктом 2 настоящей статьи;

л) все подписи избирателей в подписном листе, изготовленном с нарушением требований, установленных вторым предложением абзаца второго пункта 1 статьи 38 и (или) приложениями 6, 7, 9, 9.1 и 10 настоящего Кодекса;

м) все подписи избирателей в подписном листе, который заверен осуществлявшим сбор подписей лицом, не внесенным в список, составленный в соответствии с частью 3.1 статьи 38 настоящего Кодекса;

н) все подписи избирателей в подписном листе, который был заверен лицом, осуществлявшим сбор подписей избирателей, до внесения подписей избирателей в соответствующий подписной лист.

Бердюжским районным судом Тюменской области 21 сентября 2010 года было рассмотрено заявление Яковлева С.М. об отмене решения избирательной комиссии муниципального образования Зарословское сельское поселение № 35 от 08.09.2010 г., которым ему было отказано в регистрации его кандидатом в депутаты Думы Зарословского сельского поселения по одномандатному избирательному округу № 3.

В обоснование своих требований Яковлев С.М. указал, что при проверке подписных листов избирательной комиссией было установлено, что подписи избирателей были внесены в подписной лист до дня, следующего за днем подачи заявления о согласии баллотироваться. В силу п. 1.1 ст. 42 Избиратель-

ного кодекса Тюменской области избирательная комиссия, не позднее, чем за три дня до дня своего заседания, обязана была уведомить его о несоблюдении требований закона к оформлению документов, и что он имел право заменить подписные листы, представленные в избирательную комиссию. Письменное извещение из избирательной комиссии он не получал, соответственно не знал о том, что допустил нарушение. А когда его уведомили по телефону о том, что подписные листы оформлены неправильно, он сразу оформил другой подписной лист и сдал его за 4 дня до начала заседания. Однако ему отказали в приеме указанно листа.

Руководствуясь ст. ст.ст.194–198, 261 ГПК РФ, суд решил: в удовлетворении заявления Яковлева Сергея Михайловича об отмене решения избирательной комиссии муниципального образования Зарословское сельское поселение № 35 от 08.09.2010 г. и о возложении обязанности на избирательную комиссию зарегистрировать Яковлева Сергея Михайловича по одномандатному избирательному округу № 3 кандидатом в депутаты представительного органа муниципального образования Зарословское сельское поселение, отказать полностью. [7]

7. Воспрепятствование свободному осуществлению гражданином РФ своих избирательных прав либо работе избирательной комиссии. [3]

Трусовским районным судом в отношении наблюдателя от партии «Справедливая Россия» Суриковой Л. вынесен приговор в виде 160 часов обязательных работ. Сурикова Л.Н., находясь в помещении для голосования участковой избирательной комиссии избирательного участка общалась с избирателями перед голосованием и заглядывала в кабинку для голосования, где находился избиратель, тем самым воспрепятствовала свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав и нарушала тайну голосования, что было зафиксировано членами избирательной комиссии с правом решающего голоса путем составления соответствующего акта.

8. Проведение агитации в период и местах ее запрещения. [2] Агитационный период начинается со дня выдвижения кандидата, списка кандидатов и прекращается в ноль часов по местному времени за одни сутки до дня голосования.

Предвыборная агитация, агитация по вопросам референдума вне агитационного периода, установленного законодательством о выборах и референдумах, либо в местах, где ее проведение запрещено законодательством о выборах и референдумах, — влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей; на дол-

жностных лиц — от двух тысяч до пяти тысяч рублей; на юридических лиц — от двадцати тысяч до ста тысяч рублей.

04 декабря 2012 года в Саратове было рассмотрено административное дело в отношении Шейна Э.В., который 09 октября 2012 года в 10 часов 30 минут во дворе дома xxx, осуществлял расклейку плакатов агитационного характера на фасаде данного дома, в месте где проведение агитации запрещено законодательством о выборах и референдумах. Шейна Э.В. признать виновным в совершении правонарушения, предусмотренного статьей 5.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и назначить ему наказание в виде административного штрафа в размере 1 000 (одна тысяча) рублей. [7]

Подводя итог моего исследования, хотелось бы внести предложения по усовершенствованию законодательства в сфере избирательного права, и санкций налагаемые за данные виды правонарушений.

1. Ужесточить санкции за нарушения в сфере избирательных прав граждан, а именно запрет занимать государственные должности на период до трех лет.

2. Ужесточение санкций за нарушения проведения предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума вне агитационного периода и в местах, где ее проведение запрещено законодательством о выборах и референдумах: для должностных лиц от пятнадцати тысяч рублей до снятия с занимаемого рабочего места, на избирательные объединения и на иные юридические лица от пятидесяти тысяч рублей до двухсот тысяч рублей.

3. Проводить мероприятия, направленные на повышение правовой культуры населения.

4. По итогам проведения выборов предоставлять статистическую информацию через каналы теле- и радиовещания, а также в печатных периодических изданиях по количеству поданных жалоб на нарушения в ходе предвыборной кампании, по количеству подтвердившихся нарушений во всех регионах РФ.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ) // «Российская газета». — № 7. — 21.01.2009.

2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 23.02.2013) от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 23.02.2013) // «Российская газета». — № 256. — 31.12.2001.
3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.03.2013) // «Российская газета». — № 113. — 18.06.1996.
4. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 03.12.2012) // «Российская газета». — № 106. — 15.06.2002.
5. Сунцов А. П. Правонарушения в сфере избирательной системы субъекта Российской Федерации: монография / А. П. Сунцов. — Уральская гос. юрид. академия, Тюмен. юрид. ин-т МВД России. — Тюмень, 1999. — 216 с. ; 179 с.
6. <http://www.kartanarusheniy.org>
7. <http://www.rospravosudie.com>
8. <http://www.cikrf.ru>

5. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Некоторые вопросы усовершенствования нормотворческой деятельности центральных органов исполнительной власти Украины

Федорова Александра Юрьевна, начальник отдела
Государственное предприятие «Укрспирт» (г. Киев)

Ключевые слова: центральные органы исполнительной власти Украины, нормативно-правовые акты, нормотворческая деятельность, законность.

Деятельность центральных органов исполнительной власти невозможно представить себе без одной из важнейших управленческих составляющих — подготовки и принятия нормативно-правовых актов. Именно через нормативно-правовые акты реализуются функции государственной власти, конкретизируется волеизъявления властного субъекта относительно установления, изменения или отмены правовой нормы, регулирующей соответствующие общественные отношения. Анализ научной литературы и отчетов Министерства юстиции Украины свидетельствует, что отношение к подготовке и регистрации нормативно-правовых актов существенно изменилось. Так, после введения 5 января 2012 года персональной административной ответственности Министерством юстиции не было выявлено ни одного факта нарушения законодательства о регистрации нормативно-правовых актов в центральных органах исполнительной власти [1].

По состоянию на январь 2013 года в базе Верховной Рады Украины «Законодательство Украины» зарегистрировано более 184 тыс. документов. В тоже время состояние законности в сфере нормотворческой деятельности центральных органов исполнительной власти нуждается в усовершенствовании. Так, в определенной степени влияют такие факторы как противопо-

ставление законности целесообразности, неправильное определение формы нормативно-правового акта, а также нарушение процедуры подготовки его проекта.

Очевидно принятие нормативно-правовых актов, не соответствующих Конституции и законам Украины, их влияние на общественные отношения есть крайне негативным явлением. Следовательно, целесообразно ввести механизмы предотвращения принятия таких актов и определить меры по своевременному признанию незаконными уже принятых, а также обеспечить соответствующие правовые действия для восстановления нарушенных прав граждан и организаций. В целом процесс подготовки и принятия актов управления охватывает общепризнанные следующие стадии: подготовка акта управления, принятия решения и доведения решения до ведома исполнителей и заинтересованных лиц.

Анализ показывает, что, несмотря на свою актуальность, проблематика нормотворческой деятельности имеет очень краткое научное обоснование в юридической литературе. Поэтому, начало новаторских исследований этого предмета в административном праве является не только актуальными, но и преждевременным в отечественной правовой науке, поскольку комплексных научных работ, посвященные системному исследованию указанных проблем крайне недостаточно. Так, основные общетеоретические научные работы, изучающие отдельные аспекты нормотворческой деятельности, относятся к 70-х годам и связаны с такими именами как Н.Д. Абдуллаев, С.С. Алексеев, Л.И. Антонова, И.Л. Брауде, Н.А. Голодный, М. Горшенев, Б.В. Дрейшев, В.П. Казимирчук, Д.А. Керимов, Д.А. Ковачев, Г.В. Комианський, В.В. Максимов, А. Нашиц, А.С. Пиголкин, С.В. Поленина, Р.В. Раскатов, Ю.Д. Рудкин, Ю.А. Тихомиров, Р.А. Халфина, Ц.А. Ямпольская и др.. В последние годы исследования значительно увеличились, однако остаются до конца не разрешенными.

В Украине только отдельные ученые (Лата Н.Ф., Горбунова Л.М., Горьова С.Л., Александрова Н.В.) обратили внимание на очерченные проблемные вопросы при осуществлении фундаментальных исследований деятельности органов исполнительной власти.

Общепризнанно, что основа всей нормотворческой деятельности органов исполнительной власти состоит из подготовки и принятия нормативно-правовых актов, которые признаются актами государственного управления, то есть имеют соответствующую юридическую силу. В процессе публичного администрирования, которое осуществляется на основе законодательства, при-

нимаются управленческие решения по различным направлениям функционирования государства. Пока соответствие подзаконных актов закону остается острой проблемой, поскольку нормы законов нередко нарушаются и игнорируются. Между тем актуальной задачей остается создание действенной системы подзаконных нормативно-правовых актов, которая бы способствовала ориентации всех государственных и других структур во исполнение законов, переносу центра тяжести в деятельности органов исполнительной власти на организацию, выполнение и контроль за проблемами совершенствования нормотворческого процесса в центральных органах исполнительной власти. В связи с этим целесообразно разработать более совершенную систему подготовки и принятия нормативно-правовых актов центральных органов исполнительной власти. Интересны подходы российских ученых, которые предложили превентивное воздействие гарантий законности применительно к актам местных органов управления подразделять на две стадии. [2] Предложенная классификация, по нашему мнению, приемлемая и с нормативными правовыми актами центральных органов исполнительной власти.

Так, согласно требованиям на первой стадии необходимо не допустить нарушений законности актов еще до их принятия. Понятно, что на этой стадии ответственность за обеспечение законности при подготовке нормативно-правовых актов лежит непосредственно на департаментах (управлениях) центральных органов исполнительной власти — разработчиках, которые отвечают за разработку актов управления, юридических службах центральных органов исполнительной власти, а также Министерстве юстиции, которое привлекается на конечном этапе принятия акта. На этой стадии на правовое качество разрабатываемых проектов актов непосредственно влияет опыт разработчиков документа, а также работников юридических служб. Также, на разработчиков проектов ведомственных нормативно-правовых актов возлагается ответственность за проведение правовых экспертиз, предусмотренных требованиями Кабинета Министров Украины. За применение правовой экспертизы в процессе принятия правовых актов высказываются не только многие ученые, но также это требование закреплено в соответствующих нормативно-правовых актах. Так, приказом МВД Украины № 649 от 27.07.12 «Об утверждении Инструкции по организации нормотворческой деятельности в Министерстве внутренних дел Украины» предусмотрено проведение правовой экспертизы. [3] В частности п. 7.1. указанного приказа определено, что «все проекты нормативных актов подлежат обязательной правовой экспертизе и дальнейшему согласованию (визированию)». Анализ

показывает, что такая экспертиза существенно повлияла на качество подготовки документов. Однако, по нашему мнению уже на этой стадии указанный приказ нарушает требования действующего законодательства, а именно требования ст. 15 Закона Украины от 07.04.2011 № 3206 «Об основах предотвращения и противодействия коррупции» о проведении антикоррупционной экспертизы проектов нормативно-правовых актов. [4] Нормы указанной статьи предусматривают, что обязательной антикоррупционной экспертизе подлежат проекты законов Украины, актов Президента Украины, других нормативно-правовых актов, разрабатываемых Кабинетом Министров Украины, министерствами, другими центральными органами исполнительной власти. Кроме этого, нормами этой статьи предусмотрено, что «результаты антикоррупционной экспертизы подлежат обязательному рассмотрению при принятии решения относительно издания (принятия) соответствующего нормативно-правового акта». К сожалению, данный приказ МВД Украины данной нормы не содержит, и таким образом не отвечает требованиям Закона Украины от 07.04.2011 № 3206 «Об основах предотвращения и противодействия коррупции» [4].

Считается, что приказ должен содержать четкие критерии исключения возможности коррупционных правовых норм. И именно антикоррупционная экспертиза может их определить. Как свидетельствуют результаты научных исследований «мутные формулировки не всегда объясняются непрофессионализмом разработчиков. Иногда за ними пытаются скрыть ту или иную непопулярную реформу» [5]. Особенно это чувствуется на уровне центральных органов исполнительной власти. В случае возникновения коллизий и конфликтных ситуаций, которые приводят к нарушениям законности, требуется принятие мер, предусмотренных законодательством. Здесь полезно не только эффективное использование судебных процедур, но и расширение сферы досудебных процедур (в административном, арбитражном процессах), а также нельзя исключать и возможность корректировки статусов государственных органов и должностных лиц. Юридические новации нередко рождаются в результате разрешения противоречий.

Одним из важных направлений приведения нормативно-правовых актов в соответствие с законодательством, прежде всего с Конституцией Украины, является усовершенствование юридической техники подготовки нормативно-правовых актов, в частности:

— правильно определять структуру нормативного акта и его составных частей;

- правильно использовать юридические и нормативные понятия, термины;
- четко их формулировать, избегать нечетких словесных выражений и декларативных положений.

Кроме того, к эффективным превентивным мероприятиям на этой стадии целесообразно отнести введение в 2012 году ст. 188—41 Кодекса Украины об административных правонарушениях, предусматривающей ответственность за нарушение законодательства о государственной регистрации нормативно-правовых актов. [6] Указанная статья предусматривает персональную административную ответственность руководителей органов за непредставление, несвоевременное представление на государственную регистрацию нормативно-правовых актов, которые в соответствии с законом подлежат государственной регистрации, а также неподачу на публикацию в установленном законом порядке, или направлении для выполнения указаний, разъяснений в любой форме, устанавливающей правовые нормы.

Детальный анализ нормативно-правовых актов центральных органов исполнительной власти позволяет сделать вывод, что достаточно ограничен и неуверенно применяется метод обнародования проектов нормативно-правовых актов. Так, п. 4.21. указанного выше приказа МВД Украины определено, что с целью выполнения требований законодательства относительно обнародования проектов нормативных актов и выяснения и учета общественного мнения относительно его содержания по решению руководства МВД Украины проект может быть опубликован в средствах массовой информации и размещен на веб-сайтах структурных подразделений МВД Украины в интернет-сети или по отдельным его положениям может быть проведено соответствующее социологическое исследование (опрос населения). [4] По нашему мнению, после правовой экспертизы, одним из средств антикоррупционной экспертизы должно быть обязательное обнародование проекта на веб-сайтах и распространение его среди общественных организаций, которые занимаются контролем за деятельностью правоохранительных органов. Кроме того, с целью углубленной и качественной разработки проекта нормативно-правового акта целесообразно обязательное обсуждение на заседаниях ученых советов высших учебных заведений МВД Украины с участием работников от управления юридического обеспечения и ответственного за подготовку департамента (управления) МВД. В связи с этим целесообразно внести соответствующие изменения и дополнения к действующему приказу МВД Украины № 649 от 27.07.12 [4].

Также, Министерству юстиции Украины и юридическим службам центральных органов исполнительной власти Украины необходимо провести пересмотр нормативно-правовых актов, которыми регулируется нормотворческая деятельность этих органов, с целью приведения в соответствие их действующему законодательству и избежания в дальнейшем аналогичных ситуаций.

По нашему мнению, Кабинет Министров не в полной мере использует свои возможности по контролю за подготовкой совместных приказов центральных органов исполнительной власти. Так, Кабинет Министров Украины своим Постановлением № 1437 от 09.08.99 «Вопросы Института нормотворческой деятельности при Кабинете Министров Украины» утвердил Положение об Институте нормотворческой деятельности при Кабинете Министров Украины и структуру этого Института. [7] время роль указанного института не определена в Законе Украины от 07.10.2010 № 2591 «О Кабинете Министров Украины» [8] Полноценная деятельность Института способствовала бы проведению научно-исследовательской, нормотворческой, научно-методической, организационно-информационной, издательской и другой деятельности в сфере нормотворчества органов исполнительной власти.

Вторая стадия превентивного воздействия преследует цель устранения допущенных нарушений и предотвращения вредных последствий после принятия нормативно-правового акта. Законность подобных актов обеспечивается такими мерами, как контроль и надзор вышестоящих органов, контрольная деятельность судов, проверка принятых решений прокурором с последующим опротестованием незаконных актов, контроль Министерства юстиции Украины.

Проведенный анализ свидетельствует, что нарушение порядка принятия и вступления акта в силу не лишает акт качеств нормативности. Принятый нормативно-правовой акт, который вступил в силу, но не отвечает в какой-либо мере Конституции и законам Украины будет действовать, пока в установленном законом порядке он не будет отменен, или признан недействительным.

В научной литературе дискутируется вопрос о целесообразности введения модельных нормативных правовых актов, которые бы стали вспомогательным научно-организационным средством качественного и эффективного правотворчества территориальным органам (подразделениям) центральных органов исполнительной власти. [9] Разумеется, модельные нормативно-правовые акты требуют творческого осмысления и соответствующей адаптации к соответствующих социальных и экономических факторов, присущих именно этой

территории или региона. По нашему мнению, учитывая положительные и отрицательные аспекты такого предложения, то его можно ввести в качестве эксперимента с определенными социальными вопросам, что способствовало бы осуществлению правотворчества в регионах и на местах в едином концептуальном русле, с соблюдением постоянных и признанных правовых стандартов.

Считается, что решению данного вопроса должно способствовать принятие долгожданного Закона Украины «О нормативно-правовых актах» (№ 0922 от 12.12.12, предыдущий реестр. № 7409), в котором должен быть четко прописан механизм обеспечения соответствия нормативных правовых актов нормам законодательства. [10] Этот законопроект предлагает определять систему и виды нормативно-правовых актов, регулировать общественные отношения, связанные с разработкой нормативно-правовых актов, их принятием, регистрацией, вступлением в силу и учетом, устанавливает требования к технике нормопроектирования и нормотворческого процесса, регулирует вопросы действия нормативно-правовых актов, их официального толкования и разъяснения. Одновременно народным депутатом К. М. Ляпиной был предложен альтернативный законопроект (№ 7409—1). [11] Но этот вариант предлагает определить только вопросы, связанные со вступлением в силу нормативно-правовых актов, их официальным обнародованием, регистрацией, порядком ведения Единого государственного реестра нормативно-правовых актов, а также определяет и закрепляет требования к веб-сайтам, на которых должны храниться их тексты. В связи с этим Комитет Верховной Рады признал неудачной концепцию альтернативного проекта Закона (№ 7409—1) на основании того, что фактический круг вопросов, который очерчивается в законопроекте, является более узким, чем предмет правового регулирования, который отражен в его названии. Законодательное регулирование правового статуса нормативно-правовых актов в нем ограничивалось только регламентацией порядка вступления в силу, их официального опубликования и государственной регистрации. Следовательно, объем и содержание предложенных законопроектом предписаний комплексно не регулировал общественные отношения в сфере правотворчества в едином законодательном акте, как это предлагается в основном законопроекте. В связи с этим Постановлением Верховной Рады Украины от 20.05.2011 № 3428 «О законопроектах о нормативно-правовых актах» был принят за основу проект Закона Украины о нормативно-правовых актах (№ 7409), а Комитету Верховной Рады Украины по вопросам правовой политики было поручено доработать указанный проект с учетом положений альтернативного законопроекта о нормативно-правовых

актах (№ 7409—1) и внести его на рассмотрение Верховной Рады Украины во втором чтении [12].

Также, будет целесообразным активизировать систематизацию всех нормативных актов в трех ее формах — инкорпорации, консолидации и кодификации. Это будет способствовать обеспечению успешной нормотворческой работы министерств, других центральных органов исполнительной власти, и обеспечит систематизацию нормативно-правовых актов на должном научно-практическом уровне в единую согласованную систему. [13] Всесторонняя систематизация законодательства является первоочередной практической необходимостью, как данное средство упорядочения правовых структур, в условиях формирования и развития правовой системы Украины. На сегодняшний день, как и в прошлом, работа по упорядочению законов и нормативно-правовых актов проводится слабо и недостаточно эффективно. Это объясняется тем, что правотворческая практика носит несогласованный, нестабильный характер [14; С. 5—8].

Поводя итог изложенному, следует отметить, что подавляющее большинство нормативно-правовых актов центральных органов исполнительной власти является результатом коллективного труда, который формируется через призму человеческих отношений, включая неформальные связи. Поэтому совершенствование порядка принятия и реализации таких актов непосредственно связано не только с уровнем управленческой культуры органов государственной власти, но и определенными целями, которые могут носить и корпоративный характер или преследовать частные цели отдельных группы лиц.

Для обеспечения законности в сфере нормотворческой деятельности органов исполнительной власти необходимо, прежде всего, на законодательном уровне урегулировать процесс принятия подзаконных норм, обеспечить четкую работу центральных органов исполнительной власти и их должностных лиц, недопустимость выхода чиновников за пределы определенных административно-правовых статусов и полномочий.

Стратегическим направлением является создание в Украине единого правового поля, формированию которого будет способствовать принятие нормативно-правовых актов, которые бы влияли на состояние законности при осуществлении ведомственного нормотворчества органами исполнительной власти. Повышению уровня законности должно способствовать принятие Закона Украины «О нормативно-правовых актах», внесение других изменений в законодательство, обеспечение контроля за качеством ведомственного нор-

мотворчества. Также, необходимо осваивать и активно использовать механизмы решения правовых споров, используя альтернативные методы, что позволит снизить нагрузку на судебную систему, и в качестве одного из факторов будет способствовать повышению качества рассмотрения административных дел.

Литература:

1. После введения админответственности в ЦОИВ не выявлено ни одного незарегистрированного нормативного акта / правительственный портал кабинета министров // http://www.kmu.gov.ua/control/uk/publish/printable_article?art_id=245943399
2. Карпова А.Н. Превентивные правовые гарантии законности актов местных органов управления: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.02 — государственное право и управление; советское строительство; административное право; финансовое право / А.Н. Карпова; Свердловский юридический институт. — Свердловск, 1974. — 182 с.
3. Приказ МВД Украины от 27.07.2012 № 649 «Об утверждении Инструкции по организации нормотворческой деятельности в Министерстве внутренних дел Украины»
4. Закон Украины от 07.04.2011 № 3206 «Об основах предотвращения и противодействия коррупции» // Голос Украины от 15.06.2011 № 107
5. Почему законы сырые.//АиФ. — 2011, № 7 — <http://www.aif.ru/politics/article/40913>
6. Кодекс Украины об административных правонарушениях от 07.12.1984 № 8073 // Ведомости Верховного Совета УССР, 1984 г., N 51, ст.1122
7. Постановление Кабинета Министров Украины № 1437 от 09.08.99 «Вопросы Института нормотворческой деятельности при Кабинете Министров Украины» // Официальный вестник Украины от 27.08.1999 г. № 32, с. 72, код акта 9740/1999
8. Закон Украины от 07.10.2010 № 2591 «О Кабинете Министров Украины» // Голос Украины от 13.10.2010 № 191
9. Игнатенко В.В. Правовое качество законов об административных правонарушениях (Теоретические и прикладные проблемы): Дис.... д-ра юрид. наук.: 12.00.02 — государственное право и управление; советское строительство; административное право; финансовое право / В.В. Игна-

- тенко; Уральская государственная юридическая академия. — Екатеринбург, 1999. — 305 с.
10. Проект Закона Украины «О нормативно-правовых актах» от 01.12.2010 № 7409 / / http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_2?pf3516=7409&skl=7
 11. Проект Закона Украины «О нормативно-правовых актах» от 15.12.2010 № 7409-1 / / http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_2?pf3516=7409-1&skl=7
 12. Постановление Верховной Рады Украины от 20.05.2011 № 3428 «О законопроектах о нормативно-правовых актах» // <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/3428-17>
 13. Систематизация законодательства Украины: проблемы и перспективы совершенствования: Монография. — М. Инс-т государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины, 2003. — 220 с.
 14. Онищенко Н. Н. Правовой конструктив: проблемы систематизации Н. М. Онищенко / / Журнал Киевского университета права. — 2011. — № 1. — С. 5-8

7. ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Правовое регулирование налоговой амнистии в Российской Федерации

Белова Татьяна Александровна, секретарь судебного заседания Волжского районного суда г. Саратова, аспирант
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье рассмотрена проблема отсутствия законодательного закрепления налоговой амнистии. Проанализированы характерные особенности налоговой амнистии и ее роль в системе российского права. Выявлена и обоснована необходимость правового регулирования института налоговой амнистии с учетом ее межотраслевого характера. На основе проведенного анализа автором предлагается включение в Налоговый кодекс Российской Федерации в целях правовой регламентации института налоговой амнистии норм, определяющих понятие налоговой амнистии и условия ее применения.

Ключевые слова: правовая политика Российской Федерации, амнистия, налоговое право, налоговая амнистия, налоговая ответственность, налоговое правонарушение, основание освобождения от налоговой ответственности.

В теории государства и права отмечается, что «право — это система общеобязательных, формально-определенных норм, которые выражают государственную волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер; издаются или санкционируются государством и охраняются от нарушений, наряду с мерами воспитания и убеждения, возможностью государственного принуждения; являются властно-официальным регулятором общественных отношений» [1, с. 80].

Кроме того, предлагается и широкое понимание права, в соответствии с которым понятие права включает в себя не только нормы, но и другие правовые явления, такие как: правосознание, правоотношения, субъективные права, акты применения права и т.д. [2, с. 80].

Важнейшим требованием к изучению права является сочетание двух подходов: исторического и логического. С учетом указанных методов в истории права принято выделять две эпохи: варварскую и цивилизованную. Давая краткую характеристику каждой из эпох, следует отметить, что варварской эпохе присуща система обычного права, поскольку в данный исторический период времени отсутствовала какая-либо развитая государственность. Однако с эволюцией общественных отношений человечество пришло к цивилизованной эпохе права, которому характерно уже наличие системы статутного права.

Генезис развития общества свидетельствует о том, что степень использования права на каждой стадии развития общества была различной. Но в связи с усложнением общественных отношений, а также процесса эволюции самого права, наблюдается устойчивая тенденция к повышению роли права практически во всех сферах жизнедеятельности человека.

Следует учитывать, что поскольку право представляет собой относительно самостоятельное явление общественной жизни, оно имеет возможность влиять на политику, устанавливая границы социально значимой деятельности государства, гарантируя от узурпации политической власти. Более того, с помощью правовой формы в государстве обеспечивается доступ граждан к государственному управлению, а также возможность оказывать влияние на разработку и принятие важных социально значимых решений. В связи с чем право создает обязанность государства обеспечить осуществление прав и свобод граждан.

Таким образом, учитывая неразрывную взаимосвязь права, политики и экономики, следует признать, что для эффективного правового развития государства, а также обеспечения прав граждан и их свобод необходима выработка такой научно обоснованной правовой политики, которая сможет соединить возможности и политики, и экономики, и права.

Одной из основных задач современной политики государства является совершенствование действующего законодательства, ориентируя общество и соответствующие органы власти на решение актуальных проблем общества, прежде всего, — на защиту прав и законных интересов субъектов, развитие страны в целом и оптимизацию правового регулирования отношений в различных сферах общества.

Стержнем правовой системы Российского государства выступает Конституция, принятая «многонациональным народом Российской Федерации... исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов... утверждая незыблемость демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России...»

Российская Федерация в соответствии с основным законом страны объявлена демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления [3].

Также презюмируется, что Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [4]. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства [5].

Таким образом, правовая политика современного общества основана прежде всего, на принципах равенства всех граждан перед законом и гуманизма.

Одним из инструментов, направленных на реализацию принципа гуманизма, выступает амнистия, проявляющая в форме самостоятельного акта государства милосердие лицам, совершившим правонарушения.

История развития отношений в различных сферах общества позволяет наблюдать тенденцию возникновения и развития института амнистии во многих отраслях законодательства, в частности, в сфере уголовного, административного, налогового, уголовно-исполнительного законодательства. В связи с чем совершенно обоснованно и целесообразно в литературе многими исследователями проблемы амнистии признается межотраслевой характер института амнистии.

Более того, в сфере экономики появились свои новые виды амнистии — налоговая, финансовая, экономическая, амнистия капиталов и т. д. [6].

При этом, единство такого института подтверждается не только общим названием, которое встречается и реализуется в различных отраслях права, но и общими принципами действия, действующими на каждом уровне правового регулирования [7].

Анализ истории развития налогообложения в нашей стране свидетельствует о том, что становление и развитие института амнистии в России осуществлялось одновременно с эволюцией законодательства о налогообложении, и еще с ранних времен уже наблюдаются зачатки признаков указанного института, связанные с отменой некоторых видов налогов и освобождением отдельной

категории лиц от уплаты налогов, причем указанные признаки с течением времени предстают в более развитом виде. В частности, годом введения на территории нашей страны первой налоговой амнистии знаменуется 1993 год, когда был издан Указ Президента РФ от 27.10.1993 N 1773 «О проведении налоговой амнистии в 1993 году». По истечении 15 лет в стране снова была проведена еще раз налоговая амнистия, проявившаяся в принятом в 2006 году Федеральном законе «Об упрощенном порядке декларирования доходов физическими лицами».

Однако до настоящего времени отсутствует законодательное закрепление понятия налоговой амнистии, что обусловило появление в литературе различных трактовок данного правового феномена.

Учитывая межотраслевой характер института амнистии, на наш взгляд, налоговая амнистия — это государственно-правовой акт, символизирующий ее публичный характер, которым со стороны государства гарантируется освобождение от налоговой ответственности лиц, совершивших налоговые правонарушения, при условии, что данные лица добровольно и в полном объеме внесут в бюджетную систему Российской Федерации все имеющиеся недоимки по налогам и сборам.

Следует отметить, что до сегодняшнего времени еще не исследован и не разрешен вопрос о месте налоговой амнистии в системе налогового права Российской Федерации.

По устоявшейся точке зрения налоговое право является подотраслью финансового права и представляет собой «совокупность финансово-правовых норм, регулирующих общественные отношения по установлению налогов и сборов, зачисляемых в бюджетную систему, введению в действие, взиманию и осуществлению контроля за их уплатой» [8, с. 387].

Однако, несмотря на то, что налоговое право является подотраслью финансового права, оно имеет собственную систему. Определяя место налоговой амнистии в системе налогового права, следует отметить, что налоговая амнистия представляет собой отдельный институт права, регулирующий отношения, вытекающие из государственно-правового акта, которым со стороны государства гарантируется освобождение от налоговой ответственности лиц, совершивших налоговые правонарушения, при условии, что данные лица добровольно и в полном объеме внесут в бюджетную систему Российской Федерации все имеющиеся недоимки по налогам и сборам.

Следует отметить, что условием применения налоговой амнистии является особый круг субъектов, к числу которым относятся только лица, совершившие

налоговые правонарушения. Кроме того, амнистия применяется только в отношении лиц, совершивших правонарушения до принятия акта об амнистии, следовательно, она не может быть применима к правонарушениям, совершенным после ее издания.

Это свидетельствует о том, что факт налоговой амнистии обусловлен явлением налоговой ответственности за совершение налогового правонарушения и не может существовать без последнего. Данный факт позволяет сделать вывод о действии принципа детерминизма, в соответствии с которым «всякое начало обладает своим основанием, которое его определяет и из которого это начало вытекает с той или иной мерой необходимости» [9].

Таким образом, основанием возникновения налоговой амнистии является возможность привлечения к налоговой ответственности за совершение налогового правонарушения, в связи с чем, следует вывод, что налоговая амнистия является следствием налоговой ответственности.

В связи с чем является целесообразным указание в статье 109 Налогового кодекса РФ, что основанием освобождения от налоговой ответственности наряду с иными обстоятельствами также является налоговая амнистия. Исходя из этого, возникает необходимость отметить в главе 15 Налогового кодекса РФ, что актом налоговой амнистии, который объявляется Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в отношении неограниченного количества определенной категории налогоплательщиков, данные лица освобождаются от налоговой ответственности.

Необходимость законодательного закрепления налоговой амнистии обусловлена предпосылками совершенствования правовой системы государства, гарантирующей реализацию основных прав и свобод граждан.

Литература:

1. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. — 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. — 776 с.
2. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. — 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. — 776 с.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. — 2009. — 21 января. Ст. 1.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. — 2009. — 21 января. Ст. 7.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. — 2009. — 21 января. Ст. 2.
6. Григорьев Леонид. Амнистия капиталов/ Леонид Григорьев: доклад президента фонда «Институт Энергетики и Финансов», декана факультета менеджмента Международного университета Леонида Григорьева, представленный на круглом столе фонда «Единство во имя России» и журнала «Стратегия России» 11 октября 2005 г. // URL: <http://www.polit.ru/article/2005/10/12/amnesty/> (дата обращения 16.07.2012 года).
7. И. Г. Баранникова. Амнистия как институт конституционного права // URL: <http://www.blog.servitutis.ru/?p=277> (дата обращения 01.02.2012 года).
8. Н. И. Химичева Финансовое право: учебник /Н. И. Химичева [и др.]. — Норма, 2004 г.
9. В. И. Моисеев. Философия и методология науки. Принцип детерминизма. Дефинитивный детерминизм// URL: http://society.polbu.ru/moiseev_sciencesphilo/ch54_i.html (дата обращения 08.05.2012 года).

9. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Предоставление правовой помощи малоимущим в странах Центральной и Восточной Европы

Бредихина Евгения Андреевна, студент
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина

Обеспечение равного доступа к средствам правовой защиты является одной из наиболее сложных проблем. Государство, вынужденное учитывать множество конкурирующих социальных запросов и располагающее все более скромными финансовыми ресурсами, должно удовлетворить потребность всех своих граждан в правовой помощи.

Право на доступ к правосудию гарантирует, что каждый имеет доступ к независимому и беспристрастному суду и возможность справедливого судебного разбирательства.

В странах Центральной и Восточной Европы не применяется правило, в соответствии с которым отсутствие средств являлось бы основанием для предоставления бесплатной правовой помощи. В правовых системах этих стран в настоящее время проводится различие между делами, когда правоприменительные органы обязаны назначить обвиняемому защитника, и другими категориями дел. В последнем случае в некоторых странах назначение защитника обязательно, если обвиняемый является малоимущим, а в других это решение оставлено на усмотрение правоприменительного органа.

Что касается дел, требующих обязательного участия защитника, то в некоторых странах защита обязательна, если возможно назначение наказания в виде пяти или более лет лишения свободы, в Болгарии обвиняемый получает право на назначение защитника, только если минимальный срок наказания составляет десять лет лишения свободы.

Кроме того, законодательство большинства стран Центральной и Восточной Европы требует, чтобы только низший предел возможного наказания составлял или превышал минимум, необходимый для обязательного участия

защитника. Если низший предел возможного наказания ниже минимума, необходимого для обязательного участия защитника, обвиняемый не получает права на бесплатную защиту, даже если высший его предел выше такого минимума. То есть в случае, если минимальный срок наказания, создающий право на обязательное участие защитника, составляет пять лет, а обвиняемый обвиняется в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы от трех до восьми лет, то такой обвиняемый не имеет права на бесплатную защиту, несмотря на то, что может быть приговорен к более чем пяти годам лишения свободы.

В уголовно-процессуальный кодекс Болгарии в 1999 г. были внесены изменения, предусматривающие, что правоприменительные органы обязаны назначить защитника малоимущему обвиняемому по его просьбе, если того требуют интересы правосудия. Оплата работы адвокатов, участвующих по делам, требующим обязательного участия защитника, или по иным делам, где назначается защитник, обычно производится за счет средств государственного бюджета, выделяемых на функционирование судов. Однако в большинстве стран назначение защитника не освобождает обвиняемого от обязательства по оплате помощи адвоката — исполнение такого обязательства лишь откладывается. В случае признания обвиняемого виновным государство может возложить на него все свои судебные издержки и расходы, включая оплату работы назначенного адвоката.

Важным, на наш взгляд, является то, что страны Центральной и Восточной Европы в настоящее время не проводят статистических исследований относительно количества назначаемых адвокатов и качества оказываемой ими помощи. Отсутствие таких данных о функционировании системы назначения адвокатов является одним из наиболее значительных препятствий для реформирования систем предоставления правовой помощи. Нехватка статистической информации затрудняет оценку степени серьезности проблемы обеспечения доступа к правосудию и определение будущих потребностей.

Конституции многих развитых стран гарантируют право на получение бесплатной правовой помощи не только малоимущим лицам, обвиняемым в совершении преступлений, но и малоимущим лицам, участвующим в гражданско-правовых спорах. Так, например статья 18 Конституции Нидерландов прямо предусматривает выработку Парламентом законодательных норм, регулирующих предоставление правовой помощи малоимущим лицам, не ограничивая предоставление такой помощи уголовными делами [1]. Сходным образом статья 24 (3) Конституции Италии предоставляет всем малоимущим

лицам право на надлежащее представление их интересов в любых судебных разбирательствах [2]. Статья 29 Конституции Швейцарии 1999 года гласит: «Каждое лицо, не располагающее требуемыми средствами, имеет право на бесплатное правосудие, если его правовые притязания не выглядят бесперспективными. Поскольку это необходимо для соблюдения его прав, оно имеет, кроме того, право на бесплатную юридическую помощь» [3].

Однако большинство конституций и не признают права на получение бесплатной правовой помощи по гражданским делам. Но предоставление такой помощи часто гарантируют другие правовые нормы — специально принимаемые законы или широкое судебное толкование косвенно относящихся к этому предмету положений конституции.

Учитывая, что основания для бесплатного предоставления правовой помощи в различных странах различны, критерии, учитываемые в большинстве правовых систем, можно разделить на две общие категории: финансовые и юридические. Для получения права на бесплатную правовую помощь у лица должны отсутствовать средства, достаточные для оплаты работы адвоката. Здесь учитываются такие факторы, как доход и имущество лица, а в некоторых странах — доход совместно проживающих лиц и размер семьи заявителя. Право на бесплатное предоставление правовой помощи может подтверждаться финансовой декларацией, налоговыми и банковскими документами, платежными ведомостями, или даже справками, выдаваемыми муниципальными властями.

В соответствии с юридическим критерием основным фактором является категория дела. Обычно правовая помощь предоставляется бесплатно всем обвиняемым в совершении преступления, когда этого требуют интересы правосудия, за исключением некоторых нетяжких правонарушений, за совершение которых предусмотрено наказание в виде штрафа.

Во многих странах правовая помощь предоставляется бесплатно также по гражданским делам. Здесь необходимо отметить, что под бесплатным предоставлением правовой помощи по гражданским делам часто подразумевают целый ряд различных услуг, включая службы правовой информации, правовое просвещение, консультирование граждан и т.д. К таким услугам относятся и представление интересов отдельных лиц в суде, и судебная защита общественных интересов, когда в суде отстаиваются интересы неограниченного круга лиц, а также работа с законодательными органами и высшими судами. Хотя иногда подобные услуги оказываются непосредственно государственными органами, чаще их оказывают НПО и частнопрактикующие юристы. Во

многих странах услуги, финансируемые из государственного бюджета, дополняются работой частных благотворительных организаций. В последнее время все больше внимания уделяется привлечению к этой работе консультантов вне юристов и других активистов, что позволяет охватить значительно более широкий круг лиц.

В заключении можно отметить, что оказание правовой и другой социальной помощи бедным, детям, жертвам насилия и другим категориям лиц — задача не только органов, в чьи функции входит предоставление правовой помощи, но и всего общества. Общественные организации местного уровня — это ценный ресурс, который может использоваться для предоставления правовой помощи, временного жилья, питания, ухода за детьми и консультирования, а также помощи в применении судебных приказов о личной защите и в столкновениях с системой уголовной юстиции. Такие организации могут обладать значительным опытом и пониманием нужд конкретной группы населения, такой как жертвы домашнего насилия, пожилые люди, инвалиды и др. Организация по предоставлению правовой помощи или отдельный адвокат могут пользоваться ресурсами таких организаций и при необходимости направлять в них клиентов. Кроме того, поскольку сфера деятельности организаций по оказанию правовой помощи часто ограничена финансирующими их органами государственной власти или установленными приоритетами, общественные организации могут играть важную роль в выработке и реализации различных решений в интересах общественности.

Литература:

1. Конституция Королевства Нидерландов: принята парламентом 17 февраля 1983 г. // Конституции государств Европы / Издательская группа НОРМА, 2001. — 94 с.
2. Конституция Итальянской Республики: принята Конституционной ассамблеей 22 декабря 1947 г. / пер. с итал. Л.П. Гринберга // Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. Л.А. Окунькова. — М.: Издательская группа ИНФРА-М—НОРМА, 1997. — 90 с.
3. Союзная Конституция Швейцарской Конфедерации: принята на народном референдуме 18 апреля 1999 г. // Конституции государств Европы. — НОРМА, 2001. — 102 с.

Сравнительная характеристика залога земельных участков, как формы обеспечения кредитных обязательств в России и зарубежных странах

Давыдова Екатерина Игоревна, аспирант

Институт государства и права Тюменского государственного университета

Вопрос оборотной способности земли в России является одним из самых острых, а залог земельных участков является особенно проблемным в складных отношениях. После того как Россия перешла к рыночным отношениям, возникла серьезная необходимость восстановления прав частной собственности на земельные участки. В соответствии с постановлением съезда общественных депутатов РСФСР от 3 декабря 1990 года «О программе создания отечественной деревни и формирования аграрно-промышленного комплекса» было утверждено государственное разнообразие и равенство колхозной, кооперативной, коллективной и долевой формы собственности. Сегодня правовое регулирование ипотеки земельных участков осуществляется целым рядом нормативно-правовых актов. К их числу, прежде всего, следует отнести: Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)», Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» и др.

Земельные участки имеют непосредственное отношение к недвижимости и введены в гражданский оборот, что предоставляет владельцу распоряжаться ей и как залогом для ипотечного кредитования, а также пользоваться для обеспечения определенных обязательств, которые вытекают из разных соглашений.

Тем не менее, при наличии явных преимуществ ипотеки земельных участков перед другими формами обеспечения обязательств, существует ряд причин, по которым кредит под залог земли оказывается невыгоден некоторым банкам.

Во-первых, несовершенство законодательного регулирования права предоставления земельного участка в качестве залога. Во-вторых, в некоторых случаях представляется затруднительным определить точные границы земельного участка и его положение на местности. В-третьих, на сегодняшний день не все субъекты кредитных отношений относят земельные участки к высоколиквидным активам, что вызывает в дальнейшем проблемы при обращении

принудительного взыскания задолженности. И наконец, представляет сложность оценка земли.

Для более полного освещения проблем залога земельных участков в России следует обратиться к изучению опыта зарубежных стран в этом вопросе, так не смотря на то, что наша страна имеет собственный многовековой опыт правового регулирования ипотечных земельных отношений, российский законодатель может и должен адаптировать зарубежный правовой опыт развитых рыночных стран.

В Западной Европе и США традиционно существуют развитые и исторически отрегулированные системы ипотеки, в основу которых положена четкая система регистрации недвижимости, а также строгое юридическое оформление возникновения и прекращения залогового права на недвижимое имущество. По мнению В. М. Будилова, Россия тяготеет к немецкой системе гражданского права, поэтому, прежде всего, остановимся на характеристике залогового права Германии [1, с. 20].

Германия имеет развитую ипотечную систему, под которой понимается законодательство, регулирующее оборот недвижимого имущества, а также организации, обслуживающие этот оборот и осуществляющие его регистрацию.

Ипотека в Германии носит строго акцессорный характер. В основе ипотеки должно лежать требование, которое может быть также будущим и условным.

Помимо понятия ипотеки немецкое законодательство содержит исторически развитое, сейчас играющее главенствующую роль в залоговом праве на недвижимость понятие земельного долга. Отличие его от ипотеки заключается в следующем:

- возможности возникновения и осуществления земельного долга без привязки к определённомu обеспечиваемому обязательству и, следовательно, в возможности замены или изменения обеспечиваемого обязательства без изменения обеспечивающего отношения;

- в значительной меньшей степени зависимости сторон обеспечительного отношения от императивных предписаний закона, при этом другая сторона этой особенности заключается в обязанности сторон существенно больше условий своих отношений регулировать путём закрепления их в обеспечительном договоре.

Поэтому, земельный участок может быть обременён таким образом, что субъекту, в чью пользу осуществлено обременение, подлежит выплата определённая денежная сумма в периодически повторяющиеся сроки.

Думаем, что в России вид залога, аналогичный земельному долгу по немецкому праву, как более гибкая форма обеспечения по сравнению с ипотекой, также могла бы иметь большое значение. В этой связи при формировании российского законодательства, регулирующего залоговое право недвижимости, залоговое право на землю, подобное немецкому земельному долгу, целесообразно было бы рассматривать как основной вид залогового права на недвижимость и, следовательно, урегулировать его в законодательстве с помощью прямых, а не отсылочных норм [2, с. 52].

Современная система кредитного обеспечения использования земли в США складывалась более ста лет и играет важнейшую роль в государственной истории. В процессе освоения территории Северной Америки в собственности граждан преимущественно находились земли, выделяемые государством. Земельные участки являлись единственным объектом залоговых отношений, именно поэтому вся кредитная система была тесно связана с залоговым обязательством, и до 1930-го года была основана на землевладении и собственности.

Конгресс США в 1916 году одобрил закон, на основе которого было создано 12 земельных банков для выдачи долгосрочных ссуд. Доходы этих банков были освобождены от всех видов налогов на федеральном уровне и уровне штатов [3, с. 108].

Земельные банки получили право финансировать покупку земли предоставлением под ее залог кредита на срок от 5 до 40 лет. Процентные ставки определялись самими банками, но исходя из минимального уровня.

Федеральная резервная система США разрешила коммерческим банкам приобретать облигации земельных банков. По этим облигациям солидарную ответственность несли все земельные банки. Таким образом, ипотечная система США первоначально сложилась как государственно-кооперативная со стартовым государственным капиталом и под существенным правительственным контролем.

Позднее Конгресс США принял закон о создании еще 12 новых, так называемых «федеральных посреднических банков» для предоставления текущих производственных сельскохозяйственных кредитов, по причине того, что земельные банки были ориентированы исключительно на оборот земли, учитывая специфику и особенности землепользования [4, с. 103].

В западных странах (США, Германия, Франция, Испания, Италия и др.) широко практикуется кредитование под залог сельскохозяйственных земель — фермерских и других земельных участков. Оно осуществляется си-

стемой специальных ипотек и банков через долгосрочный ипотечный кредит. Процентные ставки под залог дифференцируются в зависимости от ценности земли, положения должника и степени риска. Источником ипотечного кредитования является эмиссия банками ипотечных облигаций как ценных бумаг, обеспеченных недвижимостью. В обороте они выступают в качестве ценных бумаг, закладных листов и т.д. Помимо банков такое ипотечное кредитование могут производить ссудосберегательные ассоциации, кооперативы взаимного кредитования, страховые компании.

После приведенной характеристики системы ипотечного кредитования под залог земли в западных странах возникает вопрос, какая конкретно польза может быть извлечена для формирующейся в России системы ипотеки земельных участков. Ведь различия между российской и западной юридическими и экономическими системами весьма существенны.

В настоящее время не решен также окончательно вопрос, по какому пути развивать земельную ипотеку в России: американскому (двухуровневая система) или западноевропейскому (одноуровневая система). Двухуровневая система подразумевает, что кредитные организации имеют право осуществлять кредитование под залог земельных участков, а закладные консолидируются в различного рода земельно-ипотечных агентствах, которые на их основе осуществляют эмиссию и обращение ценных бумаг. Западно-европейская система заключается в том, что существуют специализированные земельные банки, которые сами проводят эмиссию ценных бумаг.

Россия, на наш взгляд, должна взять лучшее от двух систем и идти по собственному пути. Таким образом, более предпочтительна система, когда любые банки могут участвовать в процессе земельного кредитования, но обращение ценных бумаг должно осуществляться на втором уровне. Необходимо создание одного или нескольких земельно-ипотечных агентств, причем форма этих организаций и статус могут быть разными. Это может быть орган государственной власти или межбанковское партнерство.

Литература:

1. Будилов В.М. Залоговое право России и ФРГ. СПб.: Питер, 2003. — с. 20.
2. Васильев А. К развитию залогового кредитования // Российский экономический журнал. — 2010. — № 6. — с. 52.

3. Лойко П. Ф. Проблемы развития кредитования под залог земли и организации системы российского земельного банка // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. — 2005. — № 7. — С. 108.
4. Ивасенко А. Г. Анализ зарубежного опыта земельно-ипотечного кредитования // Российское предпринимательство. — 2008. — № 11. — с. 103.

Вопросы классификации оснований прекращения опеки и попечительства

Кнороз Андрей Иванович, доцент

Международный славянский институт (г. Москва)

В действующем российском законодательстве основания для прекращения опеки и попечительства закреплены в ст. 39, 40 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) и ст. 29 Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (далее — Закон об опеке и попечительстве)[1]. Кроме того, основания для прекращения опеки и попечительства относительно детей, оставшихся без попечения родителей могут содержаться и в нормах семейного законодательства. На это указывает п. 3 ст. 145 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) — отношения, возникающие в связи с прекращением опеки и попечительства над детьми, оставшимися без попечения родителей, регулируются ГК РФ, Законом об опеке и попечительстве и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, если иное не предусмотрено СК РФ и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы семейного права.

В качестве самостоятельных оснований прекращения опеки и попечительства отечественный законодатель выделяет следующие обстоятельства:

- 1) смерть опекуна или попечителя либо подопечного;
- 2) истечение срока действия акта о назначении опекуна или попечителя;
- 3) освобождение опекуна или попечителя от исполнения своих обязанностей в случае:
 - возвращения несовершеннолетнего его родителям;

- усыновления несовершеннолетнего;
- помещения подопечного под надзор в образовательную организацию, медицинскую организацию, организацию, оказывающую социальные услуги, или иную организацию, в том числе в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;

- просьбы опекуна или попечителя;
- возникновения противоречий между интересами подопечного и интересами опекуна или попечителя;

4) отстранение опекуна или попечителя от исполнения своих обязанностей в случае;

- ненадлежащего исполнения возложенных на опекуна или попечителя обязанностей;

- нарушения прав и законных интересов подопечного, в том числе при осуществлении опеки или попечительства в корыстных целях либо при оставлении подопечного без надзора и необходимой помощи;

- выявления органом опеки и попечительства фактов существенного нарушения опекуном или попечителем установленных федеральным законом или договором правил охраны имущества подопечного и (или) распоряжения его имуществом;

- неисполнения решения суда (в отличие от предыдущих оснований отстранения опекуна и попечителя от исполнения своих обязанностей закреплено не в гражданском, а в семейном законодательстве (п. 3 ст. 148.1 СК РФ));

5) прекращение опеки и попечительства в случаях, предусмотренных ст. 40 ГК РФ:

- вынесения судом решения о признании подопечного дееспособным или отмене ограничений его дееспособности;

- достижения малолетним подопечным четырнадцати лет;

- достижения несовершеннолетним подопечным восемнадцати лет, его эмансипации или вступления в брак до 18 лет;

6) прекращение опеки над детьми несовершеннолетних родителей по достижении такими родителями возраста восемнадцати лет и в других случаях приобретения ими гражданской дееспособности в полном объеме до достижения совершеннолетия.

Указанные основания прекращения опеки и попечительства могут подразделяться по различным классификационным признакам (критериям). Анализ научной литературы позволяет обнаружить большое количество таких клас-

сификаций, имеющих собственный (и, как правило, единственный) критерий, используемый для их подразделения. Еще в зарубежной и отечественной романистике существовало несколько подходов относительно выделения важнейших видов оснований прекращения римской опеки. Так согласно Г. Дербургу опека прекращала свое действие либо устранением ее вообще, либо лишь прекращением функций одного опекуна, сопровождавшимся заменой последнего новым опекуном. В первом случае действие опеки над несовершеннолетним прекращалось с совершеннолетием подопечного или признанием его совершеннолетним, с поступлением под отцовскую власть, со смертью подопечного или с объявлением его умершим.

Во втором случае функции опекуна прекращались, но при этом не заканчивало свое действие учреждение опеки вообще: с его смертью, если опекун становился абсолютно-недееспособным, со вступлением в новый брак отпавлявшим опекунскую должность матери или бабушки, с увольнением и отрешением опекуна от должности [2. с. 113–114].

Аналогичной позиции придерживался Ю. Барон, отмечавший, что опека прекращалась совсем, если отпадала сама потребность, давшая повод ее учредить. Это имело место, прежде всего, в случае смерти подопечного, при *capitis deminutio* (умалении правоспособности), усыновлении лица, не находящегося под отцовской властью. В области опеки по возрасту это имело место в случае достижения опекаемым совершеннолетия или объявления совершеннолетним; опеки над душевнобольным — в случае его полного выздоровления; опеки над расточителем — в случае его экономического исправления [3. с. 910].

Указанное воззрение было воспринято российской романистикой. Так Л. Н. Загурский утверждал, что опека прекращалась с отпадением условий ее установления, следовательно: с точки зрения подопечного она прекращалась *ipso jure* (непосредственно в силу самого права, автоматически) [4. с. 363–364] и абсолютно, а с точки зрения опекуна она прекращалась *ipso jure* и относительно, т. е. назначался новый опекун [5. с. 173–174].

Фактически аналогичной позиции придерживались Д. И. Азаревич [6. с. 313] и В. М. Хвостов [7. с. 419], разделявшие прекращение опеки и попечительства в лице опекуна (попечителя) и в лице подопечного.

Несколько иная классификация оснований прекращения римской опеки была предложена в работах К. Ф. Чиларжа [8. с. 320], В. В. Ефимова [9. с. 315–316] и К. А. Митюкова [10. с. 288]. Все основания прекращения опеки над несовершеннолетними К. Ф. Чиларж разделял на нормальные и чрезвычайные. Нормальным образом опека над несовершеннолетними прекра-

щалась с наступлением совершеннолетия. Остальные причины являлись чрезвычайными и в зависимости от личности опекуна или подопечного подразделялись:

1) со стороны опекуна: его смерть, умаление правоспособности, наступление отменительного условия или окончание срока назначения, освобождение опекуна от обязанностей и его устранение от опеки со стороны властей, сложение с себя опеки;

2) со стороны опекаемого опека прекращалась вследствие смерти и умаления его правоспособности. Если, в случаях чрезвычайного прекращения опеки, опекаемый не достигал совершеннолетия, то назначалась новая опека [8. с. 320].

Указанные взгляды относительно классификации оснований прекращения опеки и попечительства в римском праве были также восприняты дореволюционной отечественной цивилистикой. Так, Д.И. Мейер по поводу прекращения опеки заметил, что она прекращается в двояком смысле: или только в лице опекуна, т.е. опека от одного опекуна передается к другому, или в лице опекаемого, когда прекращается сама опека [11. с. 405—406].

Подобного воззрения придерживался А.И. Загоровский, признававший прекращение опеки в двух видах: в виде прекращения полного, безусловного или виде прекращения относительного, условного. Опека прекращается вполне вследствие наступления известных причин на стороне опекаемого: в случае его смерти или достижения им совершеннолетия. Относительно опека прекращается, вследствие прекращения обязанностей опекуна: в случае смерти опекуна, сумасшествия, безвестного отсутствия или в случае увольнения по распоряжению опекунской власти [12. с. 442—443]. Эти же положения относительно разделения прекращения опеки на два вида высказывали А.С. Невзоров [13. с. 85—86] и И.С. Вольман [14. с. 41].

Некоторые подходы дореволюционной российской цивилистики по поводу подразделения оснований прекращения опеки и попечительства были использованы в советской науке семейного и гражданского права. Так, по мнению Н.М. Ершовой прекращение опеки и попечительства возможно: а) в связи с личностью опекуна или попечителя (например, в случае их смерти, отстранения от исполнения возложенных на них опекунских обязанностей). При этом отмечает автор, следует иметь в виду, что здесь происходит прекращение опеки (попечительства) только в лице данного опекуна (попечителя) однако она продолжается, но уже в лице вновь назначенного опекуна (попечителя); б) в связи с личностью подопечного (смерти или достижения им со-

вершеннолетия), когда опека (попечительство) прекращается, не возобновляясь [15. с. 41].

Другой исследователь семейного права А.И. Пергамент все основания прекращения опеки (попечительства) над несовершеннолетними условно разделяла на два основных вида:

1) прекращение опеки (попечительства) в результате исчерпания задач (воспитания ребенка). Попечительство прекращается по достижении несовершеннолетним 18 лет и вместе с тем прекращается опека как форма воспитания ребенка в семье. Это естественная смерть опеки;

2) прекращение опеки (попечительства) в остальных случаях, когда ребенок еще не достиг совершеннолетия: при возвращении ребенка родителям (или одному из них), избрании иной формы воспитания (усыновлении, патронате, помещении в государственные детские учреждения), освобождении или отстранении от опекунских обязанностей [16. с. 62–73].

В.А. Рясенцев среди оснований прекращения опеки и попечительства над несовершеннолетними выделил следующие группы: 1) прекращение опеки с достижением подопечным 15 лет и преобразование правоотношений по опеке в правоотношения попечительства. С достижением подопечным 18 лет правоотношения попечительства перестают вообще существовать; 2) досрочные основания прекращения опеки и попечительства (до достижения подопечным возраста 15 и 18 лет). Последние подразделяются на основания (т. е. юридические факты) прекращения опеки (попечительства) требующие специального решения органа опеки и достаточные основания, для которых такие решения не являются необходимыми [17. с. 285].

В современном российском семейном и гражданском праве также существует несколько точек зрения относительно классификации оснований прекращения опеки и попечительства.

Наиболее распространенная классификация предусматривает три группы (формы) оснований прекращения опеки и попечительства, которые Л. Ю. Михеева определяет как: «автоматическое» прекращение опеки и попечительства, освобождение опекуна (попечителя) от исполнения обязанностей и его отстранение [18. с. 667–671]. В случае «автоматического» прекращения опеки или попечительства не требуется специального акта, аналогичного акту о назначении опекуна или попечителя. Правоотношения прекращаются сами собой, что подтверждается документами, свидетельствующими о том или ином юридическом факте. Такими фактами являются: смерть опекуна или попечителя либо подопечного; истечение срока действия акта о назначении опекуна

или попечителя; случаи, предусмотренные ст. 40 ГК РФ; достижение несовершеннолетним родителем возраста 18 лет, его эмансипация или вступление в брак до 18 лет.

Указанные группы оснований освобождения и отстранения опекуна (попечителя) М. В. Антокольская [19. с. 310], И. М. Кузнецова [20. с. 105] и Л. М. Звягинцева [21. с. 76] называют формами прекращения опеки и попечительства.

Близкую по своей сути классификацию оснований прекращения опеки и попечительства дает О. Ю. Косова. В зависимости от наличия специального акта все основания прекращения опеки и попечительства она подразделяет на два вида: с оформлением путем вынесения соответствующего решения органами опеки и попечительства и без оформления. В последнем случае опека и попечительство прекращаются вследствие достижения ребенком определенного возраста: попечительство — по достижении совершеннолетия, а также в других случаях приобретения полной дееспособности; опека — по достижении 14 лет. Путем вынесения органами опеки и попечительства соответствующих постановлений оформляются два способа прекращения опеки и попечительства: освобождение и отстранение опекуна (попечителя) от выполнения лежащих на нем обязанностей [22. с. 218].

Несколько иную позицию по данному вопросу занимает М. Ю. Челышев, выделяющий среди оснований полное прекращение опеки (попечительства) и прекращение обязанностей опекунов и попечителей. Виду различия оснований и процедур, полное прекращение опеки и попечительства подразделяется на прекращение опеки и попечительства над несовершеннолетними и совершеннолетними гражданами. Прекращение обязанностей опекунов и попечителей производится в формах освобождения и отстранения органом опеки и попечительства опекунов и попечителей от исполнения ими своих обязанностей [23].

Заслуживает также внимания подразделение оснований прекращения опеки и попечительства, предложенное О. В. Кузнецовой и Т. Г. Пивоваровой. В отличие от предыдущих классификаций среди оснований прекращения опеки и попечительства ими выделяются обстоятельства не только субъективного, но и объективного характера. В качестве примера такого рода объективного обстоятельства приводится истечение срока действия акта о назначении опекуна или попечителя [24].

Отметим, что косвенным образом на наличие объективных обстоятельств указывали С. М. Корнеев и А. Е. Шерстобитов. Так время нахождения гражда-

нина под опекой или попечительством зависит от обстоятельств, связанных с личностью подопечного и личностью опекуна (попечителя), а также от некоторых других обстоятельств, указанных в законе, например, освобождение опекуна или попечителя от исполнения ими своих обязанностей в силу определенных *объективных обстоятельств* (курсив наш. — А.К.): если несовершеннолетний возвращается родителям или кто-либо его усыновил и если подопечный помещен для постоянного пребывания в соответствующее воспитательное, лечебное учреждение, учреждение социальной защиты населения или другое аналогичное учреждение [25. с. 191].

Следует отметить, что не все авторы рассматривают и соответственно используют в классификации в качестве оснований прекращения опеки и попечительства освобождение и отстранение опекуна или попечителя, а также другие обстоятельства.

Отнесение освобождения либо отстранения опекуна или попечителя от исполнения своих обязанностей к одному из оснований прекращения опеки или попечительства является дискуссионным вопросом в науке гражданского и семейного права и к тому же имеет свою давнюю историю. Данная проблема затрагивалась еще в дореволюционной российской романистике и цивилистике. Так Д.Д. Гримм, рассматривая основания прекращения римской опеки и попечительства, обратил внимание на необходимость различения прекращения самой опеки и выбытие данного опекуна с заменой его новым [26. с. 442].

Другой отечественный цивилист Г.Ф. Шершеневич, также не относил увольнение опекуна к основаниям прекращения опеки и указывал на возможность прекращения ее с устранением тех обстоятельств, которые вызвали потребность в ней [27. с. 466].

Рассматривая вопросы прекращения опеки и попечительства К.Д. Кавелин отмечал, что здесь идет речь не о прекращении опеки и попечительства в лице того или другого опекуна или попечителя, а о прекращении ее вообще по отношению к малолетнему или несовершеннолетнему. Опека и попечительство прекращаются в этом смысле тогда, когда исчезают условия и обстоятельства, при которых закон признает существование опеки и попечительства необходимыми, другими словами — когда отпадают отсутствие или недостаточность дееспособности, зависящие от возраста, и сопровождаемые полным или неполным сиротством, а это возможно только в двух случаях, а именно: или когда само существование человека — малолетнего или несовершеннолетнего — прекращается смертью, или когда он вступает в совершеннолетие [28. с. 151].

Соглашаясь с вышесказанным К. Н. Анненков полагал недопустимым смешение прекращения опеки с увольнением опекуна, посредством признания последнего обстоятельства за один из видов ее прекращения в лице опекуна. Хотя это прекращение условное, утверждал К. Н. Анненков, но на самом деле ни о каком прекращении опеки и речи быть не может, потому, что в этом случае происходит только переход исполнения обязанностей опекуна от одного лица к другому и ничего более [29. с. 364].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно заключить, что отнесение освобождения либо отстранения опекуна или попечителя от исполнения своих обязанностей к одному из оснований прекращения опеки или попечительства зависит от широкого либо узкого понимания самого процесса прекращения опеки (попечительства). Сторонники узкого подхода исходят из того, что опека и попечительство прекращается только тогда, когда отпадает сама потребность в ее существовании, т.е. она прекращается абсолютно, вообще в отношении подопечного.

Сторонники широкого подхода понимают не только полное (абсолютное) прекращение опеки (попечительства), но и прекращение в конкретном случае, когда прекращается правоотношение между конкретным опекуном (попечителем) и подопечным, однако при этом потребность в осуществлении опеки или попечительства сохраняется. В таком случае опека (попечительство) прекращается лишь в отношении опекуна (попечителя), т.е. условно, относительно.

Следует отметить, что наибольшее распространение в современной отечественной цивилистике получила вторая точка зрения, согласно которой освобождение либо отстранение опекуна или попечителя от исполнения своих обязанностей является, хотя и условно, основанием прекращения опеки или попечительства. Вместе с тем в юридической литературе обоснованно занимает свое место и позиция сторонников узкого подхода. Так Ю. Н. Аргунова считает классификацию оснований прекращений опеки в ст. 29 Закона об опеке и попечительстве не вполне корректной по следующим причинам. При наступлении смерти подопечного или в случае восстановления его дееспособности опека действительно прекращается. Однако в иных ситуациях (смерти опекуна, при истечении срока действия акта о его назначении, при освобождении либо отстранении опекуна от исполнения обязанностей) опека прекратиться не может, т.к. лицо продолжает оставаться недееспособным, а потому нуждающимся в опеке. Прекращение прав и обязанностей конкретного опекуна не может и не должно прекращать опеку [30. с. 41].

Заслуживает также внимания и мнение Г. А. Магдесян о том, что между прекращением опеки и попечительства во всех значениях этого слова по данному конкретному случаю и прекращением одного правоотношения с последующим возникновением другого имеется существенная разница [31. с. 125].

На наш взгляд, следует согласиться с точкой зрения Ю. Н. Аргуновой относительно корректности классификации оснований прекращения опеки в ст. 29 Закона об опеке и попечительстве, добавив при этом следующее. Попечительство также как и опека не может прекратиться в случаях смерти попечителя, истечения срока действия акта о его назначении, освобождения либо отстранения попечителя от исполнения обязанностей, поскольку при таких обстоятельствах лицо продолжает оставаться не полностью дееспособным, а потому нуждающимся в попечительстве.

Далее обращает на себя внимание тот факт, что не случайно ГК РФ дифференцирует основания освобождения и отстранения опекунов от исполнения своих обязанностей (ст. 39) и основания прекращения опеки и попечительства как правового состояния (ст. 40). А. М. Нечаева по этому поводу отметила следующее: кроме прекращения опеки и попечительства, ГК предусматривает освобождение опекунов (попечителей) от исполнения принятых ими на себя обязанностей или их отстранение. В любом из названных случаев прекращаются существовавшие ранее правоотношения, порожденные установлением опеки (попечительства) [32. с. 305]. В Законе же об опеке и попечительстве такой дифференциации, как мы видим, не проводится, и оба основания именуются общим термином: «прекращение опеки и попечительства» (ст. 29), что представляется ошибочным.

Безусловно, прекращение прав и обязанностей конкретного опекуна или попечителя не может и не должно прекращать опеку или попечительство. Вопрос должен ставиться о продлении или переоформлении акта о назначении опекуна или попечителя, если истек срок его действия, либо о замене опекуна или попечителя (назначение нового опекуна (попечителя) или заключение с ним договора), либо о временном исполнении опекунских обязанностей органом опеки пока опекун или попечитель не будет назначен. В противном случае недееспособный гражданин либо не полностью дееспособный окажется в определенно уязвимом положении, когда прежнего опекуна или попечителя у них уже нет, а нового еще нет.

Если исходить из буквального толкования Закона об опеке и попечительстве, и опека в отношении недееспособного, лишившегося опекуна, и попечительство в отношении не полностью дееспособного, лишившегося попечителя,

в самом деле прекращаются, то получается, что вслед за потерей опекуна или попечителя указанные лица утрачивают статус подопечного, а значит выпадают на время из сферы действия данного закона. Неудачная, на наш взгляд, формулировка ст. 29 Закона об опеке и попечительстве позволяет органу опеки и попечительства самоустраниться от исполнения своих прямых обязанностей.

В свете сказанного представляется целесообразным внести соответствующие изменения в статью 29 Закона об опеке и попечительстве, дополнив её частями. 1.1 и 2.1 и изложив части 1 и 2 в следующей редакции:

«1. Опека или попечительство прекращается:

1) в случае смерти подопечного;
2) в случаях, предусмотренных статьей 40 Гражданского кодекса Российской Федерации.

1.1. Обязанности по опеке или попечительству прекращаются:

1) в случае смерти опекуна или попечителя;
2) по истечении срока действия акта о назначении опекуна или попечителя;
3) при освобождении либо отстранении опекуна или попечителя от исполнения своих обязанностей.

2. Опека над детьми несовершеннолетних родителей прекращается по основаниям, предусмотренным частью 1 настоящей статьи, а также по достижении такими родителями возраста восемнадцати лет и в других случаях приобретения ими гражданской дееспособности в полном объеме до достижения совершеннолетия.

2.1. Обязанности по опеке над детьми несовершеннолетних родителей прекращаются по основаниям, предусмотренным частью 1.1. настоящей статьи».

Таким образом, на основании вышеизложенного можно выделить следующие критерии классификации оснований прекращения опеки и попечительства, используемые в юридической литературе.

В зависимости от наступивших последствий, к которым приводит тот или иной юридический факт: абсолютные и относительные основания прекращения опеки и попечительства. Опека и попечительство прекращается абсолютно (полностью, безусловно), т.е. вообще в отношении подопечного. В этом смысле опека и попечительство прекращается тогда, когда исчезают условия и обстоятельства, при которых закон признает существование опеки и попечительства необходимым. Другими словами — когда отпадают основания, по которым опека и попечительство были установлены: отсутствие или недостаточность дееспособности, зависящие от возраста, состояния здоровья или других обстоятельств.

Опека и попечительство прекращается относительно (условно), когда прекращаются функции одного опекуна (попечителя), но не заканчивает свое действие опека (попечительство) вообще и, следовательно, назначается новый опекун (попечитель).

В зависимости от содержания обстоятельств, с которыми связано прекращение опеки и попечительства: субъективные и объективные основания. Субъективные обстоятельства это те условия прекращения опеки и попечительства, которые связаны либо с личностью подопечного, либо — опекуна (попечителя), а объективные обстоятельства такой прямой связи не имеют. К последним основаниям следует отнести:

- освобождение опекуна или попечителя от исполнения ими своих обязанностей, если несовершеннолетний возвращается родителям или кто-либо его усыновил и если подопечный помещен для постоянного пребывания в соответствующее воспитательное, лечебное учреждение, учреждение социальной защиты населения или другое аналогичное учреждение;

- истечение срока действия акта о назначении опекуна или попечителя является объективным обстоятельством;

- прекращение опеки над детьми несовершеннолетних родителей при достижении такими родителями возраста восемнадцати лет и в других случаях приобретения ими гражданской дееспособности в полном объеме до достижения совершеннолетия.

В зависимости от наличия специального акта: прекращение опеки (попечительства) с оформлением путем вынесения соответствующего решения органами опеки и попечительства и прекращение без оформления, т. е. *ipso jure* — автоматически, непосредственно в силу самого права. В последнем случае опека и попечительство прекращаются вследствие достижения ребенком определенного возраста: попечительство — по достижении совершеннолетия, а также в других случаях приобретения полной дееспособности; опека — по достижении 14 лет.

Путем вынесения органами опеки и попечительства соответствующих постановлений оформляются два способа прекращения опеки и попечительства: освобождение и отстранение опекуна (попечителя) от выполнения лежащих на нем обязанностей.

Кроме того, основания прекращения опеки (попечительства) в зависимости от формы попечения можно подразделить на прекращение опеки и прекращение попечительства, и в зависимости от субъекта, в отношении которого назначается опека и попечительство, на прекращение опеки (попечительства)

над несовершеннолетним и прекращение опеки (попечительство) над совершеннолетними.

Литература:

1. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.
2. Дернбург Г. Пандекты. Т. III. Кн. 4 и 5: Семейственное и наследственное право / Пер. с последнего 7-го нем. изд. А. Г. Гойбарха и Б. И. Элькина. Под ред. проф. А. С. Кривцова. — СПб.: Издание Юридического книжного склада «Право», 1911.
3. Барон Ю. Система римского гражданского права: В 6 кн. / Предисловие кандидата юридических наук В. В. Байбака. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005.
4. Термин не имел постоянно одного значения, но вообще обозначал, что для наступления известного юридического результата не требуется никакого особого акта. В большинстве случаев «*ipso jure*» обозначало отсутствие необходимости в каком-либо акте со стороны магистрата. По этому поводу немецкий романист О. Ленель отмечал: «когда римский юрист сообщает нам, что не существует необходимости в актах магистрата для произведения или устранения какого-либо юридического результата, тогда в девяносто девяти случаях из ста имеет в виду то обстоятельство, что означенный результат наступает или не наступает в силу гражданского права» (Цит. по: Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. — М.: «Статут», 2003).
5. Загурский Л. Н. Элементарный учебник римского права. Особенная часть. Семейное право. Вып. I и II. 2-е испр. и доп. изд. — Харьков, 1898.
6. Азаревич Д. О различии между опекой и попечительством по римскому праву. — СПб., 1872.
7. Хвостов В. М. Система римского права. Учебник. — М.: Издательство «Спарк», 1996.
8. Чиларж К. Ф. Учебник институций римского права / Пер. О. К. Гавемана под ред. проф. В. А. Юшкевича. 2-е изд. — М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1906.
9. Ефимов В. В. Догма римского права: Лекции В. В. Ефимова. Общая часть. — СПб.: Типография В. С. Балашева, 1893.
10. Митюков К. А. Курс римского права. 3-е изд. — Киев, 1912.

11. Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2-х ч. Часть 2). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. — М.: Статут, 1997.
12. Загоровский А.И. Курс семейного права / Под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. — М.: Издательство «Зерцало», 2003.
13. Невзоров А.С. Краткое изложение курса местного права Прибалтийских губерний. Ч. 2. Семейственное право и наследственное право. — Юрьев, 1905.
14. Вольман И.С. Опекa и попечительство. Практическое руководство. — СПб., 1913.
15. Ершова Н.М. Опекa и попечительство над несовершеннолетними по советскому праву. — М., 1959.
16. Пергамент А.И. Опекa и попечительство. — М.: Юридическая литература, 1966.
17. Рясенцев В.А. Семейное право. — М.: Юрид. лит., 1971.
18. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации и Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» / Под ред. П.В. Крашенинникова. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2010.
19. Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2003.
20. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейной) руководитель авторского коллектива и ответственный редактор доктор юридических наук, профессор О.Н. Садилов. — М.: Юридическая фирма КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 1997.
21. Звягинцева Л.М. Граждане как субъекты гражданского права // Гражданское право. Учебник для вузов. Часть первая. Под общей редакцией доктора юридических наук, профессора Т.И. Илларионовой, кандидата юридических наук, доцента Б.М. Гонгало и кандидата юридических наук, доцента В.А. Плетнева. — М.: Издательская группа НОРМА — ИНФРА-М, 1998.
22. Косова О.Ю. Семейное и наследственное право России: Учебное пособие. — М.: «Статут», 2001.
23. Чельшев М.Ю. Опекa и попечительство над несовершеннолетними // Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 3 / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева // СПС «Гарант».
24. Кузнецова О.В., Пивоварова Т.Г. Комментарий к Федеральному закону от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (постатейный) // СПС «Гарант».

25. Корнеев С.М., Шерстобитов А.Е. Граждане как участники правоотношений // Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / [Ем В.С. и др.]; отв. ред. — Е.А. Суханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2007.
26. Grimm Д.Д. Лекции по догме римского права / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. — М.: Издательство «Зерцало», 2003.
27. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского прав (по изданию 1907 г.). — М.: Фирма «СПАРК», 1995.
28. Кавелин К. Очерк юридических отношений возникающих из семейного союза. — СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1884.
29. Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Права семейные и опека. Т. 5. — СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1905.
30. Аргунова Ю.Н. Опека над недееспособными: законодательные новеллы. Часть 2 // Независимый психиатрический журнал. 2008. № 3.
31. Магдесян Г.А. Теоретические аспекты гражданско-правового регулирования опеки и попечительства в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009.
32. Нечаева А.М. Семейное право: Учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2005.

15. ТРУДОВОЕ ПРАВО

Особенности регулирования трудовых отношений в Российской Федерации на основании трудового договора

Миннибаев Булат Илдарович, старший преподаватель
кафедры права и экономики

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
(г. Елабуга)

Труд на протяжении истории являлся источником существования. В различные хронологические рамки истории, труд носил различный характер: либо он был связан с рабством либо был наемным трудом. Трудовая деятельность человечество и его развитие, прежде всего, было связано от природы общества и формы его общественного устройства. С разделением труда и ростом производительности продукции, происходят изменения в трудовых отношениях в обществе. С развитием общественных формаций происходит юридическое закрепление существенных сторон трудовых отношений в государстве.

Ключевые слова: труд, общественная формация, трудовой договор, род деятельности, профессия, размер оплаты труда, дискриминация.

«Труд представляет собой целенаправленную деятельность человека, реализующего его физические и умственные способности для получения определенных материальных или духовных благ» [2].

Согласно Конституции РФ ст. 37. труд является свободным «каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию» [1].

Государство гарантирует создание благоприятных условий для трудовой деятельности. Согласно ст. 37 п.3 Конституции РФ, «каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознагра-

граждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы» [1].

Основополагающим началом определяющие сущность, основные черты, трудового права являются его принципы. На основании ТК РФ ст.2, к основным принципам трудового права следует отнести:

- свобода труда, включая право на труд, который каждый свободно выбирает или на который свободно соглашается, право распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности;
- запрещение принудительного труда и дискриминации в сфере труда;
- защита от безработицы и содействие в трудоустройстве;
- обеспечение права каждого работника на справедливые условия труда, в том числе на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, права на отдых, включая ограничение рабочего времени, предоставление ежедневного отдыха, выходных и нерабочих праздничных дней, оплачиваемого ежегодного отпуска;
- равенство прав и возможностей работников;
- обеспечение права каждого работника на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы, обеспечивающей достойное человека существование для него самого и его семьи, и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда;
- обеспечение равенства возможностей работников без всякой дискриминации на продвижение по работе с учетом производительности труда, квалификации и стажа работы по специальности, а также на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации;
- обеспечение права работников и работодателей на объединение для защиты своих прав и интересов, включая право работников создавать профессиональные союзы и вступить в них;
- обеспечение права работников на участие в управлении организацией в предусмотренных законом формах;
- сочетание государственного и договорного регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений;
- социальное партнерство, включающее право на участие работников, работодателей, их объединений в договорном регулировании трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений;
- обязательность возмещения вреда, причиненного работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей;

— установление государственных гарантий по обеспечению прав работников и работодателей, осуществление государственного надзора и контроля за их соблюдением и т. д. [3].

Главным звеном трудовых отношений служит трудовой договор. Согласно ТК РФ ст. 56. под трудовым договором понимается «соглашение между работодателем и работником, в соответствии с которым работодатель обязуется предоставить работнику работу по обусловленной трудовой функции, обеспечить условия труда, предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и данным соглашением, своевременно и в полном размере выплачивать работнику заработную плату, а работник обязуется лично выполнять определенную этим соглашением трудовую функцию, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка, действующие у данного работодателя» [3].

Трудовой договор порождает взаимные права и обязанности, как работника, так и работодателя. На основании ТК РФ ст. 21 к основным правам и обязанностям работника можно отнести:

права работника:

- заключение, изменение и расторжение трудового договора в порядке и на условиях, которые установлены настоящим Кодексом, иными федеральными законами;
- предоставление ему работы, обусловленной трудовым договором;
- рабочее место, соответствующее государственным нормативным требованиям охраны труда и условиям, предусмотренным коллективным договором;
- своевременную и в полном объеме выплату заработной платы в соответствии со своей квалификацией, сложностью труда, количеством и качеством выполненной работы;
- отдых, обеспечиваемый установлением нормальной продолжительности рабочего времени, сокращенного рабочего времени для отдельных профессий и категорий работников, предоставлением еженедельных выходных дней, нерабочих праздничных дней, оплачиваемых ежегодных отпусков;
- полную достоверную информацию об условиях труда и требованиях охраны труда на рабочем месте;
- профессиональную подготовку, переподготовку и повышение своей квалификации в порядке, установленном настоящим Кодексом, иными федеральными законами;

— объединение, включая право на создание профессиональных союзов и вступление в них для защиты своих трудовых прав, свобод и законных интересов;

— участие в управлении организацией в предусмотренных настоящим Кодексом, иными федеральными законами и коллективным договором формах;

— ведение коллективных переговоров и заключение коллективных договоров и соглашений через своих представителей, а также на информацию о выполнении коллективного договора, соглашений;

— защиту своих трудовых прав, свобод и законных интересов всеми не запрещенными законом способами;

обязанности работника:

— добросовестно исполнять свои трудовые обязанности, возложенные на него трудовым договором;

— соблюдать правила внутреннего трудового распорядка;

— соблюдать трудовую дисциплину;

— выполнять установленные нормы труда;

— соблюдать требования по охране труда и обеспечению безопасности труда;

— бережно относиться к имуществу работодателя (в том числе к имуществу третьих лиц, находящемуся у работодателя, если работодатель несет ответственность за сохранность этого имущества) и других работников;

— незамедлительно сообщить работодателю либо непосредственному руководителю о возникновении ситуации, представляющей угрозу жизни и здоровью людей, сохранности имущества работодателя (в том числе имущества третьих лиц, находящегося у работодателя, если работодатель несет ответственность за сохранность этого имущества) и т. д. [3].

Также в действующем Трудовом кодексе Российской Федерации ст. 22 отражены основные права и обязанности работодателя. К ним можно отнести:

права работодателя:

— заключать, изменять и расторгать трудовые договоры с работниками в порядке и на условиях, которые установлены настоящим Кодексом, иными федеральными законами;

— вести коллективные переговоры и заключать коллективные договоры;

— поощрять работников за добросовестный эффективный труд;

— требовать от работников исполнения ими трудовых обязанностей и бережного отношения к имуществу работодателя (в том числе к имуществу третьих лиц, находящемуся у работодателя, если работодатель несет ответст-

венность за сохранность этого имущества) и других работников, соблюдения правил внутреннего трудового распорядка;

- привлекать работников к дисциплинарной и материальной ответственности в порядке, установленном настоящим Кодексом, иными федеральными законами;

- принимать локальные нормативные акты (за исключением работодателей — физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями); создавать объединения работодателей в целях представительства и защиты своих интересов и вступать в них.

обязанности работодателя:

- соблюдать трудовое законодательство и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права, локальные нормативные акты, условия коллективного договора, соглашений и трудовых договоров;

- предоставлять работникам работу, обусловленную трудовым договором;

- обеспечивать безопасность и условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда;

- обеспечивать работников оборудованием, инструментами, технической документацией и иными средствами, необходимыми для исполнения ими трудовых обязанностей;

- обеспечивать работникам равную оплату за труд равной ценности;

- выплачивать в полном размере причитающуюся работникам заработную плату в сроки, установленные в соответствии с настоящим Кодексом, коллективным договором, правилами внутреннего трудового распорядка, трудовыми договорами;

- вести коллективные переговоры, а также заключать коллективный договор в порядке, установленном настоящим Кодексом;

- предоставлять представителям работников полную и достоверную информацию, необходимую для заключения коллективного договора, соглашения и контроля за их выполнением;

- знакомить работников под роспись с принимаемыми локальными нормативными актами, непосредственно связанными с их трудовой деятельностью и т. д. [3].

Таким образом, трудовые отношения, это те отношения, которые «основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретного вида поручаемой работнику работы), подчинении

работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором» (ТК РФ ст.15) [3].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 12.04.2013).
2. Трудовое право как отрасль права. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.webarhimed.ru/page-590.html> (дата обращения: 12.04.2013).
3. Трудовой Кодекс РФ 2013–2012. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.trudkodeks.ru/> (дата обращения: 12.04.2013).

17. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Модель производства в суде присяжных по Уставу уголовного судопроизводства России 1864 года

Насонов Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Законодательство о суде присяжных в Российской империи, закрепляющее модель этого производства, в своем развитии прошло четыре этапа:

Первый этап охватывал временной интервал от 20 ноября 1864 года до 9 мая 1878 года. На этом этапе был принят и начал действовать Устав уголовного судопроизводства (далее — УУС), подсудность дел суду присяжных охватывала 410 составов преступлений.

Второй этап длился с 9 мая 1878 года по 7 июля 1889 года. Данный этап начался с принятия закона 9 мая 1878 г., изъявшего из подсудности суда присяжных заседателей преступления против должностных лиц (как реакция на оправдание В.Засулич) и завершился принятием закона от 7 июля 1889 года, также сократившего подсудность дел суду присяжных. Помимо дел о преступлениях «политического характера» из подсудности суда присяжных были изъяты дела о малозначительных преступлениях: мелких кражах со взломом, о нарушениях паспортного устава и др., составлявших 10–15% от всего объема дел, рассматриваемых судом присяжных (эти дела были переданы мировому судье). В итоге, после 1889 года суду присяжных остались подсудны 300 составов преступлений (т. е. 110 составов преступлений были изъяты из подсудности за указанный период).

Поскольку в судебной практике выявился ряд процессуальных недостатков, были приняты некоторые законы, направленные на их устранение и на усовершенствование производства в суде присяжных. Так, присяжным было разрешено требовать от суда изменений в формулировках, поставленных перед ними вопросов. Был введен ценз грамотности для присяжных заседателей, запрещены ночные заседания суда.

Произошло также ограничение права немотивированного отвода сторонами с 6—12-ти до 3-х кандидатов в присяжные (по УУС в редакции 1864 г. защита и обвинение могли отвести по шесть кандидатов в присяжные, но если прокурор не пользовался этим правом, то адвокат мог отвести до двенадцати человек).

Третий этап развития законодательства о суде присяжных в Российской империи охватывал временной отрезок с 7 июля 1889 г. по 4 марта 1917 г.

Законом от 3 июня 1894 года были упрощены процедуры принятия заседателями присяги, а также разъяснения им судом их прав, обязанностей и ответственности. Законом 2 марта 1910 года присяжные заседатели получили право знать, какое наказание или другие последствия их решения грозят подсудимому. В циркуляре министерства юстиции от 26 ноября 1903 г. за № 53021 председателям окружных судов было дано разъяснение, что присяжные заседатели, хотя это и не соответствует прямому смыслу закона, могут обращаться через суд к императору после вынесения приговора, но до его обращения к исполнению, с просьбой о помиловании осужденного.

Четвертый этап развития законодательства о российской модели производства в суде присяжных длился с 4 марта 1917 г. по 5 декабря 1917 г.

После прихода к власти Временного правительства развитие суда присяжных пошло по пути демократизации. В это время значительно была расширена компетенция суда присяжных. Так, 4 марта 1917 года указом Временного правительства упразднились установленные в законе особые суды, а именно: Верховный уголовный суд и особые присутствия Сената, судебных палат и окружных судов с участием сословных представителей.

В ведение присяжных заседателей были возвращены все категории дел, изъятые у них в период кризиса 1878—1889 гг.: против порядка управления, должностные преступления, против общественного благоустройства и благочиния и др. Более того, заседатели получили возможность разбирать государственные преступления, которые никогда в истории России не были им подсудны. Таким образом, подсудность суда присяжных в 1917 г. была **наиболее широкой** за все время существования суда присяжных в России.

Для избрания заседателей был отменен имущественный ценз, а также ряд других ограничений (например, национальных, религиозных и др.). Постановлениями Временного правительства от 6 и 28 мая 1917 года в России был создан военный суд присяжных — чрезвычайно редкое явление в мировой истории. Военный суд присяжных действовал не только в воинских частях в тылу, но и на фронтах Первой мировой войны, при определенных случаях его юрисдикция распространялась на гражданское население.

Модель производства в суде присяжных по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. Российской империи характеризовалась определенными особенностями, проявляющимися на каждом этапе судебного разбирательства: судебного следствия и прений сторон; напутственного слова председательствующего судьи; системы вопросов, которые ставились перед присяжными; вынесения вердикта присяжными заседателями.

Важнейшей особенностью судебного следствия в суде присяжных по УУС 1864 г. являлось оригинальное решение проблемы исследования с участием присяжных заседателей сведений, характеризующих личность подсудимого. Российский Устав уголовного судопроизводства в решении этой проблемы придерживался подхода континентальной модели присяжного судопроизводства. Так, составители УУС 1864 г. в тематическом комментарии к нему писали: «Судом всегда судится не отдельный поступок подсудимого, но вся его личность, насколько она проявилась в... противозаконном поступке» [9, с. 134].

Все обстоятельства, освещающие репутацию подсудимого, имели безусловное отношение к делу. Особое значение для собирания данных о таких обстоятельствах имело следственное действие — «дознание через оковых людей», которое, по словам Д. Г. Тальберга, являлось «осколком повального обыска» [6, с. 187]. В соответствии с Главой 8-ой Устава такое дознание производилось по желанию следователя или обвиняемого, если тот будет доказывать свою хорошую репутацию ссылками на местных жителей. Следователем составлялся список «домохозяев и старших в семействе лиц», живших в одном околотке с обвиняемым, стороны отводили негодных им лиц, а из оставшихся выбирали 12 человек, которых под присягой допрашивали «о занятиях, связях, образе жизни подсудимого, о его репутации вообще, безотносительно к совершенному преступлению» [6, с. 189].

Следует отметить, что известные российские юристы прошлого критиковали столь широкое исследование данных о личности подсудимого перед присяжными. К. К. Арсеньев, отрицая целесообразность такого подхода, писал: «Справедливо ли усложнять положение подсудимого без того уже сложное, бросая ему в лицо всю грязь, которую только можно отыскать в его прошлом?» [1, с. 74–75]. В. К. Случевский, соглашаясь с ним, утверждал, что «свойства характера подсудимого подлежат исследованию лишь настолько, насколько они проявились в совершённом преступлении» [3, с. 404]. В. Д. Спасович предлагал ограничить исследования данных о личности только теми данными, которые «защита решится раскрыть и анатомировать» [4, с. 45].

Итак, российская модель суда присяжных по УУС 1864 г. допускала установление и исследование обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, значительно уменьшая степень предубеждения, возникающего у присяжных, предоставлением защитнику равной возможности изложения перед присяжными положительных сведений о подсудимом.

Российская модель производства в суде присяжных, так же, как и континентальная, восприняла доктрину «соединенного процесса» и допускала совместное рассмотрение уголовного дела и связанного с ним гражданского иска.

Вместе с тем в отличие от континентальной модели обстоятельства гражданского иска составляли предмет второй части судебного следствия. Согласно ст. 743 УУС «в делах, рассматриваемых с участием присяжных... гражданский истец объяснения свои о причиненных ему убытках и доказательства, на которых основано требование его о вознаграждении, представляет по постановлении присяжными решения». Представляется, что это наиболее удачное решение проблемы доказывания гражданского иска в суде присяжных. Данная особенность предмета судебного следствия полностью соответствовала разделению компетенции коллегии присяжных и профессионального судьи, а с другой стороны, не лишало гражданского истца возможности защищать свои права в уголовном процессе.

Существенной особенностью судебного следствия по УУС 1864 г. являлась возможность изменения его пределов в зависимости от позиции сторон: признание подсудимым вины влекло сокращение судебного следствия.

Вместе с тем в отличие от англо-американской модели отказ обвинителя от обвинения не влек изменения пределов судебного следствия, что связано с особенностями реализации принципа состязательности.

Данное свойство наиболее отчетливо подчеркивает принадлежность российской модели производства в суде присяжных по УУС 1864 г. к так называемому смешанному (комбинированному) типу, сочетающему признаки как англо-американской, так и континентальной моделей. Российская модель представляла собой попытку гармонизировать и сочетать в суде присяжных состязательные и розыскные начала, избежав тем самым возникновения проблемных ситуаций, возникающих при абсолютизации одного из этих начал.

Этот подход отражался, в первую очередь, в структуре судебного следствия.

Так же, как и во Франции, оно начиналось с оглашения секретарем суда обвинительного акта, после чего председательствующим подсудимому задавался вопрос, признает ли он себя виновным. В случае признания им вины председа-

тель и присяжные переходили к его допросу, а в случае непризнания — к исследованию других доказательств.

Порядок исследования доказательств Уставом не регламентировался (за исключением порядка допроса подсудимого и свидетелей) и устанавливался председательствующим по его усмотрению, лишь с учетом мнения сторон.

Порядок допроса свидетелей, установленный в ст. 700 Устава, соответствовал англо-американской модели: сначала допрашивались «свидетели обвинения» (потерпевшие от преступления и лица, указанные обвинителем), а потом — «свидетели защиты» (лица, указанные подсудимым и защитником). В то же время, как и во Франции, председатель мог изменить этот порядок по своему усмотрению, так что говорить о возможности поочередного и равного воздействия сторон на присяжных можно только условно.

Подобная двойственность наблюдалась и в процедуре допроса свидетелей. С одной стороны, так же, как и в Англии, стороны были наделены равными правами производить прямой, перекрестный и «вторичный» допросы, однако Устав не устанавливал никаких различий в правилах производства этих допросов. И. Я. Фойницкий указывал, что в отличие от англо-американской модели «составители Уставов под перекрестным понимают всего лишь вторичный допрос свидетелей одной стороны другою» [7, с. 443]. Эта оценка является верной, поскольку Устав не предусматривал, а судебная практика исключала возможность использования сторонами процессуальных средств, составляющих содержание «классического» перекрестного допроса.

Так, решением по делу Рассудина (1874 г.) Сенат истолковал ст.ст. 721, 722 УУС как лишаящие стороны права задавать свидетелям вопросы об их личных качествах и событиях прежней жизни с целью подорвать значение их показаний, т. е. исключил возможность «вопросов о репутации» [9, с. 144]. Судебная практика признавала неуместным при допросе свидетеля «подсказывать ему ответ, убеждать или уговаривать его к определенному показанию» (дело Малышева, 1872 г.), что исключало возможность использования сторонами «наводящих вопросов», составляющих вместе с вопросами о репутации основные процессуальные средства перекрестного допроса [9, с. 144].

Процедура судебного допроса начиналась с предложения председательствующего свидетелю «рассказать все, что ему известно по делу», и только после этого к допросу допускались стороны (французский вариант). Вместе с тем в отличие от континентальной модели председательствующий мог участвовать в допросе свидетеля только после сторон (ст. 724 УУС) и только для уточнения «предмета показаний» свидетеля.

Согласно ст. 630 УУС в представлении и исследовании доказательств стороны находились в равном положении и могли достаточно активно защищать свои интересы перед присяжными. Отдельные же привилегии, предоставленные сторонам Уставом, взаимно компенсировали друг друга или были нейтрализованы Сенатом.

Так, статья 619 Устава предоставила прокурору право давать по всем спорным вопросам предварительное заключение. Сенат разъяснил это положение как обязанность прокурора давать заключения только о процессуальных вопросах, не касающихся существа дела, а если спор касается обстоятельств дела, то обвинитель действует не в качестве лица прокурорского надзора, а в качестве стороны, лишаясь тем самым всех особых прав. Поэтому давать заключения об оглашении документов, о противоречиях в показаниях свидетелей ему было запрещено [8, с. 548–549]. А защитнику и подсудимому статья 632 Устава предоставила право последнего слова, как по окончании судебного следствия, так и по исследовании каждого доказательства в процессе.

Наряду со сторонами активное участие в судебном следствии принимал председательствующий, который по своему усмотрению, независимо от позиции сторон был вправе: вызвать прежних экспертов или назначить новую экспертизу (ст. 690, 692 УУС); оглашать протоколы осмотров, освидетельствований (ст. 687 УУС); проводить новые осмотры (ст. 688 УУС); допрашивать свидетелей и подсудимого и т.п. Отказ от «чистой» состязательности в данном случае объяснялся тем, что «задача уголовного суда есть открытие в каждом деле безусловной истины... В стремлении к этой цели суд не может руководствоваться исключительно одними лишь желаниями сторон. Поэтому, если стороны не представили всех сведений... для основательного разрешения дела... суд обязан потребовать дополнительных сведений» [7, с. 445].

Вместе с тем председательствующий судья не обладал такой неограниченной властью, как президент французского суда, что позволяет говорить о большей реализации состязательных начал в судебном следствии российской модели.

Однако судью трудно было назвать «пассивным арбитром», поскольку в силу «публичного начала» отказ прокурора от обвинения, так же, как и во Франции, не имел обязательной силы для суда, который даже после этого был «обязан дать делу законный ход, то есть поставить вопросы о виновности подсудимого и разрешить их в законном порядке» [8, с. 178].

Оценивая процедуру судебного следствия в российском суде присяжных, можно сделать вывод, что соответствовала требованию познавательной доступности для присяжных заседателей.

Существенной гарантией правильного уяснения присяжными процессуальных положений судебного следствия, а также исследуемых доказательств служила ст. 637 УУС, согласно которой «присяжные заседатели могут во всяком положении дела просить председателя суда разъяснить им содержание прочитанных на суде документов, признаки, коими определяется в законе преступление... и вообще все для них непонятное».

Процедура российского судебного следствия в достаточной степени обеспечивала уяснение присяжными исследуемых обстоятельств дела. В какой-то степени этому способствовали (так же, как и в континентальной модели) отказ от «чистой» состязательности и возложение на суд задачи поиска истины. Так, «свободный рассказ» свидетеля перед допросом его сторонами, конечно, представлял собой отступление от состязательных начал, но в решении по делу Васильева Сенат указал, что введение «свободного рассказа» свидетеля перед допросом его сторонами вызвано желанием обеспечить «ясное уразумение» его показаний присяжными и не допустить введения их в заблуждение ответами свидетеля на вопросы, которые могут пробрести «сомнительную сбивчивость» [8, с. 216].

Вместе с тем достаточно состязательный порядок судебного следствия позволял присяжным рассмотреть факты дела с разных позиций, устранить противоречия между доказательствами.

Так же, как и в рассмотренных выше моделях, российские присяжные могли задавать допрашиваемому свидетелю вопросы, если «ответами на вопросы сторон предмет показания не вполне объяснен» (ст. 724 УУС).

Помимо этого присяжные имели «равное с судьями право» на осмотр следов преступления, вещественных доказательств (ст. 672 УУС), право просить огласить протоколы осмотров, освидетельствований, обысков, выемок (ст. 687 УУС), просить назначить новое освидетельствование или испытание через сведущих людей (экспертизу) (ст. 692 УУС), допрашивать экспертов (ст. 695 УУС).

Широкие права на участие в исследовании доказательств, часть из которых (участие в допросах) осуществлялась через председательствующего, объективно содействовали большей доступности доказательственного материала для присяжных.

Поскольку Устав в ст. 681 устанавливал на случай признания подсудимым своей вины возможность сокращенного судебного следствия, при-

сяжные могли испытывать затруднения в вынесении вердикта вследствие малого количества исследованных доказательств. Этот недостаток блестяще устранила ст. 682 Устава, которая дала право присяжным потребовать исследования любых доказательств в случае признания подсудимым своей вины.

В случае возникновения затруднений с выяснением обстоятельств дела в совещательной комнате присяжные могли потребовать от председателя объяснений или исследования каких-либо обстоятельств дела (ст. 805 УУС), но письменные материалы в совещательную комнату не передавались.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что Устав уголовного судопроизводства и судебная практика достаточно обеспечивали познавательную доступность судебного следствия для присяжных, в полной мере учитывая сущностные признаки этой формы судопроизводства.

Подобно континентальной модели судебного следствия, УУСП не устанавливает каких-либо особых процедур исследования отдельных доказательств дела в первой части этого этапа судебного разбирательства.

Все правовые вопросы, возникавшие в ходе судебного следствия, но не входившие в компетенцию присяжных, решались без удаления присяжных из зала судебного заседания. Руководствуясь ст. 673 УУСП, судьи, при наличии соответствующей просьбы присяжных, разъясняли им существо исследуемых правовых вопросов.

Устав Уголовного Судопроизводства 1864 г. содержал главу девятую «О порядке постановления и объявления приговоров». Эта глава довольно подробно регламентировала процедуру постановки вопросов и закрепляла виды вопросов, которые могут быть или должны быть поставлены перед коллегией присяжных заседателей.

В соответствии со ст. 751 УУС основанием вопросов по существу дела должны были служить не только выводы обвинительного акта, но также судебное следствие и заключительные прения, в чем они развивали, дополняли или изменяли эти выводы. Обстоятельства же и соображения, изложенные только в заключительных прениях и не подкрепленные никакими доводами, почерпнутыми из судебного следствия, не могли рассматриваться в качестве обоснования требования стороны о постановке вопроса, не согласного с обвинительным актом.

Обвинительный акт признавался главным основанием для вопросов не только из-за состязательного характера процесса, но и потому, что обвинительный акт был рассмотрен и утвержден высшей судебной инстанцией — ка-

мерой предания суду. Он служил основой и в случаях отказа прокурора от обвинения или признания подсудимым своей вины.

Присяжные заседатели должны были ответить на главный вопрос о том, виновен подсудимый или нет в предъявленном ему на предварительном следствии и поддерживаемом государственным обвинителем в заключительных прениях обвинении, а затем им могли предлагаться вопросы условные (альтернативные) и частные (дополнительные).

Основной вопрос, который должен быть поставлен и разрешен присяжными — вопрос о виновности подсудимого в деянии, по обвинению, в котором он предан суду.

Кроме главного вопроса о виновности подсудимого присяжным заседателям могли быть поставлены дополнительные или частные вопросы, которые позволяли установитьотягчающим или смягчающим вину обстоятельствам, степень приведения «злого умысла» в исполнение, о степени участия в преступлении других лиц, проходящих по делу.

УУС не требовал в обязательном порядке ставить об обстоятельствах, уменьшающих или увеличивающих вину подсудимого, отдельные вопросы; ст. 755 только запрещала суду самостоятельно разрешать вопросы о существовании таких обстоятельств. Поэтому включение их в главный вопрос о событии преступления и виновности подсудимого не являлось поводом к отмене приговора, тем более что присяжные заседатели, в случае не признания ими какого-либо из обстоятельств, включенных в вопрос, могли оговорить это в своем ответе в соответствии со ст. 812 УУС.

Вручая вопросный лист старшине присяжных, председательствующий был обязан произнести напутственную речь для присяжных. Эта речь являлась важным элементом судебного процесса с участием присяжных заседателей. Содержание напутственной речи председателя предусмотрено статьями 801—804 Устава уголовного судопроизводства.

И. Я. Фойницкий выделял в напутственном слове председательствующего фактическую и юридическую части [7, с. 462].

Фактическая часть напутственного слова представляла собой изложение существенных обстоятельств дела. Составители Судебных Уставов придавали этой части напутственного слова председательствующего немалое значение: «В прениях сторон, всегда более или менее односторонних, нередко встречаются и неточное изложение обстоятельств дела, и неправильное определение их законного значения. Речь председателя должна восстановить обстоятельства дела в истинном их виде и значении» [6, с. 462].

С фактической стороны председатель должен был исходить из данных, которые добыты судебным следствием и прениями сторон. Вместе с тем никаких иных законодательных ограничений (или, наоборот, требований), связанных с объемом фактической стороны напутственного слова в УУСП не предусматривалось. По этой причине только от председательствующего зависело «произнести речь подробную, охватывающую все проверенные судебным исследованием данные, или же ограничиться некоторыми из них» [7, с. 463]. Логическим следствием такого правила стало то, что «вопрос об объеме резюме, полноте или неполноте его, не подлежит кассационной проверке» [7, с. 463]. В определении № 89 от 30 января 1870 г. по делу Шумейко Сенат, оставляя без удовлетворения кассационную жалобу осужденного, указал, что «рассмотрению его не может подлежать речь председательствующего, в чем она относится до существа дела» [2, с. 96–99].

Единственное требование, касающееся формы изложения председательствующим фактической стороны напутствия, состояло в запрете обнаруживать собственное мнения о вине или невиновности подсудимого (ст. 802 УУС). Это положение вызывало резкую критику в процессуальной литературе и нередко не соблюдалось на практике.

И. Я. Фойницкий, критикуя это положение закона, подчеркивал, что «... председатель имеет право и обязан руководствоваться своим убеждением и ... **не в силах** отрешиться от него; его мнение будет **непременно** высказано; запрещение высказывать его прямо может заставить председателя оставлять многое недосказанным или высказывать свои мысли намеками и столь неясно, что у присяжных заседателей может сложиться совершенно превратное их понимание» Поэтому он предлагал устранить этот законодательный запрет и «относиться с большим доверием к присяжным заседателям, которые относятся самостоятельно к мнению председателя» [7, с. 464].

Судья окружного суда Н. А. Терновский писал: «Положение Председателя напоминает положение историка. Всякое историческое сочинение субъективно, ибо не тот историк, кто нанизывает факты один на другой, а тот, кто умеет показать их внутреннюю связь, которая покоится на личных субъективных выводах. Требовать от историка объективности — значит не понимать сущности человеческого познания». Отсюда автор делал вывод, что «воспрещение выражать свое мнение не есть безусловное. Нужно только, чтобы это мнение не имело характера пристрастия, односторонности, увлечения и страсти» [5, с. 194].

Вторая часть напутственного слова председательствующего, называемая «правовая часть резюме» состояла из нескольких разделов. Прежде

всего, председательствующий должен разъяснить присяжным «законы, относящиеся к определению свойств рассматриваемого преступления или проступка». К этим законам, помимо уголовного закона, могли быть отнесены любые другие законы, так или иначе, затронутые в уголовном деле (например, нормы гражданского или семейного законодательства).

При этом на председательствующего возлагалась обязанность «восстановить истинный разум закона», неточно истолкованного сторонами.

Разъясняя сущность законов, определяющих свойства рассматриваемого дела, председательствующий должен был указать присяжным на существенные элементы и признаки совершенного обвиняемым преступления, а также на обстоятельства, которые отягчают или смягчают степень его виновности. Однако это должно быть сделано не в порядке непреложных положений, а в порядке советов, в смысле предостережения от увлечения в сторону обвинения или оправдания подсудимого (ст. 803 УУС).

Некоторое время после введения Судебных Уставов судебная практика исходила из того, что председательствующий судья не вправе в напутственном слове сообщать присяжным о возможном наказании, грозящем подсудимому, в случае, если он будет признан присяжными виновным. Такая позиция была основана на том, что «присяжные, считая наказание чересчур строгим, из желания смягчить участь подсудимого, будут выносить решения, расходящиеся с результатами судебного исследования» [7, с. 464].

Однако, в конечном итоге, от этой подхода отказались, поскольку практика выявила закономерный феномен: не получив от председательствующего доступ к информации, значимой для понимания того деяния, в котором обвиняется подсудимый, присяжные черпали эти сведения из иных источников, нередко из «оговорок» сторон, содержащих искаженные сведения.

Оправдывая такое изменение судебной практики, И. Я. Фойницкий подчеркивал, что утаивание от присяжных информации, значимой для вынесения ими вердикта, подрывает авторитет этой формы участия народа в отправлении правосудия, лишает присяжных права «изменять законы», противоречащие «правовым воззрениям народа» [7, с. 464].

К «правовой части» напутственного слова председательствующего относились также разъяснения присяжным «общих юридических оснований, служащих к суждению о силе доказательств, приведенных в пользу и против подсудимого». Закон требовал от председательствующего разъяснять эти «основания» не в виде «непреложных положений», а в виде советов, предостережения присяжным от всякого увлечения к обвинению или оправданию подсудимого.

Далее, председательствующий разъяснял присяжным заседателям их права и обязанности при вынесении вердикта и порядок совещания.

Особое внимание председательствующие уделяли разъяснению присяжным их права признать подсудимого заслуживающим снисхождения, в случае вынесения обвинительного вердикта. Реализация этого права присяжными связывалась в напутственных словах того времени с необходимостью оценки «судьями факта» данных о личности подсудимого.

Заканчивалась напутственная речь председательствующего напоминанием присяжным, что они должны определить вину подсудимого по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности всех обстоятельств дела.

Судебная практика рассматривала неправильность или необъективность напутственного слова председательствующего как кассационное основание к отмене приговора. Вместе с тем, обязательным условием установления этих нарушений со стороны председательствующего было заявление сторонами возражений на напутствие и занесение этих возражений в протокол судебного заседания.

В решении № 38 за 1870 г. Сенат, оценивая довод кассационной жалобы защиты, состоящий в том, что председательствующий в напутственном слове не напомнил присяжным, что они должны определять вину или невиновность подсудимого по своему внутреннему убеждению, отмечал: «Нарушение ст. 804 должно быть удостоверено протоколом... без чего нельзя сделать проверку при рассмотрении дела в кассационном порядке... От подсудимых зависело, если они признавали нужным и в деле их особенно важным, обратиться внимание и заявить Суду в свое время о замеченном упущении» [2, с. 32–33].

Возражения на напутственное слово заявлялись в отсутствие присяжных, в присутствии присяжных заседателей не допускалось прерывать председательствующего или просить его дополнить (изменить) напутственную речь. Только присяжные заседатели могли просить председательствующего разъяснить им какие-либо аспекты резюме. Таким образом, возражения на напутственное слово заявлялись сторонами не столько для присяжных заседателей, сколько «для протокола» и суда кассационной инстанции.

Российская модель производства в суде присяжных по УУС 1864 года восприняла такой же подход к обязательности вердикта присяжных заседателей, как в англо-американской и континентальной моделях такого производства.

Оправдательный вердикт присяжных был обязателен для суда, который в этом случае постановлял оправдательный приговор.

Обвинительный вердикт в отдельных случаях не влек постановление обвинительного приговора. Если суд приходил к убеждению, что вердикт присяжных не основан на материалах дела и присяжные осудили невиновного, то суд передавал дело на рассмотрение нового суда присяжных, решение которого, во всяком случае, являлось окончательным (ст. 818 УУС) Таким образом, несогласие профессиональной коллегии судей с вердиктом присяжных заседателей могло быть лишь однократным по одному и тому же уголовному делу.

Кроме того, сторона защиты не лишалась оспаривать юридические последствия обвинительного вердикта. Согласно ст. 823 УУС подсудимый и его защитник «не вправе отвергать достоверность действий, признанных присяжными заседателями, но могут только доказывать, что эти действия не запрещены законом или что закон не может иметь применения за давностью, милостивым манифестом или другими причинами...».

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что модель производства в суде присяжных по Уставу уголовного судопроизводства России 1864 г., характеризовалась оригинальным способом закрепления особенностей процедуры и достаточно эффективным подходом к разрешению возникающих проблемных ситуаций. Анализ особенностей этой модели важен для поиска путей оптимизации производства в современном российском суде присяжных.

Литература:

1. Арсеньев К.К. Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала судебного следствия. СПб., 1870.
2. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1913.
3. Спасович В.Д. За много лет. СПб., 1872.
4. Терновский Н.А. Юридические основания к суждению о силе доказательств и мысли из речей председательствующего по уголовным делам. Пособие для юристов-практиков и присяжных заседателей. Тула, 1901.
5. Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство. Т. 2. Киев, 1891.
6. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб.: Наука, 1996. Т. 2.
7. Чебышев-Дмитриев А.П. Русское уголовное судопроизводство по судебным уставам 20 ноября 1864 года. СПб.: Воен. тип., 1875.

8. Щегловитов С.Г. Судебные Уставы императора Александра Второго с законодательными мотивами и разъяснениями: Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1887.
9. Решения уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1870 год. Екатеринослав. 1910.

Проблемы, возникающие при обеспечении безопасности потерпевших и свидетелей в уголовном процессе, рекомендации и пути решения

Плахотнюк Юлия Ивановна, аспирант

Байкальский государственный университет экономики и права (г. Иркутск)

В статье рассматриваются проблемы практического применения в современных условиях конкретных мер государственной защиты. Говорится о процессуальных гарантиях безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: меры государственной защиты, свидетель, потерпевший.

Свидетель, как очевидец преступления незаменим в уголовном судопроизводстве, и это положение необходимо интерпретировать не только как незаменимость конкретной персоны, воспринимавшей криминальное событие, но и как незаменимость для процесса (вообще) такого ценного источника доказательств, как показания свидетеля. Заявления, звучащие в начале века о том, что в век науки и техники свидетели будут вытеснены вещественными доказательствами и экспертизами, не оправдали себя. Свидетельские показания лидируют в числе прочих источников информации.

Государство стремится обеспечить выявление всех лиц, располагающих необходимой информацией, поскольку свидетельские показания представляют особую публичную значимость. Выявление свидетелей рассматривается одним из наиболее важных направлений оперативно-розыскной деятельности. Для потенциальных свидетелей это означает, что при надлежащей постановке работы оперативных аппаратов обладатели информации о криминальном со-

бытии, не пожелавшие известить об этом компетентные органы, в большинстве случаев могут быть выявлены. Вполне вероятно, что среди них могут оказаться и свидетели, скрывающие свою информированность по причине возможного давления со стороны лиц, не заинтересованных в успехе объективного расследования.

Свидетельствование по отдельным категориям уголовных дел уже предполагает возможность преступного воздействия на личность свидетеля. Так, организованная преступность проявляет организованность во всем, в том числе и в обработке свидетелей. Поэтому в проекте Закона «О борьбе с организованной преступностью» заложены две статьи, предусматривающие особый порядок представления сведений о свидетелях и особенности их допроса.

Содержание данных статей говорит о том, что свидетельствование по данной категории уголовных дел должно состояться в любом случае, в том числе и тогда, когда на карту поставлена жизнь свидетеля. Законодательство считает, что свидетельская информация для него бесценна. Изучая многие законопроекты предусматривающие процедуру охраны свидетеля можно отметить, что государство не столько проявляет заботу о благополучии свидетеля, сколько стремится заполучить свидетельскую информацию. И не столь важно, что для этого свидетелю нужно будет покинуть «насиженное место», изменить внешность, расстаться с любимой работой. Главное, чтобы необходимая информация была получена. Личность же дающего показания занимает второстепенное место.

Правоохранительный орган, выполняет роль гаранта безопасности и должен иметь репутацию стопроцентной надежности. Проблема заключается в том, что правоохранительные органы, убеждая свидетеля в том, что ему ничто не угрожает, сами понимают, что они не могут обеспечить защитой на том уровне, на котором дают данное обещание.

Интересные социологические факты на этот счет приводятся в докладе Уполномоченного по правам человека в РФ за 2007 год от 12 февраля 2008 год и специальном докладе «Проблемы защиты потерпевших от преступлений» от 27 мая 2008 года. В частности, около 60 % лиц, пострадавших от разного рода преступлений предпочитают не обращаться в правоохранительные органы, будучи уверены в том, что защиты от них не получают. Четвертая часть потерпевших, по тем или иным причинам отказалась от своих показаний в ходе судебного разбирательства, примерно столько же явилась в суд вообще. Не менее 95 % судей, сотрудников правоохранительных органов и адвокатов сталкивались с изменением показаний потерпевших. Почти 90 % опрошенных

потерпевших готовы изменять показания в случае появления угрозы жизни или здоровью, а равно жизни или здоровью их близких. Около половины лиц, признанных потерпевших, воздержались от предъявления гражданского иска о возмещении причиненного вреда. В этих докладах также указывается, что неверие потерпевших в эффективность и справедливость правосудия в его способность защищать их права и изобличить преступников и обеспечить их безопасность — признак неблагополучия в этом важном аспекте правосудия. Только 0,2% опрошенных практических работников сочли достаточно эффективными меры безопасности, предусмотренные УПК РФ для участников судопроизводства [3].

Причина такой статистики в том, что необходимость и ценность свидетельских показаний в уголовном судопроизводстве закрывает собой моральные установки и жизненные принципы. Хотя, с нравственной точки зрения, было бы более гуманным отказаться от услуг свидетеля, жизнь которого подвергается опасности, и нет необходимых условий для его всесторонней защиты.

К счастью, с недавних пор наметилось некоторое нравственное оздоровление в этой области. В первую очередь, это связано с законодательным закреплением свидетельских привилегий отдельных субъектов. Об этих привилегиях говорить в статье 51 Конституции РФ: «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом» [1].

В отечественном законодательстве эти случаи, как правило, сводятся к установлению свидетельских привилегий для представителей отдельных профессий. Наличие угрозы жизни свидетеля, как уже отмечалось, не является поводом освобождения его от дачи свидетельских показаний.

Формулировка ч. 2 ст. 51 Конституции имеет в виду установление в законодательстве тех ситуаций, в которых потенциальный свидетель может отказаться от дачи показаний. Таким образом, фактором, освобождающим от «свидетельской повинности», будет рассматриваться норма закона [1].

С другой стороны, согласно УПК РФ в качестве свидетеля может быть вызвано любое лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению по данному делу. Эту норму вполне можно рассматривать как правомочие следователя по установлению конкретного круга свидетелей. Вместе с тем это полномочие, думается, не предусматривает возможности исключения из числа свидетелей лиц, располагающих относимыми к делу сведениями и не наделенными свидетельскими привилегиями или иммунитетом.

И статья 21 УПК РФ, раскрывающая содержание уголовного преследования, обязывает следователя принять все предусмотренные законом меры и, стало быть, допросить всех известных свидетелей. Отказ от допроса некоторых из них может рассматриваться как нарушение прав других участников процесса, например потерпевшего, гражданского истца [2].

При анализе работы системы государственной защиты в городе Усть-Илимске Иркутской области так же выявлено несколько проблем, которые становятся причиной неэффективности работы, по осуществлению безопасности свидетелей. В первую очередь, хотелось бы отметить, что меры государственной защиты к участникам уголовного процесса, в том числе и к свидетелям, применяются крайне редко. Возможно, это вызвано недостаточным финансовым и техническим обеспечением. Так, в соответствии с Государственной программой «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009—2013 годы» российские суды и органы, осуществляющие государственную защиту участникам уголовного процесса, должны быть оснащены мобильными комплексами для защиты свидетелей. Данный комплекс состоит из двух подсистем, одна из которых устанавливается в изолированном помещении по месту нахождения свидетеля, другая — в зале судебных заседаний. В каждой подсистеме — компьютер с веб-камерой, микрофон и пульт управления. Свидетель через монитор компьютера слышит и видит все, что происходит в зале заседания, но его самого видит только судья, остальные участники процесса слышат измененный голос. Аппаратная система искажения речи работает в режиме реального времени, при этом разборчивость и смысл слов не теряются. Однако пока суды, оборудованные подобными системами, — большая редкость. К примеру, первые 3 комплекта мобильного комплекса защиты свидетеля Судебный департамент при ВС РФ только в начале 2011 г. в порядке эксперимента направил в Управление Судебного департамента по Костромской области.

Меры безопасности, закрепленные в УПК РФ и Федеральном законе № 119 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» на практике применяются не так часто, как этого требуют жизненные обстоятельства. Дело в том, что пробелы в законодательном регулировании этого аспекта являются основной проблемой в применении указанных мер. В вышеуказанных Законах имеется ряд противоречий оказывающих большое влияние на применения мер государственной безопасности на практике.

В первую очередь, стоит обсудить процессуальное положение потерпевшего на этапе возбуждения уголовного дела. Проблема заключается в том, что согласно действующему уголовно-процессуальному праву, такой участник уголовного судопроизводства как потерпевший может появиться лишь после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и затем — постановления о признании потерпевшим. Однако, такого понятия, как «потерпевший в стадии возбуждения уголовного дела» — юридическая фикция, которая может привести к ряду проблем применения норм УПК РФ и Федерального закона № 119 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». В связи с этим следует законодательно рассмотреть положение потерпевшего на этапе возбуждения уголовного дела.

Важный аспект касается разъяснения свидетелям и потерпевшим о его праве на государственную защиту. Возможно, что при подаче заявления потерпевший должен указывать не только то, что он предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, но что ему известно и разъяснено его право о возможной защите со стороны государства. Помимо этого разъяснения прав должно выполняться должным образом, сотрудникам правоохранительных органов необходимо давать пояснения каким образом и при каких условиях имеется возможность использования мер государственной защиты..

Необходимо в УПК РФ ввести дополнения о возможности использования лиц, подвергающихся посткриминальному влиянию, псевдонима при подачи заявления о преступлении, заявления гражданского иска, участия в прениях сторон, обжалования решений суда. Следует в законе обозначить право потерпевшего при подачи апелляционной или кассационной жалобы не разглашать его данные другим участникам процесса. Так же необходимо ввести в российский УПК статьи, регламентирующие использование видеозаписи показаний защищаемых граждан и воспроизведение ее в стадии судебного разбирательства без вызова в суд самих защищаемых, видеотрансляции для допросов в суде лиц, находящихся вне зала судебного заседания. В Федеральном законе № 119 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» имеются такие меры защиты, как переселение на другое место жительства, изменение места работы (службы) или учебы. Однако не в трудовом, не в жилищном кодексе Российской Федерации не внесены соответствующие поправки, которые бы регулировали и конкретизировали данные меры безопасности участников уголовного судопроизводства.

Наряду с развитием новейших технологий некоторые статьи УПК Российской Федерации так же требуют постоянных обновлений. Возможно, развитие и изготовление специальной техники и аппаратуры для работы с лицами, требующих государственной защиты улучшит и усилит возможность и реализацию их защиты.

Подводя итоги, можно отметить, что проблем, касающихся института свидетельствования, множество. И конечно не следует забывать о том, что чем больше реальных гарантий дают правоохранительные органы, тем больше граждане идут на сотрудничество с правосудием. В этой связи немаловажное значение имеет повышение доверия участника уголовного судопроизводства к системе уголовного правосудия.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года. — М.: 2012—31 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/family/> (дата обращения 17.04.2013).
2. Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/family/> (дата обращения: 16.04.2013).
3. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Проблемы защиты потерпевших от преступлений» от 27 мая 2008 года. — М.: 2012—13 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/family/> (дата обращения 14.04.2013).

О сходстве правовых характеристик результатов оперативно-розыскной деятельности и получения доказательств в уголовном процессе

Середнев Владимир Анатольевич, аспирант

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

*Факты не существуют — есть только интерпретации.
Фридрих Ницше*

Исследуя проблему использования результатов оперативно-розыскной деятельности (далее ОРД) в доказывании в уголовном процессе в качестве доказательств, необходимо констатировать:

Во-первых, содержанием ОРД является информация, которая добавляет знания о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление, скрывающихся от органов предварительного расследования и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, а также о событиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности. Данный правовой элемент характеристики ОРД, указывает на признак «*относимости ОРД*».

Во-вторых, результаты ОРД отражаются в оперативно-служебных документах (рапортах, справках, сводках, справках-меморандумах, отчетах и т. п.). К оперативно-служебным документам могут прилагаться предметы, документы, полученные при проведении ОРМ, способами определенным ФЗ об ОРД. В данном случае, можно говорить, что у результатов ОРД существует *форма закрепления информации*.

В-третьих, оперативно-розыскная информация должна быть получена, посредством действий указанных в законе об ОРД и ведомственных нормативных актах. Соответственно в этом случае можно говорить о признаке «*допустимости ОРД*» ст. 6 ФЗ.

В-четвертых, говоря о таком правовом требовании доказательства, как достоверность, необходимо заметить, что оперативно-розыскная информация, так же как и уголовно процессуальная имеет субъективную природу. Поэтому в данной связи, нужно рассмотреть такой феномен интерпретации действительности, как *факт*. Ибо главным критерием при использовании резуль-

татов ОРД в доказывании выступает достоверность полученной информации. *Если информация недостоверна, то бессмысленно думать о других условиях допустимости доказательств* [1].

Хочется заострить внимание, что мировоззренческой ошибкой всей философии изучающей познание в уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, было то, что установление известности источника информации служит гарантией ее достоверности. На самом деле известность источника информации не гарантирует ее достоверность. Поэтому нужно проверять не источник информации, а исследовать саму информацию, критически осуществлять проверку самих утверждаемых фактов, проводить следственные действия с целью получения новых доказательств с последующим сравнением их между собой, проводить сравнение с иной имеющейся оперативной информацией [2]. Действительно, представьте себе тривиальную ситуацию, например допроса свидетеля; разве то обстоятельство, что источник доказательства нам известен, дает нам судить о достоверности получаемой информации? Ответ в данной ситуации один-нет. «Даже если ее источник самый что ни есть процессуальный, информация должна пройти стадию адаптации в доказательство, т. е. по установленной законом процедуре быть проверенной на относимость, допустимость, достоверность и непротиворечивость другим собранным доказательствам» [3, с. 37].

Исследуя понятия факта в канве достоверности информации следует сказать, что существует в процессуальной литературе два основных подхода к понятию факта. Ряд ученых, рассматривают факт, как достоверные сведения о реальном событии [4, с. 372]. Думается данный подход имеет дуалистическую природу, некое равенство между идеальным и материальным пониманием факта. Поскольку сторонники данной позиции *признают факт, как знание, в которое поверили* участники уголовного процесса, в частности — суд.

Нам же думается, что факт следует рассматривать как явление объективной действительности, с тем событием, которое действительно имело место в прошлом, как результат и форма существования эмпирического знания. А событие преступление это и есть событие прошлого. Достоверность любого, например свидетельского показания относительна и условна, поскольку сведения, содержащиеся в показаниях свидетеля имеют субъективную природу, т. е. являются частным знанием. «Показания свидетеля является впечатлением только одного ума, а не фактом самим по себе, который может представлять себя во многих умах во многих аспектах» [8, с. 143]. Действительно, человек может располагать лишь знаниями о прошлом событии. Убедительные

обоснования этому приведены В. Я. Дороховым. Исходя из того, что сущность доказательства в уголовном процессе может быть объяснена только на основе теории познания диалектического материализма, он, верно, пишет, что «доказательствами в уголовном процессе нельзя называть ни факты, входящие в предмет доказывания, ни иные факты. В мышлении человека существуют, взаимодействуют, движутся не вещи, не предметы, а их образы, понятия, сведения о них» [5, с. 108—117]. Сами по себе факты не могут быть процессуальными доказательствами, поскольку они, будучи явлениями объективной реальности, существуют независимо от нашего сознания. Факт не требует, чтобы его доказывали. Лицо, познающее тот либо иной факт, явление, располагает лишь сведениями о них, которые могут быть истинными и ложными, правильными или искаженными. В подтверждении того, что факт, есть интерпретации действительности, уместно высказывание профессора М. К. Мамардашвили, который указывал: «Событие происходит тогда, когда я — субъект — присутствую; каждый раз необходимо воссоздавать, переинтерпретировать это событие вновь и вновь; «истинным может быть лишь то, что требует интерпретации, возникает на ее основе... истиной нельзя обладать, она должна воссоздаваться в каждой точке и по всем частям. И это воссоздание называется интерпретация»» [6, с. 387—388]. Поэтому со всей ответственностью можно заявить о том, что достоверность, как в уголовном процессе, так и в ОРД является интерпретацией.

Думается, что как доказательства, так и результаты оперативно-розыскной деятельности должны быть сведениями, которые являются средствами установления обстоятельств входящих в предмет доказывания. Данные обстоятельства указаны в ст. 73 УПК РФ.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что, что правовая характеристика результатов ОРД, вполне сходна аналогичной характеристики уголовно-процессуальных доказательств, так как результаты ОРД относятся к преступлению, получены законным путем и закреплены в установленной законом форме. Все это, пусть и косвенно, но подтверждает необходимость тесного сближения уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности. Тем более, нужно отметить, что при попадании в уголовный процесс оперативно-розыскная информация не может меняться, думается, что в случае ее применения в процессе доказывания и в том числе в качестве доказательств, в подавляющем большинстве случаев она не изменяет своего содержания. Ни какая манипуляция с имеющейся информацией, ни когда не принесет новых знаний. И говорить о том, что уголовно-процессуальная форма делает каким-

то особенным и более достоверным содержание информации о преступлении, вряд ли верно.

Думается, что результаты ОРД пригодны для прямого использования в уголовном процессе в качестве доказательств, хотя бы уже потому, их правовая характеристика вполне созвучна аналогичной характеристике уголовно-процессуальных доказательств. В этой связи необходимо заметить: «В рамках оперативно-розыскной деятельности действуют достаточно строгие правила оценки информации, опирающиеся на критерии относимости и допустимости, что в значительной степени позволяет говорить о достоверности информации, производимым по оперативно-розыскным технологиям» [7, с. 220].

Литература:

1. См., напр.: Середнев В.А. Проблемы допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве. Мир науки, культуры, образования: Международный научный журнал № 3 (34) //ООО «РМНКО» — Горно-Алтайск, 2012.
2. См., напр.: Середнев В.А. Теоретические проблемы взаимосвязи оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 2 (24).
3. Середнев В.А. Некоторые вопросы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств в уголовном процессе// Журнал «Оперативник (сыщик)» — общероссийское периодическое вневедомственное научно-практическое издание № 2 (35), 2013. — с. 37.
4. См., например: Уголовный процесс. Проблемные лекции// под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М.: Издательство Юрайт, 2013. — с. 372.
5. Дорохов В.Я. О понятии доказательства в советском уголовном процессе//Советское государство и право. — 1964. — № 9. — С. 108—117.
6. Мамардашвили М.К. Лекция о Прусте (Психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995. С. 387—388.
7. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: монография. Под науч. ред. В.Т. Томина. — Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. — С. 220.
8. Wellman Francis L. The art of Cross-examination. 4-th edition, revised and enlarged. N.J.: The Macmillan Company, 1946. P. 143.

Сравнительная характеристика процессуальных средств обеспечения объективности судей и присяжных заседателей

Стрелкова Юлия Владимировна, студент

Научный руководитель Насонов Сергей Александрович,

кандидат юридических наук, доцент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Нынешний Уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность рассмотрения отдельных составов УК РФ двумя принципиально разными категориями судей: профессионалами и прошедшими отбор представителями общества, далекими от сферы юриспруденции. Данное положение ставит указанных лиц на один уровень при оценке фактических обстоятельств, предоставляя обвиняемому право выбора между двумя совершенно разными формами суда. Несомненно, целью осуществления правосудия в каждом конкретном случае является принятие справедливого решения по делу. Так в чем же состоит специфика обеспечения справедливости в каждой из этих форм?

Профессиональный судья при исполнении своих обязанностей руководствуется рядом норм процессуального законодательства и Кодексом Судейской этики, таким образом, в отношении него действует комплекс положений закона, обеспечивающий его беспристрастность с позиций самоконтроля. Одновременно с этим существуют и нормы, защищающие его от постороннего воздействия и выполняющие превентивную функцию в отношении лиц, которые могут оказать данное воздействие, а так же возможность заявления отвода судье и подачи жалобы в Квалификационную коллегию в случае нарушения норм Кодекса судейской этики. Однако, не смотря на все эти меры, в науке уголовного процесса с российскими судьями прочно связывается понятие обвинительного уклона [6, с. 136—137].

Наличие проблемы обвинительного уклона подтверждается статистически и его сущность и предпосылки возникновения являются предметом отдельных исследований [1]. Возникновение этого явления в нашей стране обусловлено исторически, так, например, А. Трошев связывает его с «советским наследием», а именно отсутствием полной трансформации судебной власти в отдельную ветвь, в ходе чего на практике судьи остались частью правоохранительной системы государства [1, с. 19—21]. Важную роль имеет и позиция СМИ, которые зачастую склонны распространять информацию о взяточни-

честве среди судей, выносящих оправдательные приговоры. Такая позиция, являясь по сути отражением болезни общества, видящего в оправдательном приговоре подкуп судьи, вынуждает последнего опасаться оправдания подсудимого.

Суд присяжных, а именно принятая в нашей стране англо-саксонская модель этого суда, является надежной гарантией защиты подсудимого от возможных проявлений обвинительного уклона. Суть этой гарантии сводится к следующему: при рассмотрении дела в суде первой инстанции происходит всестороннее исследование доказательств, на основании которого формируется убежденность суда относительно обстоятельств дела. Именно анализируя доказательства суд должен прийти к тем выводам, которые впоследствии будут мотивированно изложены в приговоре или содержаться в виде ответов на поставленные вопросы в вердикте. Но изначально, до начала процесса восприятия информации по делу, у суда не должно быть какой-то собственной позиции по нему, он должен являться абсолютно беспристрастным арбитром, не склоняющимся к позиции какой-либо из сторон. При качественном проведении процедуры отбора коллегии, если достигнута цель ее проведения (отобранная коллегия является легитимной), наличие предубеждения у присяжных отсутствует. У судьи, как представителя профессионального сообщества, риск наличия предубеждения намного выше, чем у человека, который выполняет обязанности судьи не на постоянной основе и действительно независим от СМИ и политической сферы.

Справедливость вердикта во многом зависит от качественного состава коллегии. Именно поэтому в законодательстве предусмотрен ряд требований к кандидатам в присяжные, а процедура формирования коллегии детально регламентируется в УПК. Предъявляемые законом требования представляются логичными, но не полными. К примеру, исключая из возможных кандидатов лиц со снятой или не погашенной судимостью, закон оставляет возможным попадание в список кандидатов оправданных и лиц, в отношении которых производство по делу было прекращено.

Вопрос о том, следует ли допускать к участию в отправлении правосудия таких лиц, представляется дискуссионным, так как у данных лиц также есть некое сформированное отношение к участникам процесса в абстрактном смысле. Вероятно, вводя данное требование, законодатель руководствовался именно отношением указанных категорий лиц к участникам процесса, возможной необъективностью, а не тем, фактом, что лицо, причинившее вред обществу, не сможет принять решение, отвечающее интересам общества, так

как в противном случае было бы нецелесообразным устанавливать ценз для лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления, ведь в отношении них действует презумпция невиновности.

Важным является и тот факт, что действующий порядок формирования коллегии не дает сторонам полного спектра возможностей по отводу тех кандидатов, чье нахождение в коллегии является спорным. Так, количество немотивированных отводов является недостаточным, а мотивированные отводы — слишком слабая гарантия, так как они переводят решение о нахождении лица в составе коллегии в оценочную плоскость. Вместе с этим, в науке уголовного процесса были сформированы достаточно интересные идеи по совершенствованию процедуры заявления мотивированных отводов, к примеру, ввести обсуждение таких отводов сторонами [4, с. 130]. Наличие и количество немотивированных отводов является дискуссионной темой, относительно которой существуют совершенно полярные взгляды. Особенно критичной видится позиция М. Семененко, согласно которой немотивированные отводы следует убрать вовсе, относя решение вопроса об удовлетворении отвода к полномочиям председательствующего [2].

Думается, что такая позиция, с одной стороны, минимизирует риск нехватки кандидатов и их отвода по надуманным причинам, но вместе с этим и не создает адекватных возможностей участия сторон в формировании коллегии. Такое решение видится определенным компромиссом между правом сторон и риском заявления большого количества безосновательных отводов. Однако, насколько допустимы подобные компромиссы в суде? Вероятно, правильным решением было бы увеличение количества немотивированных отводов, так как необходимо учитывать и риск того, что ни один из мотивированных отводов удовлетворен не будет (так как такая ситуация вполне возможна). Разумеется, в случае неудовлетворения мотивированного отвода при его реальной обоснованности, это решение судьи подлежит отмене. Но в этом случае возникает та проблема, которая не раз указывалась противниками суда присяжных — его дороговизна. Таким образом, не давая сторонам отвести кандидата на этапе формирования коллегии, предусмотренные законом возможности обжалования сами провоцируют повышение стоимости процедуры рассмотрения дела, создавая аргумент против суда присяжных! Другая очевидная проблема вытекает из совокупности неполноты закрепленных в законе требований к кандидатам и недостаточности количества немотивированных отводов. Такое сочетание видится особенно опасным, так как оно приводит либо к финансовым и временным затратам (как было указано выше), либо негативно сказывается

на качественном составе коллегии, что неизбежно сказывается и на правосудности вердикта, то есть и на его справедливости как элементе правосудности.

Таким образом, закрепленные в законе меры по обеспечению легитимного состава коллегии в целом могут гарантировать создание беспристрастной коллегии, но не являются совершенными и нуждаются в реформировании.

Вместе с этим, нормы, обеспечивающие беспристрастность судьи, закреплены в УПК достаточно полно. Так, ст. 61 и 63 приводит круг обстоятельств, в случае существования которых он сам обязан заявить себе отвод. В противном случае отвод может быть заявлен сторонами в соответствии с положениями ст. 64.

Даже в том случае, если предубеждение отсутствовало до начала рассмотрения дела, риск появления предвзятости может возникнуть в процессе проведения судебного следствия. В науке отмечается повышенная внушаемость коллегии, что приводит, с одной стороны, к широкому выпуску литературы [3], обучающей участников процесса оказывать влияние на коллегию, а с другой стороны, вызывает необходимость выделения воздействия, признаваемого незаконным.

Защита коллегии от незаконного воздействия, предусмотренная УПК, носит пробельный характер: не давая исчерпывающего определения такого воздействия, закон ставит под удар принцип состязательности сторон и принцип равноправия (в случае признания существования обвинительного уклона). Полномочия председательствующего по признанию какого-либо действия актом незаконного воздействия на коллегию могут помешать стороне защиты предоставлять альтернативные версии, выражая свою позицию по делу. В данном случае проблемным является определение той грани, которая разделяет незаконное воздействие и выражение позиции. На наш взгляд, ограничение стороны в таком базовом праве в условиях состязательного процесса недопустимо.

Принципиальным в условиях обвинительного уклона является и защита коллегии от возможного влияния председательствующего. Закрепление в России англо-саксонской модели суда присяжных, подразумевающей невмешательство судьи в деятельность коллегии, действительно делает суд присяжных своеобразной защитой обвиняемого от воздействия этого явления. Именно англо-саксонская модель, в отличие от континентальной, делает такую защиту возможной. Однако, эффективность этой защиты не является абсолютной: с одной стороны, УПК прямо запрещает судье выражать свое мнение относительно вопросов, поставленных перед присяжными и от-

ношение к доказательствам. С другой стороны, широта напутственного слова создает опасность демонстрации позиции судьи, так как содержит не только технические аспекты, но и приведение позиций и доказательств. Представляется, что более логичным решением было бы сокращение содержания напутствия до освещения процедуры голосования, напоминания содержания присяги и разъяснения существа уголовного закона.

Предвзятое отношение может возникнуть и у профессионального судьи. Закон предусматривает способы защиты от подобного отношения судьи, которое он может проявить на этапе судебного следствия. Требование о беспристрастности судьи закреплено в ст. 9 Кодекса судейской этики, в соответствии с которой «при исполнении своих профессиональных обязанностей в целях объективного рассмотрения дела судья должен быть свободен от каких-либо предпочтений», а в ст. 61 УПК среди обстоятельств, исключающих участие в производстве по уголовному делу, указана личная заинтересованность судьи в исходе дела. Соответственно, если судья проявляет предвзятое отношение, то в соответствии с ч. 62 УПК создается возможность заявления ему отвода, а нарушение положений Кодекса судейской этики являются поводом для подачи жалобы в Квалификационную Коллегию. Таким образом, в случае открытой демонстрации предубеждения, законом закреплены достаточные гарантии защиты от данного предубеждения.

На основании статистики оправдательных приговоров, выносимых присяжными и профессиональными судьями (разница более чем в 20 раз), можно, с одной стороны, сделать вывод об эффективности мер по обеспечению беспристрастности коллегии, и, с другой стороны, удостовериться в факте существования в России обвинительного уклона судей. Думается, что проанализированные положения законодательства, обеспечивают отсутствие внешних проявлений предвзятого отношения судьи. Однако никакими процессуальными механизмами невозможно гарантировать справедливое и беспристрастное отношение судей к подсудимому, как в силу объективных факторов (которые являются той причиной, из-за которых признается существование обвинительного уклона), так и факторов субъективных (понимания справедливости конкретным человеком). Процессуальные средства позволяют лишь снизить риск наличия предубеждения.

Суд присяжных, как суда общества, меняет представления о справедливости представителя судейского сообщества на соответствующие взгляды народа. Нормативное регулирование, предусмотренное главой 42 УПК, хоть и нуждается в совершенствовании, но позволяет внести в зал суда общест-

венное мнение, противостоящее обвинительным взглядам судейского корпуса. Именно это делает суд присяжных исключительной формой судопроизводства, своеобразным спасением от обвинительного уклона, который не может быть реализован в его рамках.

Литература:

1. Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / Под ред. В. В. Волкова. — М.: Статут, 2012.
2. О мерах по совершенствованию участия прокурора в качестве государственного обвинителя в суде с участием присяжных заседателей. М. Семеновко, «Право и жизнь», N 5, май 2011 г.
3. Искусство речи в суде присяжных: учеб.-практич. Пособие/ И. Л. Трунов, В. В. Мельник. — 2 изд., перераб. И доп. — М.: Юрайт, 2012. — 662 с.
4. Спирин С. В. «Теория и практика формирования состава коллегии присяжных заседателей по уголовному делу: монография. — М.: Юрлитинформ, 2011.
5. Коломенская С. А. Формирование коллегии присяжных заседателей в уголовном процессе России и США: монография / под науч. Ред. С. Д. Шестаковой. — М.: Юрлитинформ, 2001.
6. Пашин С. А. Становление правосудия. — М.: Р.Валент, 2011

19. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Воспитательные колонии и концептуальное развитие их в будущем России

Новикова Юлия Валерьевна, аспирант

Российская правовая академия министерства юстиции Российской Федерации

На сегодняшний момент воспитательные колонии (далее ВК) являются исправительным учреждением, а также структурным подразделением управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными Федеральной службы исполнения наказаний, обеспечивающим организацию исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, а также организацию воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми в совершении преступлений, содержащимися в следственных изоляторах. Борьба, предупреждение и предотвращение преступности несовершеннолетних всегда являлось значимым вопросом, стоящим перед государством. Из-за своей специфичности как субъекта несовершеннолетние преступники всегда были в поле зрения законодателя. Их исправление являлось, да и сейчас является важной задачей, имеющей глобальный характер, и являющейся одним из неотъемлемых факторов предупреждения преступности в целом. Оглядываясь в прошлое, необходимо отметить, что положение об уголовных наказаниях несовершеннолетних впервые появляется в Артикле Воинском 1715 года. Однако, законодатель в данном Артикле не прибегает ни к какой конкретике. Несовершеннолетние осужденные отбывали свои наказания наряду со взрослыми преступниками в тюрьмах, приютах, колониях, арестных домах, что абсолютно точно, имело не только негативных характер, но и последствия. На тот момент в Царской России вообще отсутствовала какая-либо система по перевоспитанию оступившихся подростков, а следовательно и исправительного эффекта тоже не достигалось. Однако, все постепенно начало меняться, благодаря направленности на гуманность в пра-

вовой и социальной сфере которую выбрало Советское государство, как один из важных принципов своей деятельности. В подтверждении ранее сказанному необходимо отметить Декрет СНК РСФСР от 14.01.1918 года «О комиссиях для несовершеннолетних». Данный Декрет стал отражением более внимательного отношения к проблемам преступности несовершеннолетних, и к осужденным подросткам вообще. Упразднились суды и тюремное заключение. Декрет исключал уголовную ответственность несовершеннолетних до 17 летнего возраста. Дела рассматривались комиссиями по делам несовершеннолетних и выбирались наказания не связанные с лишением свободы, исключения были только в том случаи, если подросток являлся рецидивистом, или совершал тяжкое или особо тяжкое преступление. В этом случаи его дело отправлялось на рассмотрение в народный суд, а далее в учреждения системы НКЮ. В 1921 году появилось «Положение о трудовых домах для несовершеннолетних». Целью данного положения являлось исправление несовершеннолетних осужденных по средством привлечения к труду, а так же прививание трудолюбия, порядочности, усердности. Необходимо отметить, и такую задачу как развитие умственных способностей подростков, посредством общего и профессионально образования. Для этого были созданы на территории трудовых домов общеобразовательные школы и учебно-производственные мастерские. Возможно труд и сделал из обезьяны человека, однако на мировоззрение и сознание подростка он не имеет настолько сильного влияния. В связи с этим последовала реорганизация трудовых домов в школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). К марту 1931 года данная реорганизация была выполнена полностью. Хотя использование труда, так и оставалось ключевым перевоспитывающим фактором, в дополнение к нему, пришли такие рычаги как взаимосвязь с промышленными предприятиями, с дальнейшей перспективой работы там, коллективами трудящихся, для полноценной социализации подростка, содействие комсомола. Что, способствовало на более высоком уровне осуществлять перевоспитание.

В 1935 году было принято Постановление СНК СССР «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», которое устанавливало типы учреждений, занимающихся исправлением несовершеннолетних преступников: изоляторы, трудовые колонии, приемники распределители. До выхода в свет данного Постановления, все исправительные учреждения регламентировались исправительным законодательством.

Во времена 2-й мировой войны СНК ССР издал новое Постановление «Об усилении борьбы с детской беспризорностью, безнаказанностью и хулиган-

ством», датированный 15.06.1943 года. Данное постановление привело к системной работе с несовершеннолетними, чем улучшило всю деятельность исправительных учреждений. Все исправительные учреждения регламентировались Положениями, которые утверждало для них НКВД-МВД ССР. В 1968 году ему был присвоен законодательный характер посредством Указа Президиума Верховного Совета СССР. Благодаря всей этой проведенной работе сформировалась стойкая и надежная система управления исправительными учреждениями, базирующаяся на гуманном отношении к несовершеннолетним. В 1969 году воспитательно-трудовые колонии вошли в систему исправительно-трудовых учреждений закрепленной Основами исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик.

На сегодняшний момент действует Уголовно-Исполнительный кодекс принятый 08.01.1997 года № 1-ФЗ., который в п.9 ст. 16 одним из органов исполняющим наказание в виде лишения свободы выделяет воспитательные колонии. Регламентация их деятельности, а также порядок исполнения наказания в данных учреждениях также находит свое отражения в УИК РФ в главе 17. Для контроля и надзора деятельности всех исправительных учреждения законодатель создал специальный орган — Федеральную службу исполнения наказаний (ФСИН России). ФСИН России согласно «Положению о Федеральной Службе Исполнения Наказаний» является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, функции по содержанию лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, и подсудимых, находящихся под стражей, их охране и конвоированию, а также функции по контролю за поведением условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания, и по контролю за нахождением лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, в местах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений. В ведении ФСИН России на сегодняшний момент согласно опубликованным на сайте ФСИН России данным находятся 46 воспитательных колоний, расположенные в 43 субъектах Российской Федерации. Из них 43 — для содержания несовершеннолетних осужденных мужского пола и 3 (в Белгородской, Рязанской и Томской областях) — для содержания несовершеннолетних женского пола. Лимит наполнения всех ВК составляет 15440 места, в том числе женских ВК — 1323 места. На 01.07.2012 года в ВК отбывали наказание в воспитательных колониях 2597 осужденных,

в т.ч. 156 несовершеннолетних женского пола. Впервые отбывают наказание в виде лишения свободы 2505 человек. Анализ преступности несовершеннолетних, позволяет увидеть, что около 40 % преступлений, совершено лицами, не достигшими 16 летнего возраста. Хотелось бы отметить, достаточно острую проблему, вытекающую из анализа преступности несовершеннолетних — это рецидивная преступность, которая составляет 70 %.

В системе исправительных учреждений, воспитательные колонии занимают особое место, так как необходимо учитывать особенности личности несовершеннолетних правонарушителей, которым с одной стороны, предоставляются льготные по сравнению со взрослыми преступниками условия содержания, а с другой стороны, создают благоприятные условия для возвращения к правильному образу жизни в обществе. В рамках данной статьи хотелось бы упомянуть о прошедшей конференции, где обсуждалось дальнейшее развитие воспитательных колоний. В ходе данной научно-практической конференции по вопросам реформирования уголовно-исполнительной системы, которая состоялась 10 сентября 2009 г. в Москве, были определены задачи по реформированию уголовно-исполнительной системы. Решение этих задач направлено, на дальнейшую гуманизацию системы исполнения наказаний и на повышение возможностей в достижении целей исправления осужденных, предупреждения совершения ими новых преступлений. Комплекс мероприятий по решению данных задач нашел свое отражение в проекте Концепции развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации на период до 2020 г. Несомненно, главной задачей, стоящей перед современным исправительным учреждением для несовершеннолетних, является организация деятельности психолого-педагогического и реабилитационного характера, которая должна проводиться с учетом не только возрастных, но и индивидуальных (психологических, физиологических, уголовно-правовых) характеристик осужденных.

Все это предопределяет объективную необходимость рассмотрения вопроса о создании исправительного учреждения для несовершеннолетних осужденных нового типа, с учетом европейских стандартов пенитенциарной деятельности, а также накопленного отечественного и зарубежного опыта. Основная задача данного учреждения должна состоять в организации комплексной, завершенной системы исполнения лишения свободы для лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, направленной на социализацию личности. С этой целью бывшим директором ФСИН России А.А. Реймером было принято решение о разработке модели исправительного учреждения для несовершеннолетних осужденных нового типа. К ра-

боте по ее подготовке были подключены Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Научно-исследовательский институт ФСИН России, Научно-исследовательский институт информационных и производственных технологий ФСИН России, Академия ФСИН России. При разработке модели также учитывались мнения ведущих ученых Академии Генпрокуратуры Российской Федерации, Академии управления МВД России и др. Под руководством заместителя директора ФСИН России А.М. Величко осуществлена научно-практическая разработка по теме «Концептуальная модель воспитательного центра для несовершеннолетних осужденных». Модель включает в себя описание целей и задач воспитательного центра, его функциональной и организационной структуры, условий отбывания наказания и содержания под стражей. В модели также представлена характеристика системы управления воспитательным центром, даны предложения по организации отдельных направлений его деятельности, разработан примерный расчет штатной численности персонала. Приведены предложения по материальной базе воспитательного центра, рассмотрены вопросы подготовки кадров для работы с несовершеннолетними осужденными.

Хотелось бы привлечь внимание и к тому, что попытки внедрения новой модели исполнения наказания в отношении несовершеннолетних, уже находят отражения в разных колониях, так например 16 марта 2013 года в Можайской ВК прошел круглый стол на тему» Актуальные проблемы апробации проекта модели воспитательно центра на базе Можайской воспитательной колонии и пути их решения».

Еще один несомненно положительный путь решения проблемы с рецидивной преступностью несовершеннолетних, предложил ФСИН России в своем проекте федерального закона № 493301–4 «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и статью 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Целью настоящего законопроекта является гуманизация уголовно-исполнительного законодательства в отношении несовершеннолетних осужденных.

Все изменения, и грядущие поправки в вопросе отбывания наказания, в отношении несовершеннолетних, разработаны и направлены на облегчение, смягчение условий для несовершеннолетних, если все данные программы, концепции и изменения войдут в силу, в том объеме в каком они представляются, то несомненно результат будет достигнут, конечно не на все 100 %, так как уголовно-исполнительная система еще не пришла в то стабильное состояние, при котором показатели преступности, и рецидивной преступности по-

ползли вниз, но однозначно приведет к улучшению в вопросе несовершенно-летней преступности.

Литература:

1. Уголовно-Исполнительный Кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 01.02.2013); <http://www.consultant.ru>
2. Указ Президента Российской Федерации «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» от 13.10.2004 г. № 1314 (ред. от 30.03.2012 № 351)
3. Декрет СНК РСФСР «О комиссиях для несовершеннолетних» от 14.01.1918 г.
4. «Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних» — Сборник статей-М.: «Права человека», 2000.
5. Научно-исследовательский институт информационных и производственных технологий: Концептуальная модель воспитательных центров для содержания лиц, осуждённых к лишению свободы в несовершенно-летнем возрасте: Москва, 2010.
6. Проект федерального закона № 493301—4 «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и статью 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
7. <http://www.minjust.ru>
8. <http://www.fsin.su>

20. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

К вопросу о применении силы в международном праве

Долженкова Ольга Александровна, студент

Научный руководитель Гашина Н.Н., кандидат юридических наук, доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте РФ (г. Москва)

Проблема применения силы всегда была и остается одной из самых сложных и дискуссионных в международном праве. С одной стороны, очевидно, что сила использовалась и продолжает использоваться для решения самых разных задач, с другой стороны, вся система Организации Объединенных Наций нацелена на то, чтобы процент применения силы был как можно меньше. Применение силы как через миротворчество под эгидой ООН, так и через гуманитарную интервенцию, через вооруженные конфликты, через гражданские войны сегодня приобретает особо острое звучание. Проблемы возможности, а главное, границ применения силы издавна остро стоят в международном праве. Безусловно, Организация Объединенных Наций, являясь фундаментом современного международного права, не может быть в стороне от этих проблем и должна наиболее четко отражать позицию современного международного сообщества по вопросу рамок применения силы. Однозначно можно сказать, что сила регулярно используется в современных международных отношениях в тех или иных формах, что делает неосуществимой возможность полного запрета на ее применение. Наиболее часто основаниями и предлогами для применения силы можно считать обязательства по договору, защиту собственных граждан за рубежом, гуманитарную катастрофу.

Именно поэтому задача ООН, на наш взгляд, состоит в том, чтобы максимально привести в соответствие реальное применение силы и правовую базу данного применения: «... как свидетельствует горький опыт Организации Объединенных Наций, никакое количество хороших намерений не станет заменой

реальной возможности направлять дееспособные силы, в частности, для того, чтобы обеспечить успех комплексной миротворческой операции. Но одной лишь силой нельзя обеспечить мир, сила может только подготовить пространство, в котором можно построить мир» [2].

Наибольшие дискуссии в данном ракурсе вызывает проблема правомерного применения силы, так как «применение вооруженных сил ООН или группой государств или отдельными государствами вне рамок ООН — все это, так или иначе, применение вооруженной силы одними государствами против других государств» [4].

Ситуацию осложняет наличие самых противоречивых мнений по указанной проблеме: «Многие эксперты убеждены, что раннее и решительное военное вмешательство может стать эффективным сдерживающим средством для дальнейших убийств. Другие полагают, что максимум того, что может дать гуманитарная интервенция — это приостановка кровопролития, которого может быть достаточно для начала мирных переговоров и для оказания различных форм помощи. То есть она позволяет выиграть время, однако не решает проблем, лежащих в основе конфликтов» [5]. Можно констатировать, что в доктрине международного права нет единства относительно правомерности применения силы.

Способствование миру — это процесс урегулирования разногласий и разрешения проблем, которые ведут к конфликту, главным образом путем дипломатии, посреднической деятельности, переговоров или других форм мирного урегулирования». Вообще сегодня зачастую используют деление миротворческой концепции на две части, более обширные, — во-первых, миротворчество без использования военной силы, к которому в классической доктрине относятся превентивная дипломатия, миростроительство и средства мирного разрешения споров, а во-вторых, миротворчество, связанное с использованием военной силы, к которому относятся поддержание и принуждение к миру. Под поддержанием мира понимаются «меры и действия с использованием вооруженных сил или военных наблюдателей, принимаемые Советом Безопасности ООН для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

В настоящее время многие государства, например, США и союзники по НАТО не соблюдают важные положения Устава ООН о необходимости решения международных споров мирным путем, о применении государственной силы лишь в ответ на вооруженное нападение или по решению Совета Безопасности ООН, о развитии международных отношений на основе равноправия

народов и суверенного равенства всех членов ООН, о главной ответственности СБ ООН за поддержание международного мира и безопасности и др.

Курс США и НАТО на игнорирование ключевых норм международного права, подрывавший авторитет ООН и ее СБ, агрессивные войны, начатые во исполнение своих доктрин — война НАТО против Югославии в 1999 г. под «гуманитарным» предлогом, война США против Ирака в 2003 г. вообще под выдуманным предлогом о «наличии» там готового к применению оружия массового уничтожения, — привели к катастрофическим последствиям для населения Югославии и Ирака, вызвали кризис в отношениях между Европой и США и подорвали поддержку концепции «гуманитарной интервенции» даже на Западе, особенно в Европе и Канаде, в том числе среди юристов-международников этих стран. Министр иностранных дел России С. В. Лавров отмечал, что сам термин «гуманитарная интервенция», противоречащий Уставу ООН, «сейчас уже не используют, потому что он «саморазоблачительный» [3].

Солидаризируясь с указанной точкой зрения, отметим, что в науке международного права существует и иной подход к рассматриваемой проблеме. Так, сторонники гуманитарной интервенции отмечают, что вопросы обеспечения и защиты прав и основных свобод человека не являются исключительно внутренним делом государства. Это вытекает, в частности, из необходимости неукоснительного соблюдения Устава ООН, положений Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Хельсинского Заключительного акта 1975 г. и многих других документов, обязывающих государства гарантировать права человека. Поскольку данные вопросы не относятся к исключительно внутренней компетенции, то гуманитарная интервенция со стороны другого государства или группы государств является способом решения дела, которое входит в их компетенцию.

Концепция универсальности прав человека дополняется концепцией ограниченного государственного суверенитета, суть которой заключается в том, что на государстве в силу суверенитета лежит ответственность по защите и обеспечению прав и основных свобод человека и гражданина. Если государство не выполняет эту обязанность, международное сообщество вправе вмешаться. В свою очередь, такой подход обуславливает приоритет принципа уважения прав человека и основных свобод перед принципами уважения суверенитета государства и невмешательства во внутренние дела. Отчасти, это может быть оправдано тем, что государства способны злоупотреблять правом суверенитета, прикрывая, таким образом, массовые и грубые нарушения прав человека. В таком случае применение силы в целях спасения людей не может считаться применением силы против государства, его политической незави-

симости и территориальной целостности, поскольку независимость государства — это свобода выбирать путь политического, экономического, социального и культурного развития, но массовое нарушение прав человека не может быть правомерным выбором государства; «речь не идет о посягательстве на принцип государственного суверенитета, поскольку права человека и его жизнь в первую очередь находятся под защитой международного права». Более того, гуманитарная интервенция не преследует цели посягательства на территориальную целостность и политическую независимость государств, т. е. на незаконные цели применения силы согласно Уставу ООН, а значит, гуманитарная интервенция соответствует целям ООН. Соблюдение прав человека является одной из основных обязанностей государственной власти, в случае ее невыполнения государство само нарушает свой суверенитет, соответственно, гуманитарная интервенция не может нарушить суверенитет, а способна только его восстановить [6].

Важным аспектом является право государств на самооборону. До недавнего времени существовали две точки зрения на содержание указанного права: буквальное толкование ст. 51 Устава ООН, в соответствии с которой исключается любая самооборона, если она осуществляется не в ответ на вооруженное нападение, и расширительная интерпретация, допускающая самооборону перед лицом нависшей над государством угрозы вооруженного нападения.

Конфликты последнего поколения все чаще имеют внутrigосударственный характер, что ограничивает возможность вмешательства ООН в силу государственного суверенитета. Однако, глава VII Устава допускает вмешательство в случае «угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии». Следовательно, сторонники вмешательства считают, что понятие «гуманитарной катастрофы» можно приравнять к «угрозе миру, нарушению мира или акта агрессии». Сторонники данной концепции ссылаются также на Преамбулу и ст. 1, 55 и 56 Устава ООН, в которых оговаривается возможность «предпринимать совместные и самостоятельные действия» для «всеобщего уважения и соблюдения прав человека». Фактически такая теория имеет право на существование, так как термин «операции по поддержанию мира», так же как и термин «вмешательство по гуманитарным причинам», в Уставе отсутствует. Однако, это не мешает на протяжении нескольких десятилетий применять ОПМ на основании расширительного толкования положений Устава ООН.

А. Л. Адамишин полагает, что «ряд исходных положений Устава ООН уже не отвечают новым условиям. Устав ООН регулирует главным образом межгосударственные отношения, включая конфликты между странами. Устав ООН мало в чем может помочь, когда речь идет о конфликтах внутри государства, межэтнических, межнациональных столкновениях» [1].

Пункт 4 ст. 2 Устава ООН закрепляет универсальный императивный принцип неприменения силы и угрозы силой. По мнению Ю. Н. Малеева, такого принципа никогда не было, не существует, и главное, быть не может в природе человеческого общества. Наоборот: сила, и только сила, структурирует человеческое общество — иное дело, что она должна применяться адекватно и пропорционально [4].

Таким образом, можно констатировать, что проблема применения силы в современном международном праве не решена окончательно, и, несмотря на формальное признание ООН как единственной международной структуры, имеющей право на легитимное применение силы, силовые методы часто применяются различными государствами для решения конфликтов и реализации собственных национальных интересов.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, неуклонное возрастание количества ситуаций нерегламентного применения вооруженной силы в межгосударственных и внутригосударственных отношениях, а также произвольного толкования норм международного права, ведет к мысли о формировании новой отрасли международного права — международного чрезвычайного права.

Международное чрезвычайное право, по нашему мнению, должно базироваться на следующих принципах: принцип обязанности сотрудничать в предотвращении глобальных угроз и вызовов; принцип субсидиарности институтов обеспечивающих противодействие глобальным угрозам и вызовам; принцип своевременного реагирования.

В обозримом будущем должен быть реформирован СБ ООН с Вооруженными Силами ООН, во главе которых будет Военно-штабный комитет. Необходимо сформировать и утвердить список региональных организаций, которые бы могли с санкции СБ ООН принимать участие в различных стадиях определения, локализации, ликвидации рисков, вызовов и угроз.

Полагаем, что целесообразно разработать международные стандарты чрезвычайного «законодательства». Тогда, может быть, прекратятся споры о жизнеспособности принципа неприменения силы и угрозы силой. А будет принцип

рационального и адекватного применения силы в целях борьбы с глобальными рисками, угрозами и вызовами.

Литература:

1. Адамишин А. На пути к мировому правительству // Россия в глобальной политике. 2002. № 1. Ноябрь-декабрь.
2. Доклад группы по операциям ООН в пользу мира. А/55/305-S/2000/809.
3. Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова журналу «Международная жизнь» 13 сентября 2012 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.lawinrussia.ru/node/167875>
4. Малеев Ю.Н. Организация Объединенных Наций и применение вооруженной силы государствами // 60 лет ООН. 50 лет Российской ассоциации содействия ООН. М.: Изд-во РУДН, 2006. — С. 65–107.
5. Модин Н.В. «Гуманитарная интервенция» как метод регулирования международных конфликтов // Власть. 2007. — № 3. — С. 94–97.
6. Синякин И.И. Правомерность гуманитарной интервенции: современные международно-правовые аспекты / И.И. Синякин // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 10 (53). — С. 50–58.

21. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Место социального самоопределения в жизненной позиции молодого поколения

Джанибекова Нодира Абдусаломовна, старший преподаватель;

Зарипов Шохбоз Алижон угли, студент

Гулистанский государственный университет (Республика Узбекистан)

Осуществляемые в Республике Узбекистан глобальные политические и социальные преобразования требуют пересмотра вопроса об отношении к молодому поколению, ибо процесс внедрения новых социально-экономических реалий требует утверждения нового общественного сознания. Бесспорно, что перспективно роль главного носителя нового экономического сознания должна принадлежать молодежи, ибо за нею — будущее. Поэтому, взяв на себя основную ответственность за судьбы нации и народа, государство поставило перед обществом четко определенные, конкретные цели, а именно:

- психологически и морально подготовить молодежь к переходу к многообразным формам собственности и общественных отношений, способствовать ее адаптации к изменяющимся условиям;

- создать возможности для опережающего развития интеллектуального потенциала и его свободной самореализации молодым поколением в любой сфере деятельности;

- гарантировать молодежи правовую защиту путем научно выработанных и организационно закрепленных механизмов, обеспечивающих материальное и культурное пространство для свободного развития человека и становления нового типа личности.

Все это особенно важно в условиях Узбекистана, где молодежь составляет половину населения.

«Молодежь, — указывает Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов, — это наша опора, наша надежда на будущее, продолжатель наших

благих дел... От того, какой будет молодежь, зависит... будет ли воплощена идея национального возрождения, особенно процветание нашего государства» [1].

С обретением республикой независимости и переходом к рыночным отношениям стали ломаться стереотипы старого мышления, меняться психология и мировоззрение людей, в том числе молодежи, в связи с чем в настоящее время особо актуальным становится исследование проблем формирования психологии молодого поколения. Центром изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр» было приведено социологическое исследование на тему «Молодежь Узбекистана: жизненная позиция, нравственность, социальные ориентиры».

Жизненная позиция молодежи служит важной платформой для осознания и реализации своей роли и назначения в жизни. Результаты опросов молодежи, проведенных за годы независимости, позволяют отметить высокий уровень ее образования. Основными жизненными установками молодых узбекистанцев является получение образования и профессии, самосовершенствование. Каждый второй опрошенный считает, что это важно для занятия достойного места в жизни.

Опросом выявлен высокий интерес молодежи к сфере предпринимательства. В целом молодежь Узбекистана хорошо ориентирована на включенность в рыночные структуры, на занятие высокого положения в частном секторе.

Следует особо отметить очень важный момент — все большую ценность в глазах молодежи страны приобретает такое качество, как высокая нравственность. Как показывают результаты исследования, большинство юношей и девушек (более 90 процентов) высоко оценивает политику главы государства в вопросах повышения нравственности молодого поколения. Основные качества, которые молодое поколение связывает с понятием нравственности, это — честность, хорошее знание истории своего народа, чистота души, уважение национальных традиций, развитое чувство национальной гордости, скромность, национальная и религиозная толерантность, неприятие экстремизма.

Опрос показал, что у молодежи страны высоко развито чувство любви и преданности Родине. Патриотизм ассоциируется у молодежи с любовью к Родине, самоотверженным служением Родине, готовностью к ее защите. При этом молодые люди в целом достаточно четко характеризуют свою позицию как истинных патриотов.

Результаты исследования показали, что для наших юношей и девушек характерна взвешенная оценка уровня своей правовой грамотности. В целом участ-

ники опроса оценили свою правовую грамотность как хорошую и среднюю. Анализ полученных данных констатирует достаточно высокое знание молодыми узбекистанцами Конституции страны и основных правовых кодексов. Образование и работа, по мнению большинства молодежи, являются факторами, способствующими росту заинтересованности молодых людей в повышении своей правовой культуры [4].

Абсолютное большинство молодежи Узбекистана имеет планы на будущее. Они связаны в основном с получением высшего образования и хорошей специальности, созданием прочной семьи, открытием своего дела в сфере предпринимательства.

В целом опрос выявил достаточно высокий и устойчивый уровень социального оптимизма молодежи. Юноши и девушки чувствуют себя уверенно в условиях социальной, политической и экономической стабильности в стране, что позволяет им высоко оценивать собственные стартовые позиции, возможности и перспективы. 79,4 процента молодых респондентов отметили общее удовлетворение своей жизнью и свою готовность к защите достижений страны за годы независимости, активному участию в осуществлении социально-экономических и политических реформ [4].

На наше молодое поколение, входящее в жизнь в первом десятилетии XXI века, история возложила обязанность растущего участия в решении задач коренного обновления общества, нового понимания процессов и явлений, отхода от устаревших схем и стереотипов жизни, поведения и мышления. Молодежь надо рассматривать как составную часть общества, его специфическую группу. Ее формирование и положение следует анализировать в рамках этого общества, исходя из особенностей той или иной социально-экономической формации. Поскольку молодежь диалектически сочетает в себе и сильные, и слабые в социальном отношении черты, ей, с одной стороны, свойственны социальная активность, повышенная восприимчивость и чувство нового, потребность в идеале, жажда творческого переустройства мира, бескомпромиссность, страстность и горячность, а с другой — элементы нетерпеливости, нередко бездумного критицизма, стремления отрицать всё и вся.

Социальная суть молодого поколения, его мышление и поведение зависят от совокупности общественных отношений, вытекающих из характера способа производства материальных благ. Для молодежи характерны стремление к самостоятельности и независимости и в то же время сильная подверженность групповому влиянию, зависимость от мнения компании сверстников, своего непосредственного окружения, микросреды.

Молодежи свойственны устремления в будущее. Вот почему молодому человеку весьма важно иметь четко определенные жизненные планы и цели. Верно сориентированная жизненная перспектива, четкие жизненные планы и цели активизируют участие молодого человека в общественной практике и реализуются в ней, что отвечает и его общественным интересам.

Известно также, что молодежи свойственна потребность в общении со сверстниками. Причем это выражается не только в стремлении иметь близких друзей, но и в желании иметь более широкий круг общения, «свою компанию» — группу. В условиях переходного периода центр тяжести в досуговой молодежной политике переносится из общественной системы в частную. Она должна строиться на серьезном внимании и глубоком осознании того, что данная сфера несет в себе высокий нравственный заряд и служит важнейшим механизмом в становлении национальной государственности, формировании личности, ее психологии.

В становлении личности, формировании жизненной позиции молодежи очень многое зависит от того, в какой мере и как конкретно готовится молодой человек к взрослой, самостоятельной жизни и является ли эта подготовка эффективным вхождением во взрослую жизнь. Молодые люди решают для себя проблемы самоопределения и самоутверждения. Возможности выбора типа образа жизни, своего стиля жизни, предоставляемые обществом, порождают проблемы самоопределения личности как в профессиональной сфере, так и в личной жизни.

Центральным звеном в жизненном самоопределении молодого поколения, на наш взгляд, является социальное самоопределение, то есть его интеграции в основные компоненты социальной структуры общества. Социальное самоопределение непосредственно связано с выбором профессии, когда избираются сфера трудовой деятельности и коллектив, в котором молодой человек начинает работать. Профессиональное самоопределение во многом зависит от образовательного уровня. Через систему образования человек получает соответствующую профессиональную подготовку, которая и обуславливает его вступление в ту или иную социальную группу. Это означает, что образовательный путь прямо связан с социальным самоопределением личности. А отсюда вытекает значимость эффективно действующей системы профориентации.

Важным аспектом жизненного самоопределения молодежи является вступление в брак и создание семьи, формировании ее домашней среды как основы жизнедеятельности. Создание пространственно-вещественных ха-

рактических характеристик домашнего очага и формирует материальную основу последующей личной жизни, воспроизводства и воспитания новых поколений. Уровень развитости семейно-бытовой и культурно-домашней инфраструктуры во многом определяет сущность дальнейшего проявления молодежью своей потенциальной дееспособности. Это обусловлено тем, что именно в этой системе формируются те изначальные установки и стереотипы, которые впоследствии находят отражение в человеческих отношениях. Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов неизменно подчеркивает огромную роль семьи как основы, первичной ячейки общества [2].

Таким образом, сегодня молодежь является активным субъектом исторического процесса. Необходимо принятие действенных мер для всемерного повышения ее социальной, экономической активности, социальной дееспособности и культурно-технического потенциала, стремления и умения выполнять на должном уровне свои общественно-гражданские обязанности и функции на благо себе и своему народу.

Литература:

1. Каримов И. А. Узбекистан: свой путь обновления и прогресса. — Т., 1992
2. Каримов И. А. Юксак маънавият — энгилмас куч. — Т., 2008.
3. Жураев А. С. Ёшларга доир сиёсат. — Т., 1992.
4. <http://ijtimoiy-fikr.uz>

Научное издание

ПРАВО: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА (II)

Международная научная конференция

г. Санкт-Петербург, июль 2013 г.

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *П.Я. Бурьянов*

Подписано в печать 24.07.2013. Формат 60х90 ¹/₁₆.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 8,03. Уч.-изд. л. 5,67. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»
192007, г. Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 40